

ДИАЛОГ

Амурский краеведческий альманах

ВРЕМЕН

№ 3

2020

ДИАЛОГ ВРЕМЁН

Амурский краеведческий альманах

Выпуск 3

2020

Амурская областная научная библиотека имени Н.Н. Муравьёва-Амурского

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Долгорук Наталья Григорьевна

Заместитель главного редактора:

Праскова Оксана Сергеевна

Члены редакционной коллегии:

Телюк Татьяна Николаевна,

Кобзарь Валентина Петровна,

Сахончик Станислав Митрофанович,

Никиткин Павел Маркелович,

Чеснокова Марина Константиновна,

Дымова Ирина Владимировна

Графическая модель, обложка,
вёрстка:

Гнускова Марина Ивановна

Отпечатано в типографии

АОНБ им. Н.Н. Муравьёва-Амурского,

675000, Благовещенск, ул. Ленина, 139.

Подписано в печать 20.11.2020

Формат 60×84/8

Бумага офсетная

Гарнитура с засечками Times New Roman

Усл. печ. л. 11.63

Дата выхода в свет 24.11.2020

Тираж 100 экз.

12+

Содержание

Слово редактора

Долгорук Н. Г. 3

Коллекция /Коллекционеры. Музеи. Находки. Археология/

Трухин В. И. О печатях Албазинского острога..... 4

Пискунов С. А. Пекинская миссия Н. П. Игнатъева..... 9

Ерёмин Е. М. Калина Канева. «Рыцарь Балкан.

Граф Н. П. Игнатъев»..... 13

Книга, написанная на коленях (интервью с автором книги)..... 16

Анонс книги Калины Каневой «Рыцарь Балкан.

Граф Н. П. Игнатъев»)..... 24

Содружество /Приграничье. Национальные землячества/

Бобров С. Г., Ворожейкин С. Н., Кайгородов М. В.

Поездка в Трёхречье. Праздник Пасхи..... 26

Волков Е. В. Они жили на берегах Буреи..... 34

Энциклопедия /Люди. Биографии. Судьбы/

Телюк Т. Н. Доктор медицины В. Л. Борман 41

Колода Я. И. Потомки амурских купцов Кувшиновых

восстанавливают родословную..... 44

Степанова Е. В. Удивительная история поисков..... 57

Архив /Документы. Исследования. Редкие книги/

Телюк Т. Н. О некоторых особенностях дальневосточной

золотодобычи в 1920-х годах XX века (по страницам

эмигрантских газет) 62

Кобзарь В. П. Проводник сельскохозяйственных знаний..... 72

В фондах Амурской областной научной библиотеки хранится

подшивка журнала «Амурский земледелец»

Васина И. В. «Первый каталог коллекций Благовещенского

музея» как первоисточник по истории Амурского областного

краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского 76

Хронограф /Даты. События. Мероприятия/

75-лет окончания Второй мировой войны

Чепелев В. Р. Герой Советского Союза М. Г. Воронков 83

Сахончик С. М. В списках фронтовиков не значился 91

Художественное слово

Праскова О. С. «Я не один, пока я с вами...»..... 97

63.3(2Рос–4Аму)

Д 44

Диалог времен : амурский краеведческий альманах / Амур. обл. науч. б-ка им. Н.Н. Муравьева-Амурского ; под ред. Н. Г. Долгорука. – Благовещенск : Изд-во АОНБ, 2020. – 30 см.

Вып. 3. – 2020. – 100 с. : ил., портр. – 100 экз.

Н.Г. Долгорук,
директор Амурской областной научной библиотеки
имени Н.Н. Муравьёва-Амурского,
заслуженный работник культуры Амурской области

Уважаемые читатели!

Жизнь каждого из нас течёт как маленький ручеёк, вливаясь в большую реку событий. События могут быть незамеченными, а могут запомниться и войти в историческую летопись семьи, города или всей страны.

Авторы третьего выпуска Амурского краеведческого альманаха «Диалог времён» собирают по капельке ручейки событий и фактов из жизни наших земляков, которые должны найти достойное место в истории Амурской области – личность графа Н. Игнатьева, деятельность купцов Кувшиновых, открытия доктора медицины В. Л. Бормана, заведующего хирургическим отделением Благовещенской городской больницы, удивительные поиски в Австралии и Китае амурских предков Вертопраховых и Пушкарёвых, и ещё много интересного и познавательного о том, что вокруг нас.

Материалы, представленные в Альманахе, представляют интерес для людей, которых объединяет поиск новых знаний о своей малой Родине.

Успехов вам и новых открытий на страницах нашего Альманаха!

В. И. Трухин,
ведущий инженер Амурского научного центра ДВО РАН

О ПЕЧАТЯХ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА

Ключевые слова: Албазинский острог, печать, грамота, Албазинское воеводство, приказчик, воевода.

В статье уточняется дата создания и назначение единственной сохранившейся до настоящего времени городской печати XVII века – печати Албазинского острога. Кроме этого, приводятся сведения о печати приказчика Албазинского острога И. С. Войлошниковца, оттиск которой был обнаружен в ходе археологических раскопок городища «Албазинская крепость».

Одним из важнейших атрибутов государственной власти Албазинского острога, несомненно, является сохранившаяся до настоящего времени его серебряная печать. Она хранится в нумизматической коллекции Государственного Эрмитажа. Научной общественности печать стала известна в 1915 году [4] и с этого времени неоднократно была предметом изучения историков, специалистов по сфрагистике и геральдике [1; 2; 3; 5]. В этих исследованиях важнейшим и пока нерешённым вопросом остаётся вопрос о дате её изготовления. Создание печати, как правило, связывают с образованием Албазинского воеводства, что не обосновательно.

В исторических исследованиях, посвящённых Албазинскому острогу, 1682 год утвердился как год образования Албазинского воеводства. Как правило, эти сведения приводятся без отсылки к первоисточникам. Вероятно, они были почерпнуты из фундаментального исследования П. Т. Яковлевой «Первый русско-китайский договор 1689 года» [11] где, приводя эту дату, автор сделала ссылку на лист 54 первой части столбца № 913 Сибирского приказа, хранящегося в Российском государственном архиве древних актов. Исходя из этого, в своих работах известный исследователь и археолог, проводивший раскопки на Албазинском городище, А. Р. Артемьев сделал вывод о возможной дате создания этой печати. Он считал, что она могла быть изготовлена «не ранее 26 мая 1682 г., когда на царство были посажены Иван и Пётр Алексеевичи, но и не позднее этого года, поскольку именно тогда было учреждено Албазинское воеводство» [1].

Эту датировку удалось уточнить. Благодаря царской грамоте, отправленной 31 августа 1683 года из Москвы в Енисейск воеводе К. О. Щербатову, «об отправлении в Албазин новой печати» [8], удалось скорректировать как верхнюю, так и нижнюю даты изготовления Албазинской печати. В грамоте написано: «... в нынешнем во 191м году по нашему великих г(о)с(у)д(а)рей указу зделана на Москве наша великих г(о)с(у)д(а)рей печать серебряная в Дауры в Албазинской...» [8]. В XVII веке летоисчисление велось от сотворения мира. 191 или при полном написании 7191 год соответствует периоду с 1 сентября 1682 года по 31 августа 1683 года. Соответственно, печать Албазинского острога была изготовлена именно в этот период.

Рис. 1 Серебряная печать Албазинского острога – единственная сохранившаяся из печатей сибирских городов и острогов. Хранится в Отделе нумизматики в государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург). Автор фото А. Р. Артемьев.

То, что это та самая печать, говорит приведённое в грамоте описание: «...а на ней вырезан орёл одноглавой держит лук да стрелу а около тое печати вырезано печать наша великих г(о)с(у)д(а)рей Сибирские земли Албазинского острогу...» [8]. Это описание полностью соответствует описанию печати, сделанному специалистами Эрмитажа: «Серебряная, круглая, плоская, в виде монеты или медали с гранёным ушком. Диаметр 30 мм, толщина 3 мм. Обратная сторона гладкая. Вес 23,95 г. на лицевой стороне, в центре окруженное двойным линейным ободком, углубленное изображение увенчанного короной орла с обращённой в левую сторону головой. В левой лапе орла лук, в правой – обращённая вниз острием оперённая стрела. Вне ободка круговая надпись, ограниченная вдоль края печати линейным ободком: «Печать великих государей Сибирской земли Албазинского острогу». На лицевой стороне ушка орнамент. Печать носит следы употребления. Вероятно, её хранили и носили на шнурке» [4].

В грамоте специально отмечено, что печать следует доставить в Албазинский острог «с великим береженьем», но спешно – «не замотчав» [8]. Это указание может говорить о том, что она была отправлена в Албазинский острог сразу после её изготовления, вслед за указом о назначении Алексея Ларионовича Толбузина воеводой в Албазинский острог. Поскольку грамота «об отправлении в Албазин новой печати» на сегодняшний день является самым ранним из известных документов, где А. Л. Толбузин назван Албазинским воеводой, возможно, именно об указе о назначении его воеводой упоминается в ней: «А наш великих г(о)с(у)д(а)рей указ о том к нему Алексею послан же» [8].

Интересно, что в грамоте определено назначение печати «...для ясачные казны...» [8]. Видимо это было её основное назначение, но она могла использоваться и для других целей, например для запечатывания почты.

Изготовленная в связи с созданием Албазинского воеводства печать использовалась в течение всего периода его существования. Но реальный период её использования оказался шире. Она не вышла из употребления и тогда, когда в июле 1686 года Албазинское воеводство было упразднено, а Алексей Толбузин был убит маньчжурским ядром.¹ Как атрибут государственной власти, она находилась у преемника Алексея Толбузина – казачьего головы Афанасия Бейтона, руководившего обороной Албазинской крепости, и оставалась там вплоть до полного уничтожения этого оборонительного сооружения по условиям Нерчинского мирного договора. Имеются сведения о том, что по необходимости печать использовалась и в Нерчинском остроге, куда была вывезена и длительное время хранилась [3].

Кроме государственной печати Албазинского острога известно об ещё одной печати, использовавшейся в Албазинском остроге. Её оттиск был найден в ходе археологических раскопок «Албазинского городища», проводившихся в 70-е годы XX столетия. Как отмечал в своей работе В. В. Сухих [10], оттиск печати был «выполнен на неопределённой землистой массе, напоминающей сургуч. На лицевой стороне в правильной восьмиугольной рамке, пересечённой двумя линиями, которые делят восьмиугольник на три зоны, расположена надпись – "Иван Семёнов"». Надпись была выполнена полууставом. Диаметр оттиска 1,2 сантиметра. Оттиск был найден в ходе раскопок колодца в слое мусора [10, с.87–88].

Рис. 2. Оттиск личной печати приказного человека Албазинского острога Ивана Семёнова сына Войлошникова, обнаруженная в ходе археологических раскопок на «Албазинском городище», проводившихся в 70-е годы XX столетия. Автор фото В. В. Сухих.

Иван Семёнов — это казачий десятник Иван Семёнов сын Войлошников, который был приказным человеком Албазинского острога примерно с 17 мая 1682 года² до 18 мая 1684 года [9]. И. С. Войлошников очень многое сделал для укрепления обороноспособности Албазинского острога. Для решения вопросов по перестройке острога он действовал весьма жестко. Не ранее 26 ноября 1682 года Иван Войлошников задержал в Албазинском остроге и задействовал на работах по перестройке крепости 282 человека промышленных и торговых людей. О неправомерных, по их мнению, действиях приказчика они подали Нерчинскому воеводе Ф. Д. Воейкову челобитную [6]. Однако благодаря таким, можно сказать, чрезвычайным мерам, в 1683 году работы по переустройству острога были в основном завершены [7, л. 49]. Именно от него Алексей Толбузин принял обновленный Албазинский острог, который уже был дополнен шестью башнями и вновь срубленными стенами. Вне

всякого сомнения, данная печать была личной печатью Ивана Войлошникова и была изготовлена по его личному заказу. В его отписке, написанной 22 марта 1684 года Нерчинскому воеводе Фёдору Воейкову есть сведения об использовании им этой печати: «... Да в н(ы)нешнем же во 192 году марта в 19 де(нь) ведомо учинилось: торговые люди из Албазинского острогу похотели ехать в Нерчинской острог с товары своими и с деньгами и мяхкою рухлядью не платя великим Г(о)с(у)д(а)рем десятой пошлины и без отпуску и без моего ведома. И я Ивашко за то велел служилым людем у тех торговых лавки их запечатать своєю печатью. И марта по 22 е ч(и)сло лавки торговых людей стоят запечатаны...» [7, л. 51–52].

Личная печать могла быть и у казачьего головы Афанасия Бейтона, возглавлявшего Албазинскую крепость после смерти первого и последнего Албазинского воеводы. На ряде подписанных им донесений остались следы оттисков прикладных печатей [3], однако какая печать была приложена к этим документам, установить сейчас невозможно.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что Государственная печать Албазинского острога являлась важнейшим атрибутом государственной власти, порядок её использования определялся царским указом и грамотами, а основным её предназначением являлось опечатывание ясачной казны, направляемой воеводой в Москву. Для иных случаев приказными людьми могли использоваться их личные печати.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Албазинское воеводство просуществовало до июля 1686 года. В ответ на отписку А. Толбузина, посланную им в Сибирский приказ о взятии в июле 1685 года Албазинского острога (РГАДА Ф. 214, оп. 3, ст. 973, л. 230–234), в Нерчинский острог 15 июля 1686 года поступила царская грамота об отстранении А. Толбузина от должности, передаче им всех дел И. О. Власову и отправке его в Енисейск (Дополнения к актам историческим. – 1867. – т. 10. – СПб. – С. 257–258). Однако к этому времени Алексей Толбузин уже находился во вновь построенной на месте Албазинского острога крепости, где по наказной памяти, данной ему вторым Енисейским воеводой И. О. Власовым, продолжал исполнять обязанности Албазинского воеводы (Дополнения к актам историческим. – 1867. – т. 10. – СПб. – С. 257–258). Полученное решение об отстранении А. Л. Толбузина от должности Власов исполнить уже не смог, а Алексей Толбузин скорее всего о нём даже не узнал. 7 июля 1686 года Албазинская крепость снова была осаждена маньчжурами, а на пятый день обороны он был смертельно ранен влетевшим в башню ядром, после чего через три дня скончался (Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. В двух томах. Том 2. 1686–1691. – М. Наука. 1972. – С. 108).

² Точная дата избрания И. С. Войлошникова приказным человеком Албазинского острога не известна. 5 апреля 1682 года на приказе ещё был Андрей Воейков. 17 мая в Албазинский острог прибыл Нерчинский воевода Ф. Д. Воейков, у которого произошёл с албазинскими казаками конфликт. В результате этого конфликта Ф. Д. Воейков был вынужден своего сына Андрея от должности приказчика отстранить. Воейковы покинули Албазинский острог в мае 1682 года. После чего Албазинские казаки выбрали Албазинским приказчиком И. С. Войлошникова. (Дополнения к актам историческим. – 1872. – т. 12. – СПб. – С. 2–8).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьев, А. Р. Ещё раз о печати Албазинского острога / А. Р. Артемьев // Новое в дальневосточной археологии (материалы медиевистов). – Южно-Сахалинск: ИИАЭ ДВО АН СССР, СОКМ, 1989. – С. 45.
2. Артемьев, А. Р. Печать Албазинского острога / А. Р. Артемьев // Вестник ДВО АН СССР. – 1993. – №1. – С. 118–119.
3. Куренная, И. Г. Печать Албазинского острога – символ государственной власти России и её исторический памятник / И. Г. Куренная // Сборник докладов Международной научно-практической конференции

«Приграничное сотрудничество: Россия, Китай, Монголия», 17–19 окт. 2007 г. – Чита: Экспресс-издательство, 2007.

4. Новиков-Даурский, Г. С. Открытие Амура русскими и начало освоения края / Г. С. Новиков-Даурский // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. – Благовещенск, 1953. – С. 50.

5. Новиков-Даурский, Г. С. Печать Албазинского острога – редкий и интересный геральдический памятник / Г. С. Новиков-Даурский // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. Т. 2. – Благовещенск, 1952.

6. РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 23. Л. 143–144.

7. РГАДА. Ф. 1142. Д. 26. Л. 49.

8. СПФ АРАН. Ф. 21. Миллер Герард Фридрих. Оп. 4 «Списки документов из сибирских архивов». Ед. хр. 24. «Списки Енисейской архивы». Ч. 3. № 184. Л. 279 об.

9. СПФ АРАН. Ф. 21. Миллер Герард Фридрих. Оп. 4 «Списки документов из сибирских архивов». Ед. хр. 24. «Списки Енисейской архивы». Ч. 3. № 194. Л. 305 об. – 306.

10. Сухих, В. В. Хозяйственное освоение Приамурья русскими в XVII веке (по материалам раскопок Албазинской крепости). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В. В. Сухих. – Новосибирск, 1979. – Т. 1. – 233 с.

11. Яковлева, П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 г. / П. Т. Яковлева. – М., 1958. – 235 с.

С. А. Пискунов, доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России и специальных дисциплин
Благовещенского государственного педагогического университета,
кандидат педагогических наук

ПЕКИНСКАЯ МИССИЯ Н. П. ИГНАТЬЕВА

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Дальний Восток, дипломатия, договор, Н. П. Игнатъев, империя Цин, Пекинский договор, Россия.

В статье проанализирована и обобщена деятельность российского дипломата Н. П. Игнатъева по заключению Пекинского договора (1860 г.) в сложных геополитических условиях. Подчеркивается, что решение поставленных перед российским посланником задач по территориальному разграничению, установлению прочных связей на высшем государственном уровне и распространению на отечественных купцов режима наибольшего благоприятствования в торговле было достигнуто дипломатическим путём.

Ранее статья была опубликована в сборнике материалов региональной научно-практической конференции «IX Муравьёвские чтения» (Благовещенск, 24–25 октября 2019 г., Амурская областная научная библиотека имени Н. Н. Муравьёва-Амурского).

В ноябре 2020 года исполняется 160 лет с момента заключения Пекинского договора. Договора, в подписании которого важнейшая роль принадлежит Николаю Павловичу Игнатъеву.

Отметим, что Пекинская миссия Н. П. Игнатъева является одной из, но очень ярких, страниц в биографии российского дипломата. Поэтому вполне объясним интерес, проявленный исследователями к личности Н. П. Игнатъева. Особенно это следует отнести к постсоветской России. Отдельные сюжеты жизненного пути этого российского государственного деятеля изучались Е. Ю. Блудновой, К. Каневой, А. П. Толстых, В. М. Хевролиной и др. [2; 5; 9; 10].

В предлагаемой статье в качестве цели выступает попытка анализа и обобщения деятельности Н. П. Игнатъева в Пекине в 1859–1860 гг. на основе имевшихся в распоряжении источников и литературы.

Отметим, что в 1853 году Россия вступила в Крымскую войну. Войну, с одной стороны, крайне неудачную для империи Романовых. Так, согласно заключённому в марте 1856 г. Парижскому миру, Россия, равно как и Турция, теряли право на содержание флота. Более того, Чёрное море провозглашалось открытым для торговли представителями других госу-

дарств [8, с. 62]. Тем самым Великобритания и Франция стремились расширить торговые преференции в мировых масштабах. Не стал исключением богатый ресурсами и многонаселённый Азиатско-Тихоокеанский регион.

С другой стороны, именно во время Крымской войны Россией были сделаны значимые шаги по укреплению своего присутствия в АТР. Угроза дальневосточным рубежам со стороны европейских держав привела к организации Первого сплава по Амуру. Уже на следующий, 1855 год, на реку Амур прибыли переселенцы, тем самым было положено начало заселению региона российскими подданными [4, с. 415].

Такой ход событий потребовал решения территориальных споров с Цинской империей, установления прочных связей на высшем государственном уровне и распространения на отечественных купцов режима наибольшего благоприятствования в торговле [6, с. 1–2].

В столице понимали всю сложность переговорного процесса, поскольку Китай стал ареной активных, в том числе военных, действий Великобритании и Франции. Интерес к империи Цин проявили и США, не прибегавшие, правда, к силовому методу достижения цели – получению торговых преференций. Свою нишу в Поднебесной пыталась занять и Португалия.

Исходя из оценки геополитической ситуации в регионе, Петербургом было принято решение добиваться поставленных целей преимущественно мирным способом – переговорами. Такая стратегия была обусловлена несколькими причинами. Во-первых, отдалённостью территорий от центра, следовательно, от ресурсов, что, в свою очередь, ограничивало возможности ведения затяжных военных действий. Всё это осложнялось отсутствием в Сибири современных для того времени вооружения¹ и флота. Во-вторых, на фоне агрессивных акций Великобритании и Франции Россия предпочитала проводить миролюбивую политику в отношении Китая, добиваясь, таким образом, расположения его правительства [6, с. 191].

Напомним, что усилиями Н. Н. Муравьёва был заключён Айгунский договор, закрепивший за Россией левый берег реки Амур и правый до реки Уссури – за Китаем. Границу от «...р. Уссури далее до моря...» предполагалось определить позднее. Немаловажно, что в трактате закреплялись нормы, способствующие развитию российско-китайской торговли [7, с. 110–112].

Тяньцзинским трактатом, заключённым с российской стороны Е. В. Путятиным, провозглашались дружественные отношения между Россией и Китаем, упорядочивались вопросы торговли, деятельности духовной миссии в Пекине, межгосударственного взаимодействия, решения приграничных споров и др. [7, с. 122–130].

Очевидно, что ни Айгунский, ни Тяньцзинский договоры не решили в полном объёме, прежде всего, вопрос о границе. Требовались последовательные и настойчивые шаги в урегулировании имевшихся межгосударственных вопросов.

В такой сложной ситуации интересы России представлял 27-летний генерал-майор Н. П. Игнатъев, успевший к тому времени прославиться на дипломатическом поприще. Российский представитель прибыл в Иркутск 4 (16) апреля 1859 года. Уже 15 (27) июня Н. П. Игнатъев, чтобы произвести впечатление на восточных людей, въехал в Пекин, сидя

«в парадных городских носилках», использовавшихся высшими сановниками империи, и направился на русское кладбище. После встречи с соотечественниками Н. П. Игнатъев, по его сообщению, пересел в названные им более роскошными «министерские носилки». Несмотря на возражение китайской стороны, русский посланник не отказался от использования этого способа передвижения по Пекину [6, с. 17, 38–40].

В Пекине Н. П. Игнатъеву пришлось столкнуться с серьёзной оппозицией китайских чиновников. Китайской стороной первоначально не только не допускалась мысль о разграничении территорий к востоку от реки Уссури, но и высказывалось мнение, что «левый берег вовсе не уступлен России во владение», а дан «взаймы» для поселения «бедных русских, скитающихся за неимением земли» [6, с. 45–46, 117]. Подчёркивая своё отрицательное отношение к Айгунскому договору, император указом от 5 июня 1859 года разжаловал и лишил чинов и званий Главнокомандующего князя И Шань за заключение якобы непризнанного Пекинским правительством трактата [6, с. 46, 53].

Становится понятно, что в сложившихся условиях переговоры происходили чрезвычайно сложно.

Так, в письме отцу 20 июля (1 августа) Н. П. Игнатъев рассказывал о дерзости китайских чиновников. В такой ситуации в Верховный государственный совет была направлена просьба о смене китайских уполномоченных. Несмотря на полученный отказ, дипломатом отмечалось смягчение тона переговоров. Более того, указывалось, что китайской стороной фактически признавалось владение Россией левого берега реки Амур [6, с. 97, 126–129].

В письмах главе МИДа А. М. Горчакову сообщалось о крайне тяжелом положении России в Китае. Более того, посланником в отдельные моменты высказывалось сомнение в необходимости продолжения переговоров мирным путём [6, с. 97, 109, 144–145, 152, 176–177].

Однако отказа от первоначальной тактики действий не последовало. Не добившись уступок от китайской стороны в деле заключения нового договора, Н. П. Игнатъев 16 (28) мая 1860 года покинул Пекин и направился в город Шанхай с целью установления прочных связей с англичанами и французами. В Шанхае он последовательно старался, во-первых, убедить представителей европейских держав и США в необходимости действовать сообща. Во-вторых, подчёркивал важность военного давления на китайское правительство. В-третьих, попытался разобщить, и не безуспешно, англичан и французов [6, с. 223, 242]. Так, в беседе с французским представителем бароном Гро, Н. П. Игнатъев отмечал: «... уезжая из Бей-Тана, выразил Китайскому правительству сожаление, что не мог достигнуть его примирения с союзниками и предупредить военные действия на условиях взаимно выгодных. Китайцы заявили ему, что если союзники хотят последовать примеру американцев, то представители Англии и Франции будут приняты миролюбиво, но что англичане первые нарушили мир неожиданным требованием уничтожения укреплений в Дагу. К французам Китайцы более расположены, считая, что в прошлом году они не помогли англичанам в сражении при Дагу. В заключении Н. Игнатъев сообщил барону Гро, что по полученным им из России известиям, наши правительства значительно сблизились и желали бы не расходиться на Востоке...» [6, с. 249].

А в день рождения Наполеона I, 3 (15) августа, был проведён особый ритуал флотского церемониала – Салют наций в 21 выстрел и на всех русских судах был поднят национальный флаг Франции. Более того, Н. П. Игнатъев и командующий Тихоокеанской эскадрой И. Ф. Лихачёв со свитой лично поздравили дипломата барона Гро и адмирала Шарнера. Англичане, как свидетельствуют источники, такого почтения не выразили. Отметим, что расчёт российского посланника оправдался. По свидетельствам, во время приёма играла музыка «Боже, царя храни», а после отъезда русских представителей французы, в знак благодарности, подняли флаг России. Безусловно, всё это способствовало укреплению российско-французских отношений [6, с. 288–289].

Поддерживал Н. П. Игнатъев связь и с американским представителем – Уардом. Последний, считая своё пребывание в Печелийском (Чжилийском) заливе бесполезным, уехал в город Шанхай, но получал известия о ходе событий от российского дипломата [6, с. 296–299].

Непросто складывались отношения с англичанами. Но Н. П. Игнатъев настойчиво продолжал укреплять с ними контакты – он давал и принимал обеды. Например, в ходе встречи с лордом Эльгиным в двадцатых числах августа 1860 года, английский посол отметил глубокое знание русских о Китае и местных традициях. Разумеется, обсуждались дипломатами и значимые для сторон вопросы геополитического характера, в их числе – перспективы совместного сотрудничества двух империй в Азии [3, с. 112–118; 6, с. 322, 328].

Помимо этого, Н. П. Игнатъев, для повышения доверия к нему со стороны союзников, предоставлял последним ценную информацию – необходимые топографические, статистические, иногда и биографические сведения отдельных китайских чиновников. Так, в руках англичан и французов оказался выверенный план Пекина [6, с. 322].

Одновременно российский представитель вёл переговоры с китайской стороной, подчёркивая миролюбивую позицию своего государства, готовность в любой момент выступить в качестве посредника между Китаем и союзниками. И это были не пустые слова. Источники свидетельствуют, что «...жители селений, лежавших по пути на берегах реки, встречали русских как избавителей, как только распознавали, что судно русское, почитая их людьми мирными и приятными к Китаю, и просили покровительства от грабящих и разоряющих их союзников...» [6, с. 305]. Игнатъевым Н. П. была организована выдача особых охранных листов, подписанных командующими союзных войск. Наличие таких листов защищало их обладателей от разорений войсками интервентов. Поэтому популярность русского посланника росла среди местного населения. Параллельно с этим российский посланник старался скомпрометировать китайских чиновников, настроенных против России – Су Шуня и Джен Вана [3, с. 124–125; 6, с. 322–323].

Наконец, тонкий дипломатический ход был осуществлён российским посланником в период, когда союзнические войска стояли у Пекина. С одной стороны, Н. П. Игнатъев, прославивший к этому времени серьёзным знатоком Китая, предупреждал англичан и французов о наступлении холодов и грядущим голоде в столице Поднебесной, вызванного в немалой степени военной компанией. Китайцам же сообщил, что «... с трудом удерживает союзников от занятия городского Императорского дворца... замыслы англичан простирают-

ся до смены маньчжурской династии и замены её одним из начальников инсургентов...» [6, с. 328].

Стало известно, что император покинул столицу. Усилиями российского представителя была установлена связь с китайским правительством, с которым, в конечном счёте, и были заключены договоры Великобританией (12 (24) октября), Францией (13 (25) октября) и Россией (2 (14) ноября).

С задачей, поставленной Россией, Н. П. Игнатъев справился блестяще. Пекинским трактатом, в частности, «подтверждалась и пояснялась» 1 статья Айгуньского договора и 9 статья Тяньцзиньского договора. 16 (28) июня 1861 года был осуществлён обмен картами и описаниями границ.

Таким образом, заключение Пекинского договора способствовало укреплению России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Существенной в этом успехе, как показало обобщение источников и литературы, оказалась роль Н. П. Игнатъева, добившегося решения пограничного вопроса, упорядочивания торговых российско-китайских связей и межгосударственного сотрудничества. Высоко оценил вклад Н. П. Игнатъева Н. Н. Муравьёв-Амурский, отмечая: «Теперь мы законно обладаем и прекрасным Уссурийским краем, и южными портами, и приобрели право сухопутной торговли из Кяхты и учреждения консульств в Урге и Кашгаре. Всё это без пролития русской крови, одним умением, настойчивостью и самопожертвованием нашего посланника...» [1, с. 317].

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹На это указывал Н. П. Игнатъев в апреле 1859 г. [6, с. 20]

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсуков, И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии). Кн. 2. / И. П. Барсуков. – М. : Синодальная типография, 1891. – 321 с.
2. Блуднова, Е. Ю. Мемуары Н.П. Игнатъева как исторический источник : дис. канд. ист. наук : 07.00.09 / Е. Ю. Блуднова. – М., 2007. – 216 с.
3. Буксгевден, А. З. Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. I. Пекинский договор 1860 г. / А. З. Буксгевден. – Порт-Артур : Издание книжного склада «Новый край», 1902. – 239 с.
4. Грум-Гржимайло, Г. Е. Описание Амурской области / Г. Е. Грум-Гржимайло. – СПб. : Типо-литограф. и перепл. С.М. Николаева, 1894. – 652 с.
5. Канева, К. Рыцарь Балкан. Граф Н. П. Игнатъев / К. Канева. – М. : Центрполиграф, 2006. – 522 с.
6. Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н. П. Игнатъева в 1859–60 годах. – СПб. : Типография В.В. Комарова, 1895. – 486 с.
7. Сборник договоров России с Китаем. 1689-1881 гг. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1889. – 271 с.
8. Тарле, Е. В. Парижский мир 1856 / Е. В. Тарле. – М.–Л. : Издательство АН СССР, 1942. – 68 с.
9. Толстых, А. П. Государственно-дипломатическая деятельность Н. П. Игнатъева : дис. канд. ист. наук : 07.00.02 / А. П. Толстых. – М., 2005. – 188 с.
10. Хевролина, В. М. Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат / В. М. Хевролина. – М. : Квадрига, 2009. – 369 с.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Буксгевден, А. (Барон). Русский Китай: Очерки дипломатических сношений с Китаем. I. Пекинский договор 1860 г. / А. Буксгевден. – Порт-Артур: Изд. кн. склада «Новый край», 1902. – 240 с.

Эта книга - находка в фонде Амурской областной научной библиотеки.

Барон Алексей Оттович Буксгевден в 19–начале 20 вв. служил лейтенантом на судах эскадры Тихого океана, имел доступ к обширному материалу по дипломатическим сношениям России и Китая.

В предисловии автор пишет: «Почти одновременно с началом китайских событий 1900 года мне посчастливилось достать обширный материал, позволивший издать настоящее описание. Вполне сознавая, что история Пекинского договора, занимающего столь блестящую страницу нашей дипломатической деятельности, достойна более опытного пера, тем не менее, я взялся за работу, рассчитывая на то, что опубликование сообщаемых фактов, мало кому известных, искупят её недостатки».

Книга даёт полное описание событий 11 месяцев, в течение которых Николай Павлович Игнатьев не раз приходил в отчаяние, выступал в качестве посредника и миротворца, действовал путем обмана и дипломатии. В истории, в памяти потомков он стал главным героем малоизвестной дипломатической войны, с блеском выигранной Россией.

Е. М. Ерёмин, кандидат филологических наук,
автор международного историко-культурного проекта
«Граф Николай Игнатъев. Границы России. Амурский прорыв»

КАЛИНА КАНЕВА. «РЫЦАРЬ БАЛКАН. ГРАФ Н. П. ИГНАТЬЕВ».
КНИГА, НАПИСАННАЯ НА КОЛЕНЯХ
(Интервью с автором книги)

Калина Канева, член Союза болгарских журналистов и Союза независимых болгарских писателей.

Калина Канева (по паспорту Калинка Христова Канева) родилась 24.06.1935 г. в селе Ловец, Старо-Загорского округа, Болгария. С 1944 г. жила в г. Стара Загора, с 1948 г. – в г. София. Окончила гимназию с преподаванием на русском языке и филологический факультет Софийского Университета (русское отделение с литературоведческим уклоном).

После окончания университета преподавала русский язык в софийской школе №6 им. Графа Н. П. Игнатъева и в Софийском Университете (внештатно). Позже работала журналистом в еженедельной газете «Антени». Главная тема исследовательской, публицистической и общественной деятельности – русско-болгарские исторические и культурные связи.

Первая публикация «Творческий процесс Лермонтова» (Изд. Софийский университет, София, 1960).

Автор книг:

– «Симметрия времени. Встречи и разговоры с академиком Дмитрием Лихачёвым» (Изд. Народна младеж, София, 1984);

– «Рыцарь Балкан. Граф Н. П. Игнатъев» (Изд. Центрполиграф, Москва, 2006);

– «Н. П. Игнатъев – граф болгар» (Изд. Абрис дизайн центр, София, 2008);

– «Симметрия времени. Встречи и разговоры с академиком Дмитрием Лихачёвым. Письма. Автографы». Книга первая (Изд. Дума 2008, София, 2012);

– «Симметрия времени. Встречи и разговоры с академиком Дмитрием Лихачёвым. Письма. Автографы». Книга вторая (Изд. Дума 2008, София, 2013);

Автор множества статей, исследований, репортажей, очерков в сборниках, журналах и газетах на болгарском, русском и других языках; сценариев для документальных телефильмов: «Несколько дней с академиком Лихачёвым», о графе Н. П. Игнатъеве и др.;

инициатор передвижных фотодокументальных выставок о графе Н. П. Игнатъеве «Мой идеал – свободная Болгария», об академике Д. С. Лихачёве «Болгария – государство духа», о российских писателях В. Распутине, В. Каверине, о Самарском знамени, о путешествии с памятником Кириллу и Мефодию от Софии до Мурманска;

редактор книги Василя Попова «Миссия без конца. С Кириллом и Мефодием в пути» (Изд. Булгарресурс, София, 2016) и ещё неизданного романа Анатолия Щелкунова «Ангел милосердия», 2017;

переводчик с русского языка книги Н. Н. Червенкова и И. Ф. Грека «Бессарабские болгары – прошлое и настоящее».

На данный момент – пенсионер, свободный журналист, член Международного редакционного совета Кирилло-Мефодиевской газеты «За буквите – О писменехъ», председатель Общества «Друзья Мурманска».

За творческие успехи дважды награждена почётным знаком Союза болгарских журналистов «Золотое перо», дважды лауреат «Награды за искусство „Золотая муза” – за вклад в развитие болгаро-российских культурных связей», медалью «За укрепление дружбы между народами» и др.

Если меня спрашивают: «Есть ли у Вас хобби?», – я отвечаю: «Копаться в прошлом, “воскрешать мертвых”»

Калина Канева

Здравствуйте, дорогой Евгений Михайлович!

Как я рада, что шумит Амур, и шум его доносится до моего дома у подножия горы Витоша в столице Болгарии Софии. Сколько километров нас разделяет?! А ощущения, что пишу родному брату! Оно так и есть...

Калина Канева

Чтобы не перегружать интервью, мы предварили его биографической справкой, а по ходу разговора будем указывать страницы из книги «Рыцарь Балкан. Граф Н. П. Игнатъев» с некоторыми биографическими подробностями.

Евгений Ерёмин

Евгений Ерёмин: *Калина, расскажите немного о себе. Где родились, вероисповедание, образование.*

Калина Канева: *Я чистокровная болгарка, крещёная православная христианка. Родилась в селе Ловец, Старо-Загорского округа, с подросткового возраста живу в Софии.*

Летом этого года я справила свой 85-летний юбилей. У меня два брата, дочери-близнецы, один внук (стр. 429–432). После окончания школы с преподаванием на русском языке, где нас учили прекрасные командированные учителя из Советского Союза, я поступила в Софийский университет на русское отделение филологического факультета (1953–1958 гг.), который я тоже окончила с отличием.

Е. Е.: Ваша студенческая жизнь пришлась на послевоенные годы. Тяжёлое было время?

К. К.: Это были годы бедные, но бурлящие активной деятельностью. Как говорил Валентин Распутин: «У нас, да и во всём обществе, было «восходящее настроение». Я принимала активное участие в студенческом театре (моя «коронная роль» – Елена Кручинина из пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые»). Одновременно была председателем научного кружка по русской классической литературе. Моя статья «Творческий процесс М. Ю. Лермонтова» получила премию на республиканском научном студенческом фестивале (впоследствии она была опубликована в сборнике студенческих работ за 1960 год – это моя первая публикация). В 1956 году на деньги от награды впервые поехала за границу в ГДР со студенческой группой и вернулась домой осознанной славянофилкой и русофилкой. Навсегда!

Е. Е.: Ваше первое знакомство с Россией. Самая яркая картинка?

К. К.: После отличной защиты дипломной работы «Песенное мастерство Михаила Исаковского», я осмелилась и написала письмо поэту, которое он опубликовал – моё первое появление в российской прессе. Первым гидом по Москве, в мой самый первый туристический приезд в СССР, был сам Исаковский! Это незабываемо...

Е. Е. : Как сложилась жизнь после университета?

К. К.: Лет десять я занималась преподаванием русского языка в школе и внештатно – в Софийском университете. После чего перешла на журналистское поприще, работала, в основном, в общественно-политическом еженедельнике «Антени», где в последние годы заведовала отделом «СССР и соцстраны». Немало ездила по России, но в ваши края не попала, реку Амур не видела – только по Днепру и Лене плавала. Встречалась с интереснейшими людьми, с некоторыми общалась до конца их жизни, как с академиком Д. С. Лихачёвым, Валентином Распутиным, Виктором Астафьевым, Виталием Масловым, Вениамином Каверинным, Владимиром Лакшиным и многими другими.

Е. Е.: Чем занимаетесь в настоящее время?

К. К.: В данный момент, кроме работы свободного журналиста, являюсь членом международного Совета и Кирилло-Мефодиевской газеты «За буквите» – «О письменах», где и публикую свои статьи. Являюсь председателем общества «Друзья Мурманска». Что ещё делаю? Пишу. Не так много, как бы мне хотелось. Хочу оставить след о своём времени,

о людях, которых встречала на журналисткой тропе, с которыми работала и которых уже нет... Дай Бог, чтоб хватило сил и времени привести в порядок мой огромный архив...

Е. Е.: Вы – известнейший биограф выдающегося русского государственного деятеля XIX века, дипломата-миротворца графа Николая Павловича Игнатъева. Расскажите, пожалуйста, как Вы с ним в первый раз «встретились»?

К. К.: 60 лет тому назад меня назначили учительницей русского языка в Шестой школе имени графа Н. П. Игнатъева, которая находится в центре Софии – случайно, право, просто там оказалось свободное место. Вот так началось моё знакомство с патроном школы – до того мои знания о нём не выходили дальше учебников истории. Весь студенческий настрой, дух творчества, радости поисков я перенесла в школу. Руководила «Клубом интернациональной дружбы», с ребятами стали изучать подробности о патроне школы, разыскивать потомков, переписываться с ними, приглашать, сопровождать и т.д. (стр. 7, 108–119, 179–185, 196, 213–222, 229–243). Анкетировали родственников по разным интересным темам, подготовила настоящую научную конференцию в связи с 90-летием освобождения Болгарии. Из семейных архивов был собран такой богатый материал, что к юбилею мы открыли школьный музей, посвящённый русско-болгарской боевой дружбе – самый настоящий мини-музей! А открывала его... внучка графа Николая Павловича Игнатъева – Екатерина Николаевна Игнатъева-Савиовская из Ростова-на-Дону (см. стр. 110).

Многие из найденных нами потомков дарили музею личные вещи Н. П. Игнатъева – личную печать, часы и др. Они и сами стали горячо интересоваться своими предками, семейными архивами.

Е. Е.: И с переходом на журналистскую работу интерес к персоне Игнатъева не затух, связь с «патроном» не оборвалась?

К. К.: После того, как я избрала журналистское поприще, я не перестала интересоваться Игнатъевым, не переставала поддерживать связь со школой. Что я ни делала, куда ни ездила по совершенно другим причинам и темам, вплоть до сегодняшней заочной встречи с вашим Амуром, я добавляла штрихи к портрету человека, превратившегося в моего постоянного спутника, ставшего мериллом человеческих ценностей.

Я открывала его предков, его окружение (стр. 4) разыскивала потомков, разбросанных по всему миру, даже знакомила их между собой. Собирала фотографии, архивы всякого рода. С некоторыми из потомков встречалась, сопровождала по Болгарии. Киевские и московские потомки принимают меня, чуть ли не как члена семьи – приезжая, всегда у них останавливаюсь. В своё время связалась, сблизилась с замечательным историком-исследователем Игнатъева – Хевролиной В. М., искательский дух у меня не иссякает.

Е. Е.: А что за родники его питают, этот неиссякаемый искательский дух?

К. К.: Наверное... радость открытий, встреч... Но это трудно передать словами. Возвращать из забвения великие героические имена. Недавно получила копию документа, из кото-

рого видно – кто был свидетелем на свадьбе Николая Павловича и княгини Екатерины Леонидовны Голицыной – граф Н. Н. Муравьев-Амурский!!! А совсем на днях мне удалось найти (через интернет) место захоронения кн. Алексея Николаевича Церетелева – «правой руки» русского посла в Константинополе Игнатьева (см. стр. 261). Это село Липяги, Пензенской области (см. газету «Пензенская правда», 07.04. 2020, стр. 12–13, Елена Куликова «Забытый на родине»). Обещали, что могилу приведут в порядок, боюсь, что вирус помешает.

Е. Е.: Расскажите, пожалуйста, как Вам пришла мысль о кочевой фотовыставке, посвященной Игнатьеву?

К. К.: Чем больше расширялся круг моих знаний, тем глубже я вникала в атмосферу той эпохи, сущность невероятной личности этого русского дипломата и его окружение. Я стала чувствовать, что ушедшие поколения имеют право на жизнь! Так появилась идея сделать фотодокументальную выставку «Мой идеал – свободная Болгария» – исследование жизни и деятельности Игнатьева – российского дипломата, общественного деятеля и гуманиста. Выставка представляет собой рассказ об эпилоге Апрельского восстания, эпосе Освободительной войны 1877–1878 годов, превратностях болгарской свободы и знаковых личностях, собравшихся вокруг русского миротворца, подписавшего мирный договор Сан-Стефано, принявшего судьбу Болгарии своей жизненной миссией.

Около ста раз я показывала эту выставку в Болгарии, России, Украине, Сербии (см. стр. 461–462).

Е. Е.: А как Вам идея показать её у нас, в столице Амурской области – Благовещенске к 160-летию заключения Пекинского договора, автором которого был молодой дипломат Игнатьев?

К. К.: Я только «за» и буду очень рада, если каким-нибудь образом она будет показана у вас.

Е. Е.: Расскажите, пожалуйста, как Вам пришла идея написать книгу об Игнатьеве? Кто помог её издать, ведь это совсем нелегкое дело – найти мецената?

К. К.: Горячий интерес к фотовыставке меня окрылил и я, сама того не заметив, начала писать книгу. Известный болгарский историк, писатель, журналист Симеон Радев писал, что об освободительном деле России надо писать с преклонением на коленях! Так я и писала книгу – «на коленях!»

Кто издавал? Люди, о существовании которых и не снилось... Моя одноклассница, зная мои интересы, познакомила меня с Сергеем Алексеевичем Сапожниковым, представителем Дворянского собрания в Москве, который был в гостях у своей дочери, жившей тогда в Софии. Его хобби – генеалогия и, увидев выставку в Российском культурно-информационном центре, он был ошарашен изобилием неизвестных ему фотографий, воскликнул: «Напишите книгу!» Я сказала, что уже пишу, но кто её издаст? «Я! У нас есть проект «Россия забытая и неизвестная», и ваша тема как раз подходит. Моя дочь её переведёт». Дочь Наталья Лаки-

чевич оказалось настоящее золото! Я пишу – она тут же переводит, помогает во всём. Московское издательство «Центрполиграф» выпустило великолепную книгу «Рыцарь Балкан. Граф Н. П. Игнатъев», 2006 г.

Первая презентация состоялась в РКИЦ в Софии 19 октября 2006 года. В газетах писали, что нечасто большой театральный зал бывает так переполнен. Книга была переведена в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве.

Е. Е.: Подождите, значит, книга, написанная на болгарском языке, адресованная болгарскому читателю, сначала была издана на русском?

К. К.: Да, именно. А мне так хотелось, чтобы она вышла у нас к 130-летию освобождения Болгарии от Османского ига. В полном отчаянии, что это не получается, я позвонила новому мэру села Граф-Игнатиево Ивану Семерджиеву с предложением показать в селе выставку. Он пригласил меня в Пловдив на заседание, чтобы договориться. Я подарила мэру книгу на русском языке.

Вскоре мне позвонил уроженец села Граф-Игнатиево, бывший офицер, патриот и любитель истории Иван Джостов. Сказал, что книгу прочитал со слезами на глазах и поможет с её изданием. Нашел спонсора в лице мужа своей сестры. И в честь юбилея освобождения Болгарии 1 марта 2008 года книга «Н. П. Игнатиев – графът на българите» была представлена вместе с постоянной фотодокументальной выставкой в селе с именем героя книги.

Первым получил её начальник авиабазы «Граф Игнатиево» генерал Румен Радев, теперешней президент Болгарии. Но... через несколько месяцев в 47 лет Иван Джостов ушёл в родную землю с этой книгой на груди (рак!) Какое было потрясение...

Но были и совершенно удивительные случаи. Дотла сгорел дом директора школы имени Н. П. Игнатъева – не удалось потушить, но две книги о Николае Павловиче, обернутые во что-то, в огне и воде уцелели.

Хочется верить, что память о великом русском дипломате и человеке с большой буквы не утонет в забвении, и что восхищаться им и следовать примеру люди будущего не перестанут.

КАЛИНА КАНЕВА.

Обращение к жителям Благовещенска и членам проекта «Граф Николай Игнатъев. Границы России. Амурский прорыв»

Дорогие друзья из далёкого-близкого Благовещенска! Когда в 1977 году я впервые встала перед могилой Николая Павловича Игнатъева в селе Круподеринцы Винницкой области и читала на одной стороне саркофага «Пекин, 14 ноября 1860 года», а на другой – сакральные для нас, болгар, слова «Сан-Стефано, 19 февраля 1878 г.», я понятия не имела, что существует город Благовещенск и сегодня буду писать туда эти строки, и моё сердце будет трепетать каждый раз, как только услышу в «Новостях» это имя.

Ни время, ни расстояние не могут затмить близость чувств и мышления. Как много нас связывает! Язык, буквы кирилло-мефодиевские, культура, Вера православная! Оказывается, ещё и граф Николай Павлович Игнатъев!!!

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв говорил, что мы – современники прошлого – добрых дел прошлого. Я с огромным удовлетворением и радостью узнаю, что и в Благовещенске есть современники прошлого, что они открыли для себя и для живущих ныне, и надеюсь – в будущем, могучую фигуру Николая Павловича Игнатъева. К ним очень подходят слова, сказанные в адрес Игнатъева его тещей – внучкой великого Кутузова – «высокая интеллигентность и созидательный дух». Верю, что именно «высокая интеллигентность и созидательный дух» помогут участникам Амурской общественной организации «Шумы, Амур!» и Амурской организации Союза журналистов России добиться осуществления прекрасной идеи – воздвигнуть памятник Н. П. Игнатъеву.

Он, и город Благовещенск, и Амурский край – единственный в России, сохранивший на своей территории село, шоссе и аэропорт с именем Игнатъева – этого заслуживают!

Ведь должны же быть знаки путеводные! Памятники это – не только наша признательность за добрые дела, наше восхищение. Это толчок узнать о достоинствах людей из ушедших поколений, поучиться у них. Свою книгу «Рыцарь Балкан. Граф Н. П. Игнатъев» я писала с преклонением перед ним на коленях! И думала: как это важно знать не только молодым, но и людям, действующим на разных поприщах. Так всё актуально! Мой герой меня не отпускает. Всё время появляются новые и новые штрихи к его портрету. Вот как характеризовали его некоторые его современники в недавно найденных мемуарах: «Он отличался необыкновенной гуманностью <...> был необыкновенно популярен среди населения, чрезвычайно доступен... так велико было его обаяние, что никому и в голову ни приходило не исполнять требуемого». Всё делал с любовью, по последнему крику прогресса и технологии, также и эстетики – на века (относится ко времени его генерал-губернаторства в Нижнем Новгороде).

«Те, которые знали его лично, всегда были под очарованием его умной, живой речи, дышавшей любовью к родному краю, его неистощимого юмора, меткостью его отзывов и реплик, известной его склонностью к призыву к государственному делу людей от земли... <...> Он был лишён мелочной боязни, что (кто-то из окружения) преградит ему дорогу... <...> Все верили, что при его светлом уме, практическом здравом смысле, он даст внятное направление массе назревших вопросов» (относится ко времени, когда 6 недель Игнатъев был министром государственных имуществ» (стр. 3). Но всё это относится к его зрелым годам. А тогда, 160 лет назад – в 28-летнем генерале, прискакавшем из Петербурга в Китай со сложнейшей дипломатической задачей, граф Н. Н. Муравьёв-Амурский сразу угадал: «Лучшего выбора нельзя было сделать: образование, способности, молодость и смелость Игнатъева служат ручательством за успех возложенного на него поручения...»

Нам сегодня как-то трудно представить – как этому молодому человеку удалось через все препятствия умиротворить страшную войну Англии и Франции с Китаем, спасти Пекин от разорения и разграбления, империю Цин от распада и без капли крови присоединить

к своей Родине огромную территорию, на которой вы, дорогие амурчане, живёте. Право, Игнатъев заслуживает памятник!!!

Но... несмотря на все достижения, на его высокие моральные качества, жизнь Николая Павловича, оказалась весьма нелёгкой. Кому, кто боролся с бюрократией и опасностью, было легко?! Несмотря на все коллизии жизни, он напишет своему другу, небезызвестному начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандриту Антонину (Капустину): «И мне пришлось немало перетерпеть на своём веку и вынести на своих плечах борьбу тяжкую с внутренними противниками, с невежеством, завистью, лжой, клеветой, преступным легкомыслием, интригами всякого рода и т. п. «Претерпевший до конца – как Вы – спасён будет». Благодарю Бога за то, что внушил мне благодушие и отдалил от сердца моего злобу на людей, мне и отечественному делу, мною подъятому, вредивших. Душою я ещё крепок и убеждений не изменяю. Но врождённую деятельность, отвлеченную от дел государственных, я обратил в другую сторону и продолжаю быть постоянно занятым и довольно подвижным. Россию я изездил вдоль и поперёк и порядочно изучил...» (Санкт-Петербург, 11 мая 1891 года).

Это письмо – моя последняя находка – в Киевском институте рукописей. Публиковала её только в болгарском варианте книги «Н. П. Игнатъев – графът на българите» (2008 год).

От всей души желаю вам, дорогие амурчане, успехов во всех благородных замыслах и душою оставаться крепкими!

*Ваша Калина Канева.
Болгария, г. София.
24.08.2020*

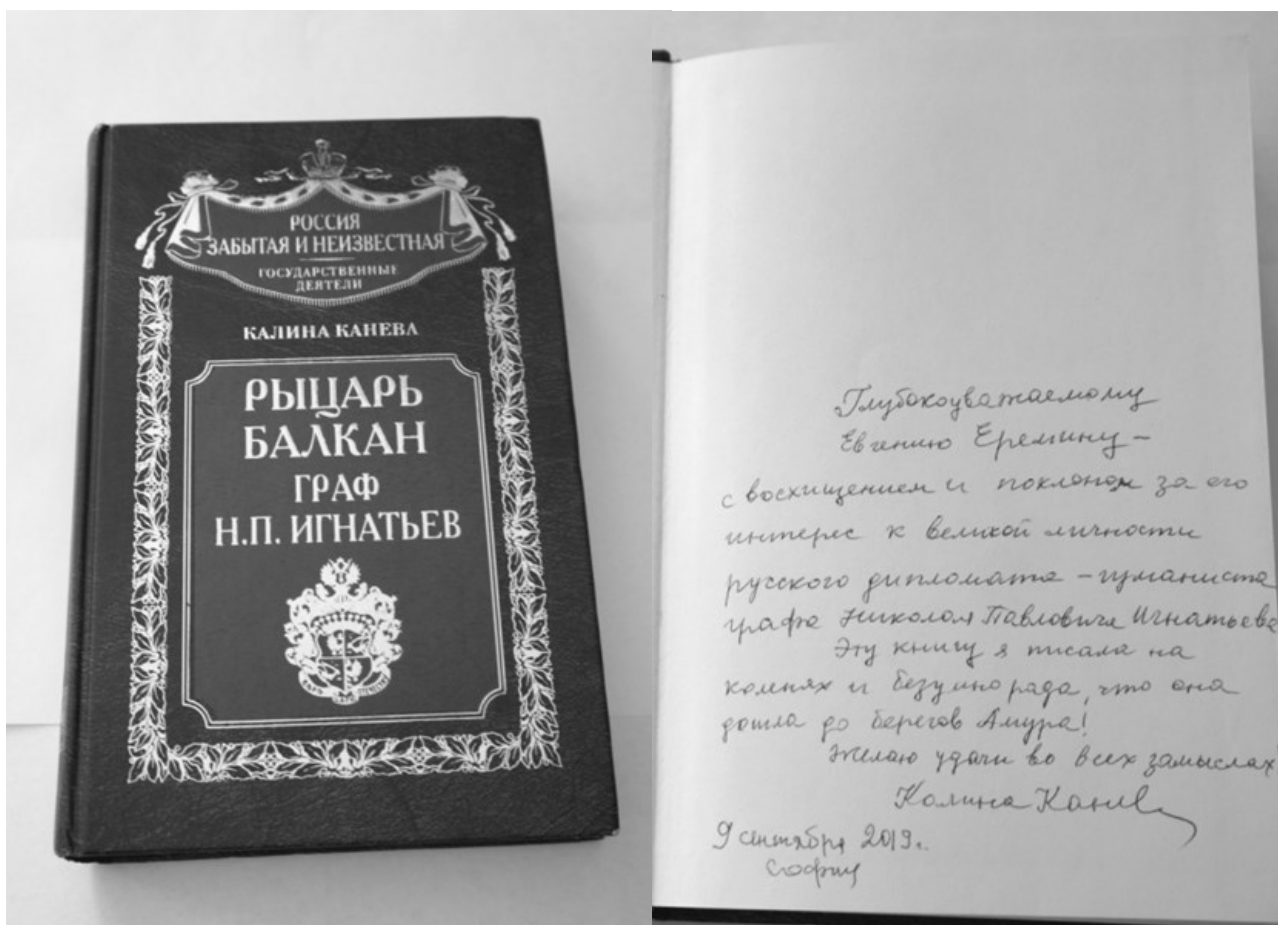

Канева К. Рыцарь Балкан. Граф Н. П. Игнатъев / К. Канева ; перевод с болгарского Н. Лакичевич. – Москва, Центрполиграф, 2006. – 523 с.

Вниманию читателей представляется увлекательная история жизни и деятельности крупного государственного деятеля России XIX в., генерала и дипломата Николая Павловича Игнатъева. Он прославился своими успехами в Средней Азии, Китае и на Балканах. Болгария всегда была в сердце Игнатъева, он был у истоков независимости современной Болгарии, и Болгария до сих пор помнит и чтит его.

Автор книги — болгарская писательница Калина Канева, признанный знаток этой темы, — воздает должное самому Игнатъеву, его сподвижникам и его потомству. Книга прекрасно иллюстрирована, что делает зримыми описываемые события.

Книга является 62-й по счету в книжной серии, выпускаемой издательством «Центрполиграф» совместно с Российским Дворянским Собранием под названием «Россия забытая и неизвестная». Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, в данном случае включая и зарубежных, интересующихся историей России, Болгарии, Балканских стран и Европы в целом.

Е. М. Ерёмин, кандидат филологических наук,
автор международного историко-культурного проекта
«Граф Николай Игнатъев. Границы России.
Амурский прорыв»

**ГРАФ НИКОЛАЙ ИГНАТЬЕВ:
ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ, ИЛИ ЖИВЫЕ ДУШИ...**
(Анонс книги Калины Каневой «Рыцарь Балкан. Граф Н. П. Игнатъев»)

У каждой книги, как и у всякого человека, по меткому наблюдению Николая Васильевича Гоголя, есть свой задор. Но за последнее время, на мой взгляд, число приторно-пустых книг-маниловых значительно возросло. И вроде бы всё на месте – сюжет, герои, перипетии, а чего-то не хватает – прочёл и забыл. Определённости, соли, жизни в героях нет – «рыцари пустоты»... Мои коллеги – школьные словесники активно аугают: «Герой нашего времени-и-и!!!» Тема сочинения умирает – почитай, как лет тридцать сиднем сидит на печи герой современной русской литературы.

Книга Калины Каневой «Рыцарь Болгарии. Граф Н. П. Игнатъев» – счастливое исключение. Сразу оговорюсь – это не художественная литература – не приключенческий роман, не военные подвиги, не детектив, не фантастика, не любовные страсти. Это скрупулезное биографическое исследование жизни уникальной исторической личности XIX в. – государственного мужа, генерала и дипломата Николая Павловича Игнатъева. Но в силу каких-то нелитературных законов в книге сей можно заметить следы всех вышеперечисленных жанров.

Задор книги очевиден, заразителен – читается она на одном дыхании. Дыхании жизни, дыхании любви. Да-да, любви – роман автора и героя, что называется на лицо.

Да и как не влюбиться в человека, вернувшего свободу твоей Родине! Свободу, которую болгары ждали более полувека. Выдающийся русский дипломат-миротворец Н. П. Игнатъев положил конец этому тяжкому османскому плену, составив и подписав Сан-Стефанский договор 1878 года. Масштаб личности Игнатъева просто поражает – выполнять такие невероятные задачи! Насколько он смел, образован, патриотичен, открыт, доступен, незлобив.... И когда, его никогда не дремавшие враги (соотечественники!) добились того,

что на пике дипломатической карьеры он был отстранён от дел, мы же не знаем, что он чувствовал там, внутри... Можно только представить как это было больно и обидно. Но как достойно он нёс свою нелегкую ношу!

Болгарская исследовательница изумляет тем, как горячо она любит свою страну, свою маленькую Болгарию. Как высоко она ценит тех людей, которые внесли вклад в историю освобождения её Родины. Как неоглядно много она делает, чтобы вернуть в историю России славное имя Николая Игнатъева, незаслуженно забытое на родине.

А как неустанно собирает она по всему миру родственников Игнатъева! Книга щедро иллюстрирована фотографиями, и мы можем увидеть в глазах потомков уникального гуманиста и миротворца свет и радость от этих встреч. Какой Калина Канева оказывается им почёт и уважение! Насколько оно пробуждает в потомках гордость и радость за своего предка – видно, что она им просто осветила жизнь – признание человека, который столько сделал для России и Болгарии!

И это уже не история, не литература – это восстановление целостности русской национальной души.

Книга читается как на крыльях. Но вот это ощущение, послевкусие, оно до сих пор никуда не улечивается – как бы нам свою страну так любить, как любит своё Отечество Калина Канева. Как бы нам память свою оживить – окрылить...

С. Г. Бобров, С. Н. Ворожейкин (Забайкальский край),
М. В. Кайгородов (Москва) – забайкальские казаки

ПОЕЗДКА В ТРЁХРЕЧЬЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

Ключевые слова: Трёхречье, КНР, Лабдарин, Дубовая, Верх-Кули, Драгоценка, Караванная, забайкальские казаки, род Кайгородовых, русские кладбища, китайская русская национальность, праздник Русской Пасхи.

В статье рассказывается о поездке потомков забайкальских казаков в Трёхречье (КНР), где когда-то жили их предки. Описываются впечатления от посещения современных китайских поселений, заброшенных русских кладбищ, встреч с потомками от смешанных браков русских и китайцев, участия в праздновании Пасхи. Содержание статьи позволило авторам сделать ряд важных выводов о дальнейшем развитии взаимовыгодных отношений приграничных территорий России и Китая.

В статье частично использованы исторические материалы А. М. Кайгородова, Э. Лингрэнд и других авторов.

Историческая справка: территория Трёхречья (кит. – Саньхэ цюй) расположена в бассейне трёх рек - Гана, Дербула и Хаула, протекающих в северной части Автономного района Внутренней Монголии (АРВМ, КНР). На севере Трёхречье граничит с Россией. Также этот термин применяется к району на северо-востоке Китая между реками Амур, Сунгари, Уссури. На территории Трёхречья русские начали массово селиться с начала XX века. Сначала это были забайкальские казаки, в 1920-х гг. – беженцы из Сибири и Забайкалья, служащие казачьих частей и Белой армии, расформированных после гражданской войны, в 1930-х гг. – русские крестьяне, бежавшие от большевистской коллективизации. Период расцвета Трёхречья приходится на 1945 г., когда здесь проживало до 20–25 тыс. человек. Последующие социально-политические события привели к массовому отъезду русских из Китая, в Трёхречье их число тоже резко сократилось. Сейчас русское население рассредоточено по 7–8 деревням. Руководство КНР постоянно следит за межэтническими отношениями в разных регионах страны, особое внимание уделяет поддержке и развитию малочисленных народов. К такому народу или этнической группе относят и потомков русских от смешанных браков. Ориентировочно в настоящее время таких потомков проживает около 10–12 тысяч человек. Государством дано чёткое определение этой этнической группе, как китайская русская национальность (КРН). В настоящее время проблемами этой китайской этнической группы занимается Исследовательское общество по изучению русского национального меньшинства.

В апреле 2019 года потомки забайкальских казаков, чьи деды и родители проживали когда-то на территории Трёхречья, были приглашены руководством Общины китайской русской национальности посетить ряд населённых пунктов и принять участие в праздновании русской Пасхи. В составе забайкальской делегации были и те, кто непосредственно родился на этой территории, жил там какое-то время и впоследствии выехал вместе с родителями в СССР. Некоторые из них свободно владели китайским языком, так что проблем с общением не возникало.

Потомки забайкальских казаков посетили один город, несколько посёлков и деревень, познакомились с разными сторонами их жизни и главными достопримечательностями. В ходе поездки составлялись краткие описания этих населённых пунктов, фиксировались впечатления от встреч с их жителями, ставшие, в итоге, своеобразным дневником путешествия по современной территории Трёхречья. Эти дневниковые лаконичные заметки и легли в основу данной статьи.

Город **Лабдарин (Аргунэ)**. В 1890-х гг. на реке Ган появился русский хутор Лабдарин, ставший к началу Первой мировой войны небольшой русской деревенькой.

г. Аргунэ (Лабдарин). Апрель 2019 г.

*Члены делегации с руководством
Музея КРН и администрации*

В 1920-х гг. деревня активно застраивалась, и в 1945 году уже стала полнокровной деревней, практически со стопроцентным русским населением, русским казачьим укладом жизни.

В настоящее время Аргунэ (Лабдарин) – современный китайский город. Его население составляет, ориентировочно, от 10 до 15 тыс. человек. Город ориентирован на приём туристов в сезон. Архитектура в псевдостиле «А ля-рюс». Пяти-шестиэтажные здания гостиниц и жилых домов построены с элементами русского зодчества. Складывается впечатление, что город полупустой. Вывески на мелких магазинчиках и кафе дублированы на сильно исковерканном русском языке. В городе есть производства: молочный завод, фабрика хлебобулочных изделий и др.

Посетили музей «Китайской русской национальности». Это современное многоэтажное монументальное здание, внутри которого представлены экспозиции развития данного региона от древности до настоящего времени. Музей интересен, интерактивен и современен.

Большая экспозиция посвящена жизни русского населения. Однако тема казачества не освещена. По полученной информации, казачество воспринимается китайцами как «криминальный» слой русского населения Трёхречья, занимавшийся не только сельским хозяйством, но и имевший организованную структуру, а также владевшим оружием.

Делегация также была приглашена в музей хлеба (при фабрике хлебобулочных изделий) на празднование диаспорой Пасхи. Русская Пасха представителями китайской русской национальности воспринимается не как религиозный, а уже как светский праздник.

Представителями диаспоры был проведён концерт, звучали песни, как на русском, так и на китайском языках. Особой любовью пользуются русские песни времён Великой Отечественной войны, чувствуется благодарность советскому солдату за освобождение от японских оккупантов в 1945 году. В китайских песнях прославляется Китайская Народная Республика и Коммунистическая партия Китая.

Посёлок **Верх-Кули**. В прежние времена – это одно из крупных русских казачьих поселений, расположенное примерно в 40 км от Лабдарина по Хайларскому тракту. Его русское население насчитывало около 1,5 тыс. человек. Кроме того, там проживало примерно 30 китайцев. Превосходные сенокосные и пастбищные угодья благоприятно сказывались на развитии скотоводства, в первую очередь, молочного. Здесь имелись маслодельные и сыроваренные предприятия. Верх-Кули были единственной деревней в Трёхречье, где многие хозяйства, наряду с лошадьми, крупным и мелким рогатым скотом, держали верблюдов. В деревне была школа, две церкви (православная и старообрядческая). Китайцы содержали три лавки, две харчевни, постоянный двор. В Верх-Кулях имелись отделения японских торговых фирм «Хаяси канэ» и «Томо боеки коси».

*Посёлок Верх-Кули, КНР.
Апрель 2019 г.*

В настоящее время в посёлке Верх-Кули проживает до 1,5 тыс. человек. Кое-где на улицах сохранились отдельные русские дома – рубленые избы. Однако в них уже внесены изменения под китайские современные стандарты. Возле посёлка сохранились фрагменты русского кладбища.

Посёлок **Драгоценка**. Когда-то это было самое большое русское казачье поселение, административный, культурный и торговый центр Трёхречья. В 1944 году здесь проживало около 3 тыс. человек (без японского гарнизона), из них русских – примерно 1,5 тыс., китайцев – 900–1000, японцев – 500. Здесь размещались губернское управление, полицейское и жандармское управления, отделение японской военной миссии, главное лесничество, казачье станичное управление и другие учреждения. В деревне находились единственная

в Трёхречье русская восьмилетняя школа, китайская школа, больница с хирургическим отделением и ветеринарный пункт. До 1945 года здесь имелась метеорологическая станция. При японцах Драгоценка считалась городом и называлась Найрумту.

*Трёхречье. Вспашка целины буйволами.
1932 г.*

Деревня Дубовая в Трёхречье

Современная Драгоценка расположена примерно в 60 км от Лабдарина в сторону российско-китайской границы. К настоящему времени сохранились старинные казачьи избы, но уже с изменениями в китайском стиле. Население составляет 1–2 тыс. человек. Имеется современная застройка пятиэтажными многоквартирными домами. Присутствует сельскохозяйственное производство. Ещё сохранились фрагменты русского кладбища. В посёлке установлен монумент советским воинам, погибшим при освобождении Драгоценки от японских оккупантов. Памятник ухожен, в хорошем состоянии.

Деревня **Ключевская (Сяньхулинь)** – типичная китайская деревня с населением не более 200–300 человек. Наличие плодородной земли позволяет развивать сельскохозяйственное производство. Деревня расположена рядом с посёлком Шаньхулинь (Дубовая).

Деревня **Дубовая (Шаньхулинь)**. Эта деревня была третьим наиболее значительным по величине населённым пунктом Трёхречья. В 1945 году здесь проживало 1100 русских и около 20 китайцев. Деревня располагалась в живописном месте, на высоком левом берегу реки Дербул. В Дубовой была начальная школа, небольшая церквушка, молочный завод и несколько водяных мельниц.

*Старый казак Иван Симонович Кайгородов
с женой и внуками. В центре жена родного брата
Дмитрия – Анастасия Степановна Кайгородова.
Дубовая. 1932 г.*

Соседство тайги наложило свой отпечаток на хозяйственную деятельность населения деревни. Многие занимались скотоводством. Главным занятием было земледелие, но, тем

не менее, здесь, как ни в одной другой деревне, очень важную роль играла охота. Основная масса пушнины, пантов, которые вывозились за пределы Трёхречья, закупалась именно в Дубовой. Многие жители деревни вели меновую торговлю с эвенками.

*Трёхречье, АРВМ, КНР.
Апрель 2019 г.*

*Кладбище в деревне Дубовая
(Шаньхулинь). Апрель 2019 г.*

Современная деревня Шаньхулинь (Дубовая) – тоже типичное поселение, ориентированное на ведение сельского хозяйства. Его население составляет примерно от 600 до 1000 человек. Жители Шаньхулинь занимаются сельским хозяйством и туристическим бизнесом. Имеются частные кафе и мини-гостиницы. В деревне построены современные домики блочного типа для переселенцев с южных районов КНР

Рядом с деревней сохранилось место, где когда-то было русское кладбище. На земле отчетливо выделяются русские могилы. Кое-где ещё видны полусгнившие православные кладбищенские кресты. Но ухода за кладбищем никакого нет. А ведь на этом и других кладбищах бывших русских поселений были захоронены многие и многие сотни русских людей. И ещё живы и помнят о них их потомки, ныне проживающие в разных уголках мира.

*Дом казака Петра Дмитриевича Кайгородова.
Дубовая (Шаньхулинь). Апрель 2019 г.*

Деревня Караванная, КНР. Апрель 2019 г.

Да, сегодня эта земля и страна для нас чужие, но ведь люди, которые лежат в ней – русские, православные и для нас, ныне живущих, важно помнить о них. Можно надеяться, что с помощью Русской православной церкви и руководства АРВМ в местах захоронений жителей когда-то русских деревень со временем будут проведены поминальные богослужения и установлены памятные кресты.

В Шаньхулинь сохранились отдельные старые рубленые дома, построенные первыми переселенцами. Известно, что деревня была основана в 1920-х годах братьями Кайгородовыми Петром, Георгием и Макаром, а также другими казаками, откочевавшими в эти края с приаргунской станицы Усть-Уровская и китайского поселения Усть-Уровский (Цигань). В составе делегации как раз и были те, кто родился и жил в этой деревне.

Сохранился и дом Петра Дмитриевича Кайгородова, в котором сейчас находится частный ресторан и гостиница. Китайские власти в настоящее время бережно относятся к историческому наследию и на большинстве старых домов имеются таблички с надписями, что данные объекты являются историческими памятниками и охраняются государством. В обход деревни проходит современное двухполосное шоссе, ведущее к государственной границе.

Деревня **Караванная**. В настоящее время деревня ориентирована на большой приток китайских туристов в тёплое время года из южных регионов КНР. Население ориентировочно 100–200 человек. В деревне сохранились кое-где старые постройки, которые охраняются государством. Однако больше построек современных, стилизованных под русскую архитектуру. Огромное количество мини-гостиниц и кафе.

Караванная является единственным поселением, которому китайские власти сохранили историческое русское название. Посёлок является центром русской волости, административной единицы АРВМ КНР. Поэтому он и определён местом проведения праздника Русской Пасхи и Троицы.

В центре поселения организована концертная площадка, вдоль реки Хаул построена живописная набережная с информационными щитами, на которых отображена история Трёхречья, жизни и быта его русского населения.

На время праздников в Караванную съезжаются тысячи туристов, чтобы увидеть жизнь «русского» населения. В настоящее время Китай переживает бум интереса к России и всему русскому.

На празднике выступают с концертами творческие коллективы из представителей китайской русской диаспоры, проживающих в основном в Лабдарине и Хайларе. Иногда приглашаются коллективы и из России, но это происходит очень редко. Следует отметить, что широкого контакта между Общиной китайской русской национальности и соседним Забайкальским краем нет.

Наша делегация получила приглашение на праздничный обед в старый дом, где был организован по старинным обычаям традиционный русский стол. На столе присутствовали как китайские, так и русские блюда. Стояли православные куличи, и в тарелках лежали крашенные яйца. Звучали под гармонь старинные русские песни, частушки и, конечно же, были и весёлые пляски в присядочку.

Праздник прошёл весело и способствовал более близкому общению всех присутствующих. Люди высказывали истинное радушие и гостеприимство. «Гвоздём» праздника было наличие в нашей делегации потомков казаков, одетых в традиционную казачью справу.

Деревня **Олочи**. Расположена на границе с Россией, напротив русской деревни Олочи Нерченско-Заводского района. Граница проходит по реке Аргунь. Раньше китайские Олочи

были логическим продолжением русской деревни Олочи. По обе стороны жили казаки, в большинстве своём имевшие тесные родственные связи и занимавшиеся сельским хозяйством на китайской стороне.

Сейчас деревня ориентирована на китайского массового туриста.

*Потомок Забайкальских казаков Д. М. Кайгородов
с туристами из районов внутренней Монголии
Апрель 2019г.*

*Молодое поколение китайской
русской национальности*

Так же, как и в Караванной, она застроена домами, стилизованными под русскую архитектуру, в которых размещены гостиницы, сувенирные лавки и ресторанчики. Архитектура очень вычурная, однако, такой стиль нравится туристам из южных и центральных районов Китая.

Вдоль Аргуни построена протяжённая благоустроенная набережная с видовыми площадками на русскую сторону. По информации, полученной от наших спутников, ежегодно деревню Олочи посещают 5 миллионов туристов, что способствует экономическому подъёму «русских» деревень.

В деревне остались и продолжают жить потомки от смешанных браков с русскими казаками, но таких людей немного, порядка 50 человек. Через Аргунь, чуть выше по течению, имеется мостовой переход на русскую сторону. Но, к сожалению, данный переход не задействован в культурном, экономическом, а также туристическом сотрудничестве двух государств. Со слов представителей местной власти и простых людей, у китайской стороны огромный интерес к развитию взаимовыгодного приграничного сотрудничества и добрососедских отношений с Россией.

На протяжении всей поездки мы чувствовали неподдельный интерес к нашему визиту с китайской стороны. Доброжелательное и чуткое отношение проявлялось во всём, начиная от размещения нас в гостинице европейского уровня и до предоставления комфортного транспорта для передвижения по региону.

Наша поездка в район Трёхречья проходила на фоне государственного визита Президента России В. В. Путина в Пекин и его встречи с Председателем КНР Си Цзинь Пином. Это придавало особый оттенок проводимым нами встречам с китайской стороной, и вос-

принималось как логическое продолжение процесса на сближение двух великих государств, начатого их лидерами.

Посёлок Олочи, КНР. Апрель 2019 г.

Визит нашей делегации, состоявшей из простых людей разных возрастов, профессий, живущих в различных регионах России, но являющихся потомками Забайкальских казаков и считающих себя таковыми, – один из ярких примеров действия народной дипломатии в целях укрепления дружбы и взаимопонимания между странами.

Подводя итоги поездки в Трёхречье, члены нашей делегации пришли к некоторым общим выводам. Учитывая огромный интерес в современном Китае к России и всему русскому, в приграничных территориях Забайкальского края и в целом Дальнего

Востока необходимо: шире использовать имеющийся «капитал», а именно – наличие в Китае этноса китайской русской национальности, его духовную близость к России; подготовить и принять целевую программу, выработать дорожную карту по развитию всесторонних отношений приграничных территорий сопредельных стран; активнее заниматься обустройством и открытием современных международных автомобильных пропускных пунктов для осуществления массового и, самое главное, комфортного перехода границы туристическими группами. В решении этих вопросов особую важность приобретают совместные усилия двух государств, региональных властных структур и общественных организаций.

В заключении следует отметить, что данная статья отражает исключительно субъективное мнение авторов, носит познавательный и информационный характер, направлена на дальнейшее развитие добрососедских отношений между двумя дружественными сторонами в общих интересах.

Е. В. Волков,
кандидат биологических наук,
руководитель ГКУ Амурской области
«Бурейское лесничество», п. Новобурейский.

ОНИ ЖИЛИ НА БЕРЕГАХ БУРЕИ

Ключевые слова: река Буря, эвенки, дючеры, земледелие

В статье на основе сравнительного сопоставления исторических литературных источников приводятся сведения о жителях бассейна реки Буря, начиная с каменного века и до конца XIX века. Уточнена граница расселения эвенков шамагиринов (оленные тунгусы) и бираров (конные тунгусы) в середине XIX века. Собраны сведения о первом земледелии на берегах Буреи.

С древнейших времён реки всегда служили удобными путями миграции племён. Берега Буреи изобиловали зверем и птицей, а сама река – рыбой. Это привлекало людей каменного века. К сожалению, крупномасштабных археологических исследований на берегах Буреи не проводилось. Известна лишь так называемая «талаканская культура», датированная второй половиной I тыс. до н.э. – первыми веками новой эры. Кочевые племена проживали немногочисленными группами (семьями) в несложных жилищах, занимались охотой, рыболовством и собирательством. Позже по Амуру проходила северная граница раннефеодального государства мохэсцев Бохай и Золотой империи чжурчжэней. Располагались эти государства в бассейне реки Сунгари, в древности Амур считался её притоком. Этносы нижней Буреи, по-видимому, не входили в границы средневековых государств, но испытывали сильное политическое и культурное влияние [4].

К реке Буря примыкает плодородная Зейско-Буреинская равнина, где уже в верхнем неолите зародилось мотыжное земледелие. Первым возделываемым злаком, вероятно, было просо. Имеются данные о существовании на равнине более 700 селений и городищ людей железного века. Жилищами были каркасные землянки. В эпоху мохэсской культуры (IV век н.э.) стала применяться соха или плуг. Система земледелия была подсеčno-огневой. Ко времени появления русских первопроходцев в XVII веке на Зейско-Буреинской равнине проживало не менее 8 тысяч хлебопашцев и скотоводов [13].

По берегам Амура ниже устья Зеи жили оседлые роды дючеров. Они жили в городищах, окружённых рвами, земляными окопами и деревянными стенами, или в селениях, и управлялись князьками. Располагались дючерские городища на ранее возведённых оборонительных сооружениях мохэсцев и чжурчжэней. Дючеры лишь подновляли их. Основные виды деятельности дючеров: хлебопашество, огородничество, пастбищное скотоводство и меновая торговля с тунгусами и маньчжурами. По словам Пояркова, который первый из русских собрал сведения о дючерах, «они возделывали: ячмень, овес, гречиху, просо, горох и коноплю, а из овощей и плодовых деревьев: огурцы, мак, бобы, чеснок, яблоки, груши, грецкие и русские орехи (*орех маньчжурский и орех лещины – здесь и далее курсивом примечания автора*)». Также они промышляли рыболовством и охотой, торговали с маньчжурами, покупая у них дорогие ткани, серебро, медь, олово и, в свою очередь, предлагая хлеб и меха.

Выше по Бурею жили тунгусы: бирары – китайские подданные и шамагиры (самагиры) – подданные Российской империи. Тунгусы (*эвенки*) стояли на низшей ступени развития и занимались в основном охотой. Они не были привязаны к одному месту и осуществляли кочевки на значительные расстояния, охотясь вдалеке от своих сородичей. Поэтому к названиям племён следует относиться осторожно, так как существует путаница в различных литературных источниках. Тунгусов шамагиров зачастую называют ороконами, что в переводе с языка эвенков значит как «человек, владеющий оленем». Это одно из наиболее распространенных самоназваний амурских эвенков [14]. В спорных случаях нужно обращать внимание на род занятий эвенков. У шамагиров основным занятием было северное оленеводство, а бирары были конными охотниками. В этом их основная разница и с этим связаны конфликты. По словам А. Ф. Миддендорфа, «конные тунгусы», являющиеся китайскими подданными, специально пускали палы, чтобы отеснить «оленных тунгусов» (*русских подданных*). Пожары уничтожали кормовую базу северного оленя – мхи и лишайники. На горях хорошо росла трава, являющаяся кормом для лошадей. «Вследствие травяных палов, ... они (*конные тунгусы*) отодвигают оленных тунгусов в горы ещё выше, чем это обуславливалось первобытной природой. Впрочем, не только конные тунгусы устраивали такие палы, чтобы улучшить кормовые места для своих лошадей, но и наши тунгусы жгли низменности, для получения сочных лугов, на которых они потом подстерегают оленей». Граница между конными и оленными тунгусами в середине XIX века проходила в районе реки Тырма [7; с. 726].

В районе посёлка Талакан неподалеку от гидроэлектростанции, обнаружен наскальный рисунок в виде креста, вписанного в полуокружность, датируемый XVI–XVII веками. Петроглиф создан в технике желобочной выбивки на гранитном валуне, находящемся почти на вершине сопки. Есть предположение, что рисунок обозначал границы родовых охотничьих владений эвенков-бираров [9].

Достаточно подробную информацию о быте народов, населяющих Приамурье и бассейн Буреи, можно найти на страницах словаря, составленного А. Кирилловым [3], чем мы и воспользуемся, давая описание тунгусов.

Бирары по общему складу тела и форме лица, равно как по обычаям и одежде, имели

большее сходство с маньчжурами, чем с другими народами Амура, но язык их был сходен с манегровским и отличался от последнего обилием слов, заимствованных из маньчжурского, даурского и китайского языков. Жившие близ западной границы бирары, благодаря влиянию маньчжуров и дауров, вели оседлую жизнь и занимались земледелием; жившие напротив, близ восточной границы, находясь вне сферы влияния более культурных народов, вели бродячую жизнь, проживая в шалашах, и занимались только охотой и рыбной ловлей. Предметы промыслов своих они обменивали как с маньчжурскими купцами, так и с русскими казаками, являясь для этого в станицы. Первоначальным местом жительства бираров был бассейн Буреи [12].

Изредка в низовьях Буреи бывали тунгусы манегры, не поднимаясь выше реки Пайкан [14]. Язык манегров имел сходство с языком ороحوнов и бираров. Манегры вели кочевую жизнь, проводя лето на берегах рек и перекочевывая с наступлением зимы в леса и горы. Жилищем для них служили конические юрты, остов которых, сделанный из жердей, покрывался берестой и выделанными лосинными шкурами. Главные занятия мужчин – летом и осенью рыбная ловля, а зимою звериный промысел. Продукты звероловства сбывались как маньчжурам, так и русским торговцам. Для торговли с последними манегры иногда являлись в станицы и ежегодно устраивали ярмарку по р. Голубой, впадающей в Зею, в 115 верстах от устья. По религии манегры были шаманистами: они признавали бытие добрых и злых духов и особенно боялись последних, умиловывая их жертвоприношениями при всяком удобном случае. Манегры не смотря на то, что некоторые из них жили постоянно на русской территории, считались подданными Китая. Все они, начиная с 20-летнего возраста до 50 лет, обязаны были ежегодно платить подать, состоящую из одной собольей шкурки. Первоначальное место жительства манегров – северный и южный склоны Станового хребта, откуда они в XVII веке, после удаления русских из Амурского края, спустились по Уркуану и Ольдою в верховья Амура, а потом на Кумару и Зею и, поселившись в равнинах, заменили оленей лошадьми и сделались конными кочевниками [3; с. 238].

Тунгусы рода шамагиры охотились ещё выше по Бурее и лишь изредка заходили в низовья. Условную границу между бирарами и шамагирами можно провести немного ниже, чем приводил Миддендрф [7; с. 726], по бассейну правого притока Буреи – реки Мальмальта. Здесь находился утёс Шеваки – место молитвы всех эвенков [10; с. 50]. В этом месте конные эвенки – китайские подданные сходились с русскими тунгусами – оленеводами. Северный олень не мог кочевать далее на юг, по причине недостатка корма. Впрочем, некоторые эвенки – русские подданные спускались до устья Буреи на амарочах – небольших берёзовых (*берестяных*) челноках [10; с. 51]. Исследователь Ф. Б. Шмидт, сплавлявшийся по Бурее в 1862 году, встретил в устье Мальмальты семейство тунгусов-христиан, приписанных в Удском и уже много лет посещающих это место, где они занимаются охотой. Семейство жило в летних палатках и имело несколько небольших лодок, сделанных из бересты. Принадлежащие им олени находились далее на севере. Однажды к тунгусам приезжали китайские чиновники, которые хотели заставить тунгусов платить подать или же оставить это место. Тунгусы угостили русского путешественника свежей оленьей и рыбой [11; с. 57].

Тунгусы обыкновенно имели два места жительства: летнее, вблизи рек, и зимнее, около хребтов гор, причём для удобства зимою жили по 2–3 семьи вместе, летом же собирались в одном месте до 6 и даже до 10 семейств. Постоянным помещением для них служила ураса, которая устраивалась так: на ровном месте устанавливались конусообразно тонкие шесты, от 25 до 40 штук, смотря по величине урасы, и покрывались оленьими шкурами, выделанными в род замши, вверху урасы устраивалось отверстие для выхода дыма, а внизу на одной из сторон – треугольное отверстие, заменяющее дверь. Внутри урасы, за исключением середины, где разводился огонь, выстилалась ветками ели или другого хвойного дерева [3; с. 431].

Костюм тунгусов был сшит из оленьих шкур, выделанных в виде замши, и состоял из узкого кафтана, похожего на русский армяк, и шаровар; только нижняя рубашка шилась из ситца. Голова была покрыта меховой шапкой [3; с. 431].

В пище тунгусы были не разборчивы, оленья требуха с ягодами для них была самым лакомым блюдом. Обыкновенную пищу их составляли рыба и мясо убитых зверей. Рыбные запасы делались только из кеты. Каждая юрта вылавливала себе ежегодно от 5000 до 7000 штук кеты; выловленная рыба просушивалась и вялилась на солнце и в таком виде могла сохраняться долгое время, не подвергаясь порче. Мясо зверей обыкновенно употреблялось в свежем виде; но когда получался большой запас, то оно готовилось впрок, причём обыкновенно практиковался такой способ: разрезав мясо на тонкие длинные пласты, развешивали его на палки, укрепленные на сошках, и раскладывали под ним небольшой огонь, на котором мясо слегка поджаривалось и коптилось, а весной иногда сушилось прямо на солнце. Кроме рыбы и мяса употреблялись в пищу: лепешки из муки, приготовленные на жире или кунжутном масле, брусника, растёртая в тесто и смешанная вместе с икрой, каша из буды (*чумизы*) и несколько раз в день кирпичный чай вприкуску с кетой. Тунгусы вообще ели очень часто и очень много, так что у постороннего наблюдателя могло возникнуть удивление относительно вместимости их желудков. Но при недостатке пищи эти дикари, привыкшие к употреблению пищи в громадном количестве, переносили голод с замечательным терпением: здоровому тунгусу, по отзывам лиц, знакомых с их бытом, пробыть три-четыре дня совсем без пищи не составляло большого лишения [3; с. 432].

Главные занятия тунгусов – рыболовство и приносящее более ценный заработок звероловство. Из зверей добывались: олень, изюбр, лось, коза, медведь, лиса, волк, енотовидная собака, хорёк, белка, горностай, выдра. Но самое большое значение из пушных зверей имел соболь, который привлекал в тайгу русских, китайских и якутских торговцев. На соболей охотились всю зиму, но самое лучшее для этого время – декабрь и январь, когда мех соболя самого высокого качества – тёмный, ровный и чистый. Охотились на них либо с собаками, которые отыскивая зверька по следу, загоняли его на дерево, а охотник стрелял из малокалиберного ружья, либо лучками, которые настораживались в еловых лесах, где преимущественно водился соболь. Вся добытая пушнина сбывалась торговцам, преимущественно якутским, которые для этого являлись в известные места, где и совершались торговые сделки. Кроме звероловства и рыболовства многие из тунгусов занимались оленеводством [3; с. 432].

Тунгусы отличались высокими нравственными качествами. Честность, любовь к ближнему, взаимопомощь, склонность к прощению обид, беспрекословное исполнение всех требований какой бы то ни было власти, услужливость, отсутствие лицемерия, коварства и лжи, довольство малым и безропотность – составляли основные черты характера тунгусов. К этим качествам нужно прибавить ещё уважение к чужой собственности. У них никогда не бывало краж [3; с. 433].

Материальное состояние тунгусов, при их ограниченных потребностях и хороших промысловых заработках, достигающих в благоприятные для охоты зимы 1500–2000 рублей, должно было процветать, но в действительности у них царствовала вечная нищета. Причиной этого служила тяжёлая зависимость их от торговцев, преимущественно якутских купцов, которые при меновой торговле назначали на свои товары слишком высокие цены. При таких ценах тунгусы никогда не выходили из долгов, и каждая юрта была должна тому или другому якутскому торговцу от 100 до 600 рублей [3; с. 435].

Местом торговли было так называемое Ниманское собрание – место в верховьях Нимана – притока Буреи, на котором проходила торговля бродячих тунгусов с приезжающими сюда якутскими торговцами. Ярмарка эта продолжалась в течение всего апреля. Якутские торговцы доставляли сюда муку, будо, чай, табак, порох и другие предметы, необходимые в житейском быту тунгусов, и взамен получали пушнину, которая сбывалась в Европейскую Россию уже под названием «якутского сырья» [3; с. 278].

Присоединение Приамурья к России началось в 1650 г., когда отряд Е. П. Хабарова вышел в долину Амура. Под его предводительством по долине Амура началось строительство острогов. Пользуясь туземными названиями, русские заносили их на карты и в таком виде названия дошли до нас. На берегах Буреи русские первопроходцы появились в 70-х – начале 80-х годов XVII века. Они собирали с местного населения ясак, в первую очередь ценным соболем. В «скасках» казаков Бурея именовалась рекой Быстрой. В 80-х годах XVII века представители русской администрации осуществляли свои полномочия по Амуру вплоть до устья Буреи. Большой вклад в освоение Буреи внес Гаврила Фролов, предводитель албазинского отряда из 29 служилых людей и 32 промышленников. В 1683 г. по возвращении из похода он доложил властям, что тунгусы шамагиры, живущие по Буреи, приняли русское подданство [1; с. 124]. Другие русские зверопромышленники из Якутии спускались на Бурею и Амгунь, осваивая районы, прилегающие к низовьям Амура и побережью Охотского моря. Зверопромышленников поддерживало русское купечество, к 80-м годам XVII века уже имевшее свои ватаги в Приамурье. Затем русским пришлось уйти из Приамурья из-за вторжения в 1683 г. многочисленного маньчжурского войска на Амур. В 1689 г. Россия была вынуждена подписать с маньчжурами мирный договор и оставить Приамурье. Возникший военный конфликт русских казаков с маньчжурами привёл к опустыниванию Приамурья. Чтобы лишить русских казаков продовольствия и подданных, по указу маньчжурского правительства всё оседлое население Зейско-Буреинской равнины переселили вглубь Маньчжурии в долину р. Нонни. На обширных пространствах остались лишь кочевые охотники эвенки (тунгусы).

Получив по Нерчинскому мирному договору обширные территории Приамурья, маньчжуры не стали их осваивать и заселять. К моменту первого массового притока русских переселенцев в середине XIX века по всей области проживало 8370 человек, из них казаков 2950, китайцев, дауров и дючеров 3000, гольдов, манегров и бирар 2100, тунгусов и якутов 320 человек [8]. Бассейн Буреи и вовсе был безлюден. Лишь редкие охотники эвенки кочевали на безлюдных пространствах. Литературных сведений о земледелии в бассейне Буреи нет. Лишь А. Ф. Миддендорф приводит следующую информацию о том, что «старый якут Трофим, с которым я ехал некоторое время, рассказывал мне, что он лет 26 назад (примерно в 1818 году) спускался вниз по Бурее на берестяном челноке и останавливался вёрст за 60 от устья, где находился китайский сторожевой пост» [6; с. 161]. Далее он приводит информацию: «сказывали также, что на Бурее есть хлебопашество при селении Курунь-Хурга, не очень далеко от города Айгунь-Хотонь [6; с. 181]. Также существует карта с нанесённым на левом берегу реки Бурея расположением маньчжурского караула [12]. Соотнеся эти данные, можно предположить, что китайский (маньчжурский) пост и селение представляют одно и то же. К сожалению, точной информации о местоположении данного селения получить не удалось. Следовательно, селение просуществовало недолго, а обрабатываемые земли были незначительные. Можно предположить наиболее подходящим местом для расположения поста район нынешнего хутора Левый Берег (Архаринский район). Здесь расположены плодородные почвы, достаточно возвышенные и сухие для занятий земледелием. Бурея течёт одним руслом, удобным для контроля с поста. Далее к югу река разбивается на множество протоков и островов.

Ко времени появления русских поселенцев низовья Буреи были безлюдными. В 1858 году поручик Усольцев повстречал только одного старого тунгуса-манегра, жившего при Каме (*р. Дикан*) и знакомого с Буреей и её притоками [10; с.50].

Новый этап освоения бассейна Буреи уже связан с русскими поселенцами. Первым селом, появившимся на берегах реки, было село Асташиха, основанное казаками в 1879 году [2], по другим данным в 1862 году [3]. Поскольку в обязанности казаков в первую очередь входила военная служба, земледелие не получило широкого развития. «Смотря на себя, как на человека «казенного», он (*казак*) не относится так горячо к хозяйству, как крестьянин» [5; с. 103]. Развитие земледелия в бассейне Буреи можно связать только с основанием в 1871 году села Бахирево, где поселились старообрядцы. В конце XIX века в этом селе успешно занимались пчеловодством, также была осуществлена первая попытка разведения изюбрей с целью получения пантов. Изюбри быстро приручались, начали плодиться в неволе, но это дело не получило дальнейшего развития [5; с. 115]. Немногим позже в нижнем течении реки Бурея появились и другие русские селения. Средствами заработка местных жителей кроме земледелия были охота и извоз (доставка грузов вверх по реке на Ниманские золотые прииски).

Берестяные лодки эвенков

Караван ороочонов

Фото из книги «Эвенки Приамурья: оленняя тропа истории и культуры», Благовещенск, 2012

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, В. А. Россия на дальневосточных рубежах: (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров – Хабаровск, 1984. – 272 с.
2. Амурская область. Опыт энциклопедического словаря / науч. ред. В. В. Воробьев, А. П. Дервянко; ред.-сост. Н. К. Шульман. – Благовещенск, 1989. – 416 с.
3. Географическо–статистический словарь Амурской и Приморской областей с включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / сост. А. Кириллов. – Благовещенск: Типография т-ва Д. О. Мокин и Ко, 1894. – 542 с.
4. История Амурской области / А. В. Баранов [и др.]. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. – 304 с.
5. Коржинский, С. И. Отчет об исследовании Амурской области, как земледельческой колонии / С. И. Коржинский // Известия Вост.-Сиб. отд. ИРГО, 1892. – Т. 23, № 4–5. – С. 73–138.
6. Миддендорф, А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири : Ч. 1. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении : Отд. I. География и гидрография / А. Ф. Миддендорф. – СПб., 1860. – 188 с.
7. Миддендорф, А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 1. Север и Восток Сибири в естественно – историческом отношении. Отд. 4. Растительность Сибири / А. Ф. Миддендорф.– СПб., 1867. – 812 с.
8. Потапова, А. Как заселялся Амурский край / А. Потапова // Самовар. – 2003. – 20 марта.
9. Талакана петроглиф // Научный музей АМГУ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://museum.amursu.ru/index.php/petroglify/3-talakana-petroglif>
10. Труды Сибирской экспедиции императорского Русского географического общества. Математический отдел. – СПб., 1864. – 812 с.
11. Шмидт, Ф. Б. Исторические отчеты о физико-географических исследованиях начальника физического отдела Сибирской экспедиции и его помощника / Ф. Б. Шмидт, П. П. Глен // Труды Сибирской экспедиции императорского Русского географического общества. Физический отдел. Том I: Исторические отчеты. – СПб., 1868. – 119 с.
12. Шренк, Л. Об инородцах Амурского края. Том I : Части географическо-историческая и антропологическая / Л. Шренк. – СПб., 1883. – 323 с.
13. Шульман, Н. К. К истории заселения Зейско-Буреинской равнины / Н. К. Шульман // Амурский краевед (информационный сборник). – 1993. – № 3(8). – С. 16–21.
14. Эвенки Приамурья: оленняя тропа истории и культуры / под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск, 2012. – 384 с.

Т. Н. Телюк,
кандидат философских наук,
заместитель генерального директора
ЗАО «Амурская ярмарка»

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ БОРМАН

Ключевые слова: Владимир Леонидович Борман, Императорский Казанский университет, детская хирургия, хирургическое отделение благовещенской городской больницы, костнопластическая операция Бормана-Леви, Омский государственный медицинский институт, кафедры хирургии, Надежда Михайловна Борман, Владимир Владимирович Борман, Благовещенск, Барнаул, Омск, Томск.

В 1910 году (110 лет тому назад) доктор медицины В. Л. Борман, заведующий хирургическим отделением Благовещенской городской больницы, одним из первых в мире выполнил уникальную костнопластическую операцию, названную в мировой медицинской литературе операцией Бормана-Леви. В статье рассматриваются основные этапы его жизни и профессиональной деятельности, восстанавливаются многие, ранее неизвестные для амурского читателя, факты из его биографии. Статья написана на основе архивных документов, материалов редких изданий, современных краеведческих и научно-исторических исследований.

В начале XX столетия в Благовещенске трудился замечательный хирург Владимир Леонидович Борман, ученик известного отечественного учёного В. И. Разумовского. После окончания в 1889 г. 1-й Казанской гимназии, поступил на медицинский факультет Императорского Казанского университета (ИКУ). Получив диплом врача в 1894 г., в течение трёх лет работал ординатором госпитальной хирургической клиники ИКУ. Под руководством профессора В. И. Разумовского в мае 1898 г. успешно защитил диссертацию на степень доктора медицины на тему: «К вопросу об иннервации предстательной железы и её отношение к testes».

В 1898–1900 гг. находился в зарубежной командировке, стажировался в клиниках Швейцарии, Германии, Франции и Англии. По возвращении в 1900 г. в Казань, работал на кафедре оперативной хирургии и топографической анатомии ИКУ. Стал первым детским хирургом Казанского университета и заведующим «новой детской клиникой» Казани. В течение двух лет в клинике одна палата была предоставлена хирургическим больным. Хирург В. Л. Борман производил операции удаления камней мочевого пузыря, грыжесечения, трепанации сосцевидного отростка и др. Одновременно вёл амбулаторный приём детей

с хирургическими заболеваниями и патологией уха, горла и носа. В 1902 г. был избран ассистентом по детской хирургии факультетской хирургической клиники ИКУ, преподавал студентам курс хирургических заболеваний у детей.

В 1904 г. по семейным обстоятельствам В. Л. Борман переехал в Севастополь, работал заведующим хирургическим отделением городской больницы. С началом русско-японской войны был мобилизован в армию и направлен в Иркутск на должность старшего ординатора госпиталя №213. После демобилизации в 1905 г. остался в Сибири на Судженских копях (крупнейшие угольные предприятия не только Кузбасса, но и всей Западной Сибири) и одновременно работал приват-доцентом Императорского Томского университета, читал лекции по хирургической диагностике.

В 1908 г. В. Л. Борман получил приглашение в Благовещенск-на-Амуре, где занял должность заведующего хирургическим отделением городской больницы и впоследствии – её главного врача (1911–1913 гг.). С первых дней работы он постоянно ставил вопросы коренного улучшения хирургической помощи городскому населению. В ежегодных отчётах обращал внимание на одни и те же недостатки в организации лечебного дела, в частности, на плохое оснащение отделения мебелью, инструментарием, перевязочным материалом и т.д. Благодаря настойчивости Владимира Леонидовича, реорганизация хирургического отделения продвигалась, хотя, как он писал в отчёте за 1911 г., «прогресс в улучшении обстановки отделения подвигается черепашьям шагом». Постепенно были созданы необходимые условия для выполнения довольно сложных операций: аппендэктомии, трепанации черепа, ампутации, резекции, чрево- и грыжесечения, струмэктомии, гастростомии и других операций. Хирург В. Л. Борман провёл более 250 операций, в том числе 88 «больших» вмешательств, послеоперационная летальность составила 19 процентов.

Владимир Леонидович Борман многое сделал и для становления хирургической службы в Амурской области. Вместе с другими врачами (Я. Л. Таубер, И. М. Хоммер, Н. И. Старокотлицкий) оказывал бесплатную медицинскую помощь бедному населению, пропагандировал медицинские знания, участвовал в сборе средств для борьбы с туберкулёзом, был активным членом Общества врачей, неоднократно выступал с научными сообщениями и докладами на его заседаниях.

В. Л. Борман отстаивал прогрессивные взгляды по вопросу лечения проникающих ранений живота, постоянно поддерживал необходимость наиболее ранней доставки пострадавших в хирургическое отделение для срочного оперативного лечения. При переломе бедра им применялось вытяжение на санном аппарате профессора Фолекмана. Его требование к врачам – при любых переломах костей обязательно производить хорошую иммобилизацию – не потеряло актуальности и до сегодняшнего дня. С этой целью он рекомендовал применять крахмальные лангеты и повязки. Постоянно занимался и научной работой. Так, в 1910 г. в «Сибирской врачебной газете» опубликовал статьи «Дубление кожи, как способ приготовления поля», «К казуистике эхинококка печени и казуистике осложнения». В 1911 г. там же были напечатаны другие статьи (согласно его отчёта – «К казуистике огнестрельных ранений мирного времени», «Несколько случаев послеоперационных осложнений при

вскрытии брюшной полости», «Перфоративный аппендицит и кишечное кровотечение», «Надчревные грыжи»).

В. Л. Борман творчески развил гениальные идеи Н. И. Пирогова о костной пластике. В отчёте по хирургическому отделению за 1910 г. он, в частности, писал: «Я из числа операций на нижней конечности произвёл одну «ради эксперимента», и она дала прекрасные результаты. Больному на одной ноге мною была произведена операция по Сайму, а на другой, в связи с тем, что при ампутации для образования культи не хватало кожи, наружная лодыжка была сколота и подвернута на отпиленную поверхность голени. В результате такой операции и получилась своеобразного вида культи, больной свободно ходит без помощи палочки».

Таким образом, амурский хирург В. Л. Борман одним из первых в мире выполнил костнопластическую операцию (20.10.1910 г.), опередив и шотландского хирурга Д. Саймана (операция Бормана-Саймана), и немецкого ученого Леви (на три года раньше). Теперь она называется операцией Бормана-Леви. В мировой медицинской литературе известно только четыре костнопластические операции, и автор одной из них – амурский хирург-новатор Владимир Леонидович Борман.

Занимая должность главного врача, В. Л. Борман неоднократно обращал внимание городской управы и попечителей больницы на отсутствие в ней лаборатории и рентгеновского кабинета. По его мнению, «то не научная роскошь, а нечто насущное для современной медицины, так как пропадает интересный материал в научном отношении и страдает диагностика некоторых заболеваний». Усилия Владимира Леонидовича дали свои результаты: 19 сентября 1911 г. рентгеновский аппарат был установлен в городской больнице. Также его особой заботой стало улучшение условий пребывания пациентов в больнице и работы врачей. В своих отчётах он указывал: «Продолжительность дневной смены служб медиков необыкновенно велика: служители за исключением часов сна, всё время на работе, т.е. 14–16 часов. Не удивительно, если они к концу дня жалуются, что голова становится как дурная, и он весь расслабленный»; «Что же касается прочего, необходимо вывести из госпитального здания помещение для прислуги, исправить или изменить систему отхожих мест, что является насущной и неотложной необходимостью, и это я пишу уже в четвёртый раз!, провести воду в операционную и перевязочную комнаты и там же деревянные полы заменить плиточными». Ему приходилось решать не только различные хозяйственные проблемы, но и искать пути повышения хирургической активности, заботиться об увеличении коленного фонда и врачебного персонала, развивать доступность хирургической и иной медицинской помощи населению.

Рутинная административная работа отнимала у Владимира Леонидовича много времени, ему нередко приходилось преодолевать и инертность чиновников, и предвзятость отдельных членов Попечительного совета. О возникающих сложностях в его деятельности можно судить, в частности, по протоколам заседаний городской управы и городской думы, прошедших в конце 1912 – первом квартале 1913 гг. На этих заседаниях несколько раз рассматривались вопросы о состоянии дел в городской больнице и работе её главного врача

В. Л. Бормана. В итоге коллегиального обсуждения и решений правительственной, ревизионной и особой комиссий, в деятельности В. Л. Бормана по руководству и организации работы городской больницы были вскрыты серьёзные нарушения. По мнению членов комиссий управы и думы, им осуществлялся недостаточный контроль за финансовыми расходами, работой хозяйственных служб, штатом служащих, их исполнительской дисциплиной. Талантливый и знающий специалист, в течение 5 лет с успехом руководивший хирургическим отделением, оснастивший его современным оборудованием и проводивший блестящие операции, оказался, с их позиции, недостаточно опытным организатором врачебного процесса всех отделений городской больницы. Вывод проверяющих был категоричен: Владимир Леонидович Борман «как ординатор хирургического отделения, имеющий для этого солидную подготовку, тем не менее, не справился с ролью хозяина и руководителя общей жизнью больницы». В результате В. Л. Борман вынужден был уволиться с должности главного врача благовещенской городской больницы. В Сибирском торгово-промышленном ежегоднике за 1913 год он уже указан как вольнопрактикующий врач Благовещенска.

Владимир Леонидович, предположительно, в самом конце 1913 г. покинул Благовещенск. В 1914 г. он начал служить в Омском военном госпитале и вступил в Омское медицинское общество. После начала Первой мировой войны, в 1915 г., В. Л. Борман вновь мобилизован в армию и находился на фронте до 1917 г. Затем был приглашён на место консультанта Омского военного госпиталя и одновременно преподавал хирургию в фельдшерской школе. Участник гражданской войны, в 1921 г. был демобилизован из рядов Красной армии. Получил приглашение на кафедру хирургии в Омском медицинском университете, читал лекции по всем хирургическим дисциплинам. Опубликовал более 14 научных работ. В 1922 г. по совокупности научных трудов утверждён профессором. В 1923 г. Владимиру Леонидовичу Борману было присвоено учёное звание профессора. Стал основателем и первым профессором кафедры госпитальной хирургии Омского государственного медицинского института (1922–1933). Наряду с этим В. Л. Борман был первым руководителем (по совместительству) кафедры топографической анатомии и оперативной хирургии (1922–1931). Активно сотрудничал с омскими медицинскими журналами, неоднократно выступал на заседаниях Омского медицинского общества, Так, 5 ноября 1926 г. выступил на его заседании с актуальным (для того времени) докладом: «К вопросу о приближении квалифицированной помощи к деревне и углублении производственной практики студентов-медиков». После 1933 г. обосновался в Томске, профессор Томского университета. По неподтверждённым данным, был репрессирован, погиб в 1937 г.

***Справочно:** Владимир Леонидович Борман (07.07.1869, г. Княгин, Нижегородская губерния – 1937), доктор медицины, надворный советник, коллежский советник, сверхштатный медицинский чиновник при Врачебном управлении Амурской области (1911–1913). Отец – Борман Леонид Николаевич, земский служащий (провизор), мать – Анна Яковлевна, урожденная Трогובה, проживали в Нижнем Новгороде. Младший брат – Борман Яков Леонидович (07.12.1875, г. Нижний Новгород – нач. 1920-х, г. Оренбург), окончил есте-*

ственный факультет ИКУ; на службе с 1900 г. в разных городах (Благовещенск-на-Волге, Челябинск, Пермь, Нижний Тагил): инспектор реального училища, наставник учительской семинарии, преподаватель женской гимназии, награждён орденами Станислава III степени (1909 г.) и Анны III степени (1913 г.); после революции – директор Единой трудовой школы, уполномоченный министерства просвещения; умер в Оренбургской тюрьме от разрыва сердца.

Сведения о семейном положении Владимира Леонидовича до его приезда на Амур неизвестны. О некоторых обстоятельствах его личной жизни в период пребывания в Благовещенске можно судить по архивным документам и краеведческим изданиям. Так, через год после приезда он стал вести собственный амбулаторный приём больных на ул. Мастерской. Однако после указания Попечительного совета на недопустимость подобного совмещения с официальной работой, ему пришлось отказаться от частной практики. В Благовещенске Владимир Леонидович женился. Согласно записи в метрической книге, брак был заключен 24.07.1909 г. в церкви во имя Святых Апостолов Петра и Павла (так называемой Тюремной церкви). Жена – Надежда Михайловна (р. 16.01.1876), урожденная Бродовикова, из семьи благовещенских купцов, золотопромышленников. Это был её второй брак. Первый муж (брак в 1902 г.) – Резунов (Надикт-Резунов) Григорий Михайлович (1879?-1902), кадровый офицер АКВ, участник китайского похода, был убит случайным выстрелом при чистке револьвера. После его смерти в 1903 г. родился сын Михаил. Мать Надежды Михайловны – Бродовикова Марфа Степановна, благовещенская купчиха 2-й гильдии, золотопромышленница, вдова, была выборщицей в городскую думу (1909 г.). Её интересы в думе представлял зять, В. Л. Борман.

Некоторые страницы дальнейшей жизни семьи Владимира Леонидовича стали известны благодаря судьбе одного из его сыновей. Покинув Благовещенск, семья Борманов обосновалась в Барнауле, воспитывали сыновей – Михаила, Алексея, Владимира, Дмитрия. Весной 1917 г. Владимир Леонидович с Надеждой Михайловной были на медицинском симпозиуме в Карловых Варах. Дети оставались в Барнауле под присмотром родственников. Владимир Леонидович задержался по делам в Петрограде, а Надежда Михайловна поехала домой, ещё не зная, какая страшная трагедия разыграется вскоре в Барнауле.

15 (2) мая 1917 г. город Барнаул практически весь выгорел. Точное число жертв пожара установить не удалось. Полагают, что погибло в огне и утонуло в Оби не менее 300 человек. Огромное количество людей получили ожоги, ранения и травмы. Пожар стёр с лица земли более 50 кварталов в лучшей части города, оставив без крова и пищи 3120 семейств, или более 10 тысяч человек. Погорельцы потеряли всё своё имущество, оставшись в том, что было на них. Многие жители спешили уехать в Новониколаевск, Бийск и другие города. Барнаульский пожар оценивался газетами того периода как один из самых грандиозных и страшных в России начала XX века.

Дом Борманов со всем имуществом также был полностью уничтожен. Только чудо спасло детей! Старший сын Надежды Михайловны от первого брака, четырнадцатилетний Михаил, с вечера собирался на охоту и приготовил лодку и снаряжение. Когда начался

пожар, он не растерялся, собрал своих маленьких братьев, быстро посадил в лодку и отплыл как можно дальше от берега. Через какое-то время их подобрал пароход.

Для семьи Борманов началась череда переездов: в 1918 г. – в Омск, в 1932 г. – в Кемерово, позже – в Томск, где учились их сыновья. Дмитрий закончил Томский университет, стал известным физиком. Владимир с 1931 г. учился в Сибирском строительном институте (Сибстрин), одновременно увлекался живописью, учился в студии. Весной 1934 г. участвовал в первой городской выставке Союза художников Томска с портретом кузнеца Пчельникова, ударника кемеровского Кузбассжилстроя. После перевода Сибстрина в Новосибирск, осенью 1934 г. он участвовал во второй краевой выставке работ уже как новосибирский художник. Однако после окончания института Владимир перестал принимать участие в художественных выставках, работал по специальности. Картины В. В. Бормана хранятся в Томском краеведческом музее, экспонируются на выставках в Томском областном художественном музее.

В 1994 г. правление научно-практического общества травматологов и ортопедов Приамурья учредило ежегодную премию имени Владимира Леонидовича Бормана. Она присуждалась за разработку и внедрение в практику лечения травматологических и ортопедических больных оригинального способа, подготовку и издание монографии, учебного пособия, за разработку того или иного аппарата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахунзянов, А. А. Первый детский хирург Императорского Казанского университета Владимир Леонидович Борман / А. А. Ахунзянов // Казанский медицинский журнал. – 2013. – Т.94. – №2. – С. 283–284.
2. Бычкова, Т. А. Новые имена в истории Томска. Выставка В. В. Бормана. Томский областной художественный музей. [Электронный ресурс].- URL: <http://www.artmuseumtomsk.ru>
3. Верой и правдой служа Отечеству. Офицеры Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. 1856–1920-е. – Благовещенск-на-Амуре: Амур. ярмарка, 2018. – С. 508.
4. Воронин, Н. И. Низкий Вам поклон... / Н. И. Воронин. – Благовещенск, 1994. – С. 12–15.
5. Воронин, Н. И., Телюк, Т. Н. Хирург В. Л. Борман. / Н. И. Воронин, Т. Н. Телюк // История Благовещенска. 1856–1917: [в 2 т.]. Т.1. – Благовещенск-на-Амуре: Амур. ярмарка, 2009. – С. 315–316; 310.
6. ГААО. Сборник постановлений Благовещенской городской думы за 1913 год. – Благовещенск, 1914. – С.148–185, 225–231.
7. ГААО. Ф.29-И. Оп. 3. Д. 631. Л. 656 об.-657 (личн. архив С. В. Емельянова).
8. Деговцев, Е. Н., Возлюбленный, С. И., Таскаев, И. И. История кафедры госпитальной хирургии Омского государственного медицинского университета (к 90-летию юбилею) // Хирургическая практика. – 2015. – №3. – С. 60. [Электронный ресурс].- URL: <https://readera.org/istorija-kafedry-gospitalnoj-hirurgii-omskogo-gosudarstvennogo-medicinskogo-142211645>
9. Деловой мир Приамурья (середина XIX–начало XX вв.): [в 2 т.]. Т.2. – Благовещенск-на-Амуре: Амур. ярмарка, 2013. – С. 23.
10. Емельянов, С. В. Амурцы-эмигранты. Первая треть XX века: Биографо-энциклопедический справочник / С. В. Емельянов. – Благовещенск-на-Амуре: Амур. ярмарка, 2019. – С. 55–56.
11. Отчёт по хирургическому отделению Благовещенской городской больницы доктора Вл. Л. Борман (1911 г.). – Благовещенск, 1912. - (личн. архив В. П. Кобзарь).

12. Памятная книжка Амурской области на 1911, 1913, 1914 гг. – Благовещенск.
13. Пожар в Барнауле в 1917 году [Электронный ресурс].- URL: <https://fireman.club/statyi-polzovateley/pozhar-v-barnaule-v-1917-godu/>
14. Пчелина, И. В. Предпосылки развития хирургической помощи Приамурья в дореволюционный период (1858-1917 гг.) / И. В. Пчелина // Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н.И. Пирогова. – 2016. – Т.11. – №3. – С.134.

Я. И. Колода, журналист,
краевед

ПОТОМКИ АМУРСКИХ КУПЦОВ КУВШИНОВЫХ ВОССТАНАВЛИВАЮТ РОДОСЛОВНУЮ

Ключевые слова: Благовещенск, торговый дом «Ф. К. Кувшинов с С-ми», паровая мельница, Кувшиновское подворье, дома Кувшиновых, Китай, Харбин, Успенское кладбище, Т. Жилевич, Австралия, потомки Кувшиновых.

В статье рассказывается об истории рода Кувшиновых – известных благовещенских купцов. Из воспоминаний и рассказов их потомков читатель узнает о непростой судьбе многих членов этой семьи, на долю которых выпали тяжёлые испытания.

Торговый дом «Ф. К. Кувшинов с сыновьями» был основан в Благовещенске в 1905 г. У истоков семейного дела стоял купец Фёдор Кузьмич Кувшинов. Его дети – Андрей, Фёдор, Алексей, Антон, Тимофей были компаньонами большого предприятия. Торговому дому принадлежала паровая мельница, которая начала работать в 1901 г. По денежному обороту ТД «Ф. К. Кувшинов с С-ми» входил в то время в пятёрку крупнейших мукомольных предприятий на Амуре. Кувшиновым также принадлежали лесопилка, магазины «Галантерейный», «Обувь», «Мануфактура», булочная, кондитерская. Купцы Кувшиновы были и крупными судовладельцами, им принадлежали пароходы «Ретвизан», «Тарас Бульба» и другие. Так, в 1912 г. по заказу торгового дома «Ф. К. Кувшинов с С-ми» в Благовещенске был построен пароход «Колумб», принадлежащий одному из его компаньонов – Алексею Фёдоровичу Кувшинову. Товаро-пассажирское судно хоть и было построено в России, ничуть не уступало иностранным и считалось «одним из лучших заднеколесников в амурском флоте». Внутренние помещения освещались электричеством – в ту пору на Амуре это считалось редкостью. «Колумб» был одним из самых крупных пароходов своего типа на Амуре, а также самым быстрым из них.

До 1917 года пароход ходил между Благовещенском, Хабаровском и Николаевском-на-Амуре, с заходами на Сунгари в Харбин. В 1928 г. он был национализирован. По некоторым данным, «Колумбу» хотели дать новое имя – «Сталин», но оставили «старорежимное». В летопись пароходства на Амуре судно с символичным названием вошло историческим

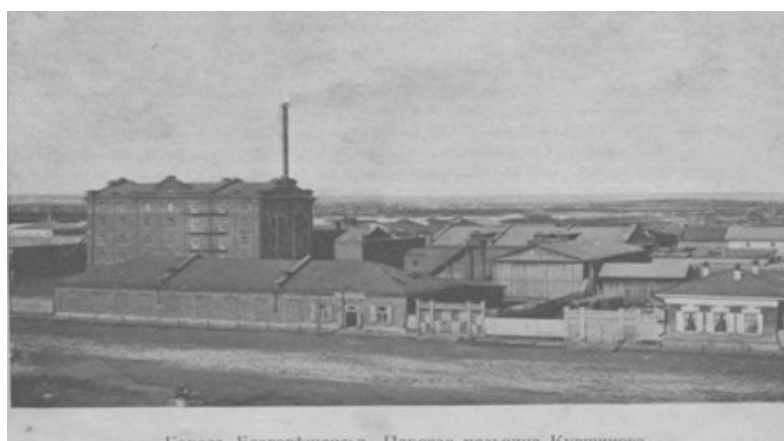
рейсом вместе с пароходом «Коминтерн», в мае 1932 г. высадившим первых строителей будущего города Комсомольска-на-Амуре.

Спустя шесть лет, на киностудии «Ленфильм» была снята кинолента «Комсомольск», где «Колумб» «сыграл» самого себя. Позднее судно содержалось на рейсах Николаевск-на-Амуре – Благовещенск. Осенью 1945 г. его использовали для перевозки и временного содержания японских военнопленных. Спустя ещё три года, легендарный «Колумб» был списан ввиду износа деревянного корпуса и разобран.

– В роду Кувшиновых семьи были большими и отличались долгожительством. Например, моя прапрабабушка Авдотья Степановна Кувшинова родилась 14 марта 1876 года, а умерла в 1974 г. У неё, по рассказам моей бабушки Светланы Викторовны, было семь дочерей. Сестру Авдотьи звали Марфой. Кроме их отца, Степана Ивановича, в молоканской семье Кувшиновых были и другие братья, приходившиеся друг другу родными и двоюродными родственниками. Ехали Кувшиновы из Томской губернии на Амур все вместе. Добираться им пришлось целых два года. Авдотья Степановна всегда говорила, что они приехали «из России». Амур в то время только заселялся, люди прибывали из самых разных территорий. Степан Иванович Кувшинов, отец моей прапрабабушки Авдотьи, был совладельцем мельницы – это здание по адресу ул. Горького (Иркутская), 15, – рассказывает о своих предках Кувшиновых жительница Благовещенска Виктория Тугарина.

Авдотья, до замужества носившая фамилию Кувшинова, вышла за молоканина Сергея Шуваева и уехала жить в Лермонтовку.

Паровая мельница Кувшиновых

После революции многие из родственников Авдотьи Степановны перебрались в Китай, а она, овдовев, осталась жить в деревне вместе с детьми.

Однажды в их доме случился пожар, всё имущество сгорело. Детей, а их у вдовы было семеро, Авдотья, к счастью, успела спасти. Потомки позднее разъехались, а некоторые осели в городе.

*Степан Иванович Кувшинов, его жена
и дети - Марфа и Авдотья.
Фото из архива В. Тугариной*

*Татьяна Жилевич.
Фото из архива В. Тугариной*

– В начале 2000-х гг., – продолжает Виктория, – когда бабушка уже жила в Благовещенске, она прочла в «Амурской правде» о том, что жительница Австралии Татьяна Жилевич ищет здесь родных. Её отец Виталий Афанасьевич родился в Благовещенске и тоже происходил из рода Кувшиновых. Ему было всего два года, когда семья бежала за границу. Бабушка написала письмо Татьяне Витальевне, и у них завязалась переписка.

Миссис Жилевич несколько лет присылала в город на Амуре тёплые письма и поздравительные открытки к праздникам, делилась фотографиями родных и воспоминаниями о городе своего детства, Харбине. Рассказывала об уже скончавшемся к тому времени отце, который гордился тем, что родился в Благовещенске. «Прошло больше 80 лет с тех пор, как я впервые имела весточку о моём древе Кувшиновых из Благовещенска», – писала она в одном из своих посланий. – Теперь после его смерти я нахожу столько новостей и дальних родственников».

Татьяна Витальевна родилась в Харбине в 1948 г. До отъезда в Австралию успела три года проучиться в русской школе. На Зелёный континент семья Мирошниченко переехала в 1959 г. В Австралии Татьяна изучала английский, латынь и немецкий. «Прошу Вас строго

не судить мои письма и ошибки по грамматике», – писала в далёкий Благовещенск австралийка с амурскими корнями, сумевшая сохранить не только память о своих предках, но и их язык. Татьяна Витальевна оказалась правнучкой благовещенского купца, компаньона-распорядителя ТД «Ф. К. Кувшинов с С-ми» Андрея Кувшинова.

В семье Андрея Фёдоровича было четверо сыновей – Анатолий, Виктор, Иннокентий, Николай и дочери – Валентина и Надежда, родная бабушка Татьяны.

В Благовещенске семье Кувшиновых принадлежало сохранившееся до наших дней домовладение по адресу Чигиринская (Островского), 6. Одноэтажное здание с цокольным этажом скрыто во дворе в самом центре города. Со временем оно было надстроено, фасад первого этажа закрыли ярким пластиком. Сегодня трудно представить, что когда-то владельцы этого особняка были соседями купца и золотопромышленника Глеба Ларина, в чьём доме теперь располагается администрация Благовещенска.

В браке старшей дочери купца Кувшинова, Надежды Андреевны и её супруга Афанасия Мирошниченко родились Тамара и Виталий. Младшие Кувшиновы были ещё детьми, когда их родителям пришлось навсегда покинуть родные места. О близких, которые остались по другую сторону Амура, в семье эмигрантов ничего не знали. Как писала Татьяна Жилевич, её отец Виталий Афанасьевич в Харбине заведовал мануфактурным магазином, держал лошадей, сам участвовал в скачках и получал призы, был увлечён фотографией. А тётя Тамара была известной мастерицей – она создавала свадебные букеты и головные уборы для невест, преподавала рукоделие в харбинской советской школе.

*А. Ф. Кувшинов, его дочь Н. А. Кувшинова и правнук Валерий.
Фото из архива В. Тугариной*

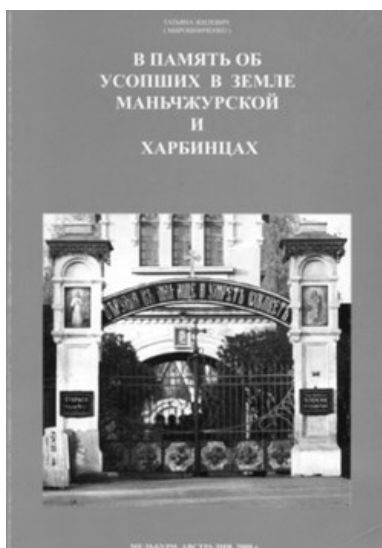
От брака Виталия Мирошниченко с его первой супругой Ниной Григорьевной осталась дочь Ирина. Мама девочки рано скончалась, ей было всего 24 года. Виталий Афанасьевич в Харбине женился повторно на Тамаре Бояринцевой. В этом браке родились Виктор, Валерий и Татьяна. Старшая дочь, Ира, вместе с бабушкой по материнской линии в 1950-х гг. уехала в СССР. А её отец с родными перебрался в Австралию. На новое место переехал на

девятом десятке жизни и глава большого рода, бывший благовещенский купец 2-й гильдии Андрей Кувшинов. Его внук Виталий в новой стране, как и многие русские эмигранты той волны, работал на одной из местных фабрик. Виталий Афанасьевич всего месяц не дожил до своего 80-летия и скончался осенью 1997 г. В тот же год умер один из его сыновей, Валерий.

Спустя 43 года с момента отъезда в Австралию, Татьяна Витальевна решила посетить город своего детства Харбин, а затем через Владивосток прибыла на родину отца.

– Татьяна Жилевич приезжала в 2002 г. Ей очень хотелось посмотреть на город, где жили её родные.

Моя бабушка показывала Татьяне Витальевне здания, которые прежде принадлежали Кувшиновым. Когда её привели на Пионерскую и рассказали про бывшее «Кувшиновское подворье», где теперь ФСБ, она очень испугалась, что её могут арестовать, – вспоминает Виктория Тугарина.

После смерти отца Татьяна Витальевна обнаружила его негативы снимков харбинских кладбищ. Любитель фотографии Виталий Мирошниченко на советский фотоаппарат «Зоркий» сделал целую серию уникальных кадров на Успенском кладбище в Харбине, которое до наших дней не сохранилось. В 1902 г. православные начали хоронить умерших на Успенском кладбище, которое харбинцы называли новым. К 1930 г. на нём было около 30 тысяч захоронений. На этом погосте лежали русские строители Харбина, служащие КВЖД, военные, музыканты, преподаватели, врачи, инженеры, священнослужители – все те, кто бежал от кровавых расправ на родине и нашёл здесь последний приют. Многие из усопших были представителями известных в Благовещенске фамилий – Косицыных, Кувшиновых, Котельниковых. На этом кладбище весной 1946 г. был похоронен последний Приамурский генерал-губернатор Николай Гондатти, имя которого носила станция Амурской железной дороги, впоследствии ставшая городом Шимановском. С именем последнего генерал-губернатора связывают основание ещё одного города нашей области – Алексеевска (ныне Свободного). Успенское кладбище было закрыто для захоронения в конце 1950-х гг. Сегодня на этом месте Парк культуры с аттракционами, бассейнами и колесом обозрения. Чтобы сохранить частицу воспоминаний о Харбине, в 2000 г. в Мельбурне Татьяна Мирошниченко выпустила книгу-альбом «В память об усопших в земле маньчжурской и харбинцах», которую посвятила своему отцу и ушедшим в иной мир землякам. В книгу также были включены снимки, которые сделал ещё один потомок известной в Благовещенске купеческой династии – Георгий Косицын. Издание вышло ограниченным тиражом и является библиографической редкостью.*

В 1910 г. всё купечество Благовещенска включало 824 человека. На тот момент его население составляло порядка 63,5 тысячи человек. Любопытно, что женщин купеческого

сословия было на 20 больше, чем мужчин. В списке лиц, выбравших сословные купеческие свидетельства за 1911 г., среди 98 купцов 2-й гильдии было трое Кувшиновых – Фёдор Кузьмич, Андрей Фёдорович и Илья Иванович. Последний – гласный городской думы, член учётного комитета городского Общественного банка Илья Иванович занимался торговлей и золотым промыслом.

– Из рассказов моего папы, Кувшинова Владислава Ивановича, я узнала, что семья Ильи Ивановича приехала сначала в Тамбовский район на заимку. У Ильи были братья – Пимен и Никита. В семье Ильи Кувшинова росло семеро детей – четыре сына и три дочери. Один из них, Корней Ильич, родившийся в 1893 г., приходится мне прадедом, – рассказывает Татьяна Романова (Кувшинова).

*Корней Ильич Кувшинов (слева),
его жена Пелагея Фирсовна
и дети – Вера и Иван.
Фото из семейного архива
Т. Романовой*

У Корнея Ильича и его жены Пелагеи Фирсовны, которая до замужества была Косицыной, детей было трое. Самый младший, Борис, потомков не оставил, в довоенное и военное время Борис жил вместе со своей мамой и сестрой Верой, у которой было трое детей. Борис всячески старался облегчить им жизнь. Как мне рассказывала моя тетя, Нина Николаевна Щербакова, дочь Веры, Борис служил в речном флоте сначала радистом, потом начальником радиостанции водников, получал продуктовый паёк, который отдавал племянникам. Во время войны он заболел туберкулёзом и умер в 1948 г. Мой родной дед Иван Корнеевич тоже работал в речном флоте, начинал грузчиком и дослужился до капитана-механика. Во время советско-японской войны служил на газоходке, возил грузы в Хэйхэ, а обратно – раненых солдат и офицеров. О том, что Кувшиновым в Благовещенске принадлежало несколько зданий и о том, что дети Корнея происходили из купеческой семьи, в семье знали всегда. Но эта тема вслух никогда не обсуждалась. Уже

в 1990-х гг. более подробно о жизни Кувшиновых мне и моей сестре Юле рассказал папа. Семья Кувшиновых до революции проживала по адресу: ул. Мастерская (Шевченко), 16. Это здание сохранилось до наших дней. К его исторической части примыкает пристройка советского периода. В родовом доме купцов Кувшиновых сегодня расположен филиал ЦЭВД «Юность», где находится шоу-театр «Котовасия».

– О доме на Шевченко папе рассказывала его тётя Вера. В то время в здании уже размещался жилищный трест. А баба Вера, которая в детстве жила по этому адресу, вела племянника по комнатам и показывала, где была кухня, где спальни, жилые комнаты, – продолжает Татьяна Владиславовна. – Несколько месяцев назад я обратилась в Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, где меня тепло встретили и обе-

щали помочь с постановкой дома моих предков на учёт. Надо ещё сказать, что вначале 1960-х гг., к Вере Корнеевне пришло письмо из Мексики от её двоюродной сестры, и между ними завязалась переписка.

*Бывший дом семьи купца И.И. Кувшинова
на ул. Мастерской*

*Областная библиотека
(бывший магазин Кувшиновых) в 1953 г.
Фото: goskatalog.ru*

Вера Корнеевна помнила, что во дворе отцовского дома на улице Мастерской росла огромная сосна, которую могли обхватить двое взрослых, взявшись за руки. Позже выяснилось, что на этом участке располагался не один, а два дома, и в обоих жили Кувшиновы. В советское время одно из строений было снесено, а на его месте вырос четырёхэтажный кирпичный дом.

Дети Ильи Кувшинова породнились с другими известными в городе молоканскими семьями. Одна из сестёр Кувшиновых вышла замуж и стала носить фамилию Кондрашова. Две другие после замужества стали Платоновыми. Глава рода и основатель семейного дела Илья Иванович умер в 1917 г. Его жена осталась на иждивении сына, Корнея Ильича. В том же доме на Мастерской жил один из братьев Корнея, Илья Ильич.

Гостиница «Кувшиновское подворье»

После смерти главы семьи гостиница «Кувшиновское подворье» перешла к его наследникам. Но случилась революция, и недвижимое имущество Кувшиновых было национализировано. Здание и другие строения усадьбы переданы Госполитохране ДВР.

В 1920-х гг. здесь размещалось «Российское трудовое товарищество», нижний этаж занимали магазины, выше в гостиничных номерах располагался областной совет профсоюзов. Позже бывшее подворье было отдано органам государственной безопасности.

Основателю семейного дела купцу Илье Кувшинову в Благовещенске также принадлежал двухэтажный кирпичный магазин на углу улицы Большой и переулка Американского (Ленина – пер. Св. Иннокентия), построенный около 1900 г. Позже это здание было продано мещанке Анастасии Калюжиной, которая была владелицей доходных домов. До 1970-х гг. в этом здании размещалась областная библиотека. Впоследствии строение сгорело.

Из дома на Мастерской семью Корнея Ильича, его мать и брата выселили. Все вместе они переехали в дом на ул. Чигиринской (Островского), где занимали комнату с кухней.

– Несмотря на то, что мой прадед был из состоятельной семьи, в молодости он работал у отца рабочим в жестяной мастерской. После смерти родителя был приказчиком у одного из купцов. Работал на речном флоте рабочим, ездил на год на путину. За год до ареста работал пожарным при гараже УНР-104 в пожарной охране. Жена его там же — прачкой, — рассказывает подробности из материалов дела арестованного Корнея Ильича его правнучка Татьяна.

Корнея Кувшинова арестовали в конце января 1933 г., предъявив обвинение по 58 ст. — пропаганда и агитация в контрреволюционных целях. Корней был осужден заседанием судебной тройки ПП ОГПУ ДВК в марте того же года к 5 годам концлагерей. Жене сообщили, что её муж умер от разрыва сердца. Ему было 40 лет. Тело для захоронения не выдали. Только через 56 лет судебное решение в отношении Корнея Ильича было отменено как незаконное. Корней Кувшинов был реабилитирован.

– Через несколько лет после смерти Корнея, в 1938 г. арестовали одного из его племянников, Фёдора Ильича, который работал заместителем главного бухгалтера на лесозаводе №16. К моменту, когда случилась революция, Фёдору было всего 10 лет. А ему приписывали владение имуществом Кувшиновых, которое давно его родным не принадлежало. В тюрьме Фёдора продержали целый год, — приводит ещё один печальный пример Татьяна Романова. — Так случилось, что в 1990-х гг. я работала в МВД в отделе реабилитации репрессированных. Тогда многие делали запросы, искали информацию о своих родных. Я знала, что мой прадед репрессирован. Но к тому времени было уже известно, что его оправдали. Теперь же я решила изучить историю моей семьи более глубоко и подробно.

В конце прошлого года Татьяна Романова познакомилась с Викторией Тугариной из другой «ветви» Кувшиновых. А совсем недавно с ещё одним потомком Кувшиновых — Алексеем Горлач. Его прабабушка была замужем за племянником Корнея Ильича, Алексеем Никитичем Кувшиновым. Эта встреча помогла выяснить, кому было адресовано фото Корнея, хранившееся в архиве Владислава Кувшинова.

– Мы никак не могли понять, какой Еленочке была подписана фотография прадеда.

Ведь родственниц с таким именем мы не знали, – говорит Татьяна. – Благодаря встрече с Алексеем я узнала о Елене и Петре, детях Никиты, который приходился родным братом Илье Ивановичу. К сожалению, Петр умер ещё ребёнком, а Елена вместе с мужем, пройдя всю войну, жила в Перми до 1996 года.

Сегодня родственники молокан Кувшиновых живут во Владивостоке, Челябинске, Москве, Санкт-Петербурге, в других российских городах, а также в Киеве, Испании, Канаде, США, Австралии, Мексике. И находят друг друга, несмотря на разделяющие их расстояния и время.

*Иван и Владислав Кувшиновы.
Фото из архива Татьяны Романовой (Кувшиновой)*

---

*Альбом любезно предоставила библиотеке для оцифровки Виктория Тугарина. Сейчас книга «В память об усопших в земле Маньчжурской и харбинцах» в формате PDF доступна для чтения и скачивания в электронном каталоге на нашем сайте. Читатели библиотеки могут взять диск с электронной копией книги для чтения на дом <http://www.libamur.ru/new/6824.html>

Е. В. Степанова, родовед (г. Москва)

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПОИСКОВ

Ключевые слова: Благовещенск, Россия, Китай, Харбин, СССР, Пушкарёвы, Вертопраховы, Австралия, Генеалогическое общество Квинсленда, Alexander, Памела.

Это история трёх лет поисков, взлётов и падений, отчаяния и надежды. Моя история со счастливым концом, хотя её начало не предвещало успешного завершения. Статья посвящена памяти моего папы Владимира Степанова. Она была написана для журнала «Generation» по просьбе Helen Veivers, President of the Genealogical Society of Queensland.

В нашей семье всегда знали, что двое старших братьев моей бабушки после революции эмигрировали в Австралию, и была надежда, что там могут быть родственники, но эта тема никогда не обсуждалась. В моём детстве вообще было не очень принято интересоваться своим происхождением, расспрашивать и рассказывать о своих предках. Я не помню, чтобы бабушка Елизавета рассказывала о своём детстве, о трёх старших братьях, которые бежали в Китай, о том, что двое из них, Георгий и Владимир, добрались до Австралии, а третий, Павел, вернулся в Россию и через несколько лет был расстрелян. Привычка держать язык за зубами, меньше говорить и больше слушать выработалась у нашей семьи ещё в те годы, когда в СССР можно было попасть под суд только за то, что ты был из семьи дворян, казаков, священнослужителей или у тебя были родственники за границей. Но сейчас, после нескольких лет поиска в архивах, я, кажется, понимаю, почему моя бабушка, которая дважды была замужем, никогда не меняла свою девичью фамилию. И почему мой папа сделал всё, чтобы я училась в школе с углубленным преподаванием английского языка. Думаю, у них была надежда.

О старших братьях моей бабушки не было известно почти ничего. Я знала только, что их звали Георгий и Владимир, что родились они на Дальнем Востоке, в городе Благовещенске. Помню рассказ об одном из писем из Австралии: братья описывали, как сидят в своём доме за столом, обедают и видят выходящих из леса кенгуру. Письма и конверты позже уничтожили, хранить их дома было слишком опасно. Ни у кого из нашей семьи в России не осталось ни фотографий, ни документов, ни писем братьев. Как я потом узнала от тёти Памелы, Георгий и Владимир переписывались с оставшимися в России братьями и сёстрами вплоть до 1941 года, но после начала войны с Германией их родные были эвакуированы в другие города, и связь с Россией оборвалась.

Первой загадкой, ответ на которую я искала очень долго, было написание русской фамилии Георгия и Владимира. Их мама Софья, братья и сёстры в России наверняка знали, как правильно пишется австралийский вариант фамилии, но мне некого было спросить. Сложно представить, сколько времени было потрачено на исследование документов разных Poushkareff, Pushkarov, Puschkaroff, Pouskareff, Puszkarov... можно ещё долго перечислять. Я тогда не очень хорошо знала, какие возможности и ограничения есть у поисковых сервисов, что представляют собой их базы данных. Помню, в самом начале искала знакомые имена в пожелтевших, заполненных от руки списках пассажиров пароходов, в школьных журналах со списками учащихся, в старых газетах, в телефонных справочниках.

Узнать австралийское написание фамилии братьев мне помогла фамилия их матери Софьи Вертопраховой. Вертопраховы – достаточно известная на Дальнем Востоке казачья династия. После революции многие из них были репрессированы, кто-то был расстрелян, кто-то попал в тюрьму, кто-то эмигрировал. Однажды, набрав на удачу «Vertoprahoff» в строке поиска записей на сайте National Archives of Australia, я нашла свой первый документ. Когда архив его оцифровал, оказалось, что это заявление на одном листе с просьбой разрешить въезд в Австралию Ивану Вертопрахову, брату Софьи. Документ был подписан Георгием POOSHKAREFF. Такой вариант написания фамилии мне никогда до этого не встречался. Только представьте, если бы в 1930 году Георгий не написал это заявление, я бы не смогла никого найти! Георгий хотел спасти своего дядю, который был его ровесником и жил в тот момент в Китае. К сожалению, Ивану Вертопрахову не дали разрешение на въезд в Австралию, он был арестован, вывезен в Россию и осужден. Вообще, мне кажется, что у Георгия, старшего сына в семье, болело сердце за всех своих родных, и он делал всё возможное, чтобы их найти и помочь. От Памелы, племянницы Георгия, я позже узнала, что после войны он даже приезжал в Россию, но в родном Благовещенске в это время никто из его близких уже не жил, и он ни с кем не встретился.

Узнав австралийскую фамилию братьев, я почувствовала крылья за спиной, мне показалось, что самое сложное позади. Из National Archives of Australia и Queensland State Archives удалось получить заявления, написанные рукой Георгия и Владимира о натурализации в Австралии, их крошечные фотографии, документы о покупке участка земли, на котором они выращивали томаты и табак. Я как раз училась в школе сомелье, мы уже прошли основные сорта винограда и винодельческие регионы Австралии, и, помню, первая мысль у меня была: «Ну почему томаты и табак? Почему не рислинг?!». Вообще, я тогда была счастлива уже тому, что удалось узнать хоть какие-то подробности о жизни братьев и найти их фотографии. Довольно долго, пока я не узнала даты их смерти, для меня они были живы, молоды, как на фотографиях, продолжали жить в Квинсленде, выращивать томаты, табак и ловить рыбу.

Очень скоро выяснилось, что документов с фамилией Pooshkareff не так много и все они относятся к 20–30-м годам прошлого века. Кто же мог представить, что в 1933 году братья поменяют свою фамилию Pooshkareff на Alexander, по имени своего отца! Когда это обнаружилось, крылья мои сложились, ведь искать в Австралии человека с именем George

Alexander – это всё равно, что «искать иголку в стоге сена», как говорит русская поговорка. Вероятность найти детей и внуков была ещё меньше, поскольку в Австралии действует ограничение сроком 100 лет на сведения о рождении и 75 лет на сведения о бракосочетании. Я никак не могла выяснить, были ли у братьев дети, но даже если были, то сыновья носили редкую в Австралии фамилию Alexander, а дочери – неизвестные мне фамилии своих мужей. Кого я искала? Тем не менее, с упорством охотничьей собаки, взявшей след, почти каждый день я заходила на сайты различных электронных архивов и генеалогических поисковых ресурсов и пыталась придумать новые варианты запросов. За три года выяснилось, что каждый такой ресурс имеет свои ограничения по наполнению базы данных, набору параметров для поиска и что ни один потомок рода Pooshkareff не ведёт генеалогическое дерево ни на одном из сайтов. Это был тупик.

Надо сказать, что я не ограничивалась изучением электронных архивов и генеалогических поисковых систем, и перепробовала все способы поиска, которые приходили мне в голову, включая самые безумные и смешные. Я писала в австралийские объединения потомков казаков, в православные храмы, в русскоязычные газеты, дальним потомкам жены Георгия Валентины, у меня даже была переписка со следующим жильцом того дома, в котором много лет жили Георгий и Валентина. Никто из них не мог ничем помочь. Однажды в июне 2019 года я без особой надежды обратилась к Цветане Спасовой (Tsvetana Spasova), создателю и администратору группы Facebook «История русских в Австралии». В ответ Цветана не только включила меня в группу, чтобы я могла там разместить свой запрос, но и прислала несколько полезных ссылок. Все они были мне отлично известны, и только одна фотография оказалась незнакомой. Это была довольно грустная фотография могилы Георгия и его жены Валентины, но именно она направила мои мысли в нужную сторону. Рассматривая эту фотографию, я вдруг спросила себя: «Кто выбирал этот красивый красный гранит? Кто заказал гравировку надписи? Всё это сделано с большой любовью». Я подумала о Владимире, вспомнила, что в конце жизни он жил в больнице, тут же зашла на сайт больницы и по-новому посмотрела на размещенные там фотографии. И у меня появились те же вопросы: «Кто выбрал эту больницу? Она прекрасно расположена и выглядит очень ухоженной. Кто оплачивал проживание и лечение Владимира?». В этот момент я не столько поняла, сколько почувствовала, что мне есть, кого искать: «Рано сдаваться. Я продолжаю. Пора вступать в GSQ».

Genealogical Society of Queensland появилось очень давно в моём списке, но оно было указано последним пунктом, я оставляла его на самый крайний случай. Я не знала, какими именно сведениями располагает GSQ, и боялась, что, заплатив очередную сумму денег, столкнусь с теми же ограничениями, что и в архивах. Начало знакомства с GSQ не добавило оптимизма – первым делом мне прислали пропуск на вход в офис GSQ, до которого мне что-то около суток самолётом. К счастью, довольно быстро выяснилось, что для «удаленных» членов GSQ, вроде меня, есть возможность персональных консультаций. Менеджер, которая работала с моим запросом, была очень любезна, и вот, наконец, я получила свои долгожданные сведения: у Владимира было трое детей и его старшая дочь Памела жи-

ва. Отличная новость! Но как быть дальше? Как узнать её фамилию, адрес, как с ней связаться? И тут я написала, пожалуй, одно из самых жалобных писем за всю историю поиска. Не помню точно, но там было что-то про двоюродных сестёр Памелы, Ольгу и Людмилу, которые живут в России и были бы счастливы познакомиться со своей австралийской сестрой. Мне нужен был только ответ «да», но сама я понимала, что, скорее всего, получу ответ «нет», ведь речь шла уже о персональных данных. За время поисков я общалась с самыми разными людьми, в том числе со своими очень дальними родственниками. Зачастую, прежде чем продолжить общение, меня просили предоставить какие-либо документы из семейного архива, старые фотографии в качестве подтверждения родства. В общем, я не испытывала особых иллюзий, ожидая ответ от GSQ. Но, оказалось, совершенно напрасно: в очередном письме GSQ я обнаружила e-mail Памелы. Потом мне рассказали, что младший сын Владимира Paul (Barry) Alexander был так воодушевлён рассказами своего дяди Георгия о поездке в Россию, что стал активным членом GSQ и занимался архивными исследованиями. Его вдова Cherie Alexander проживала по адресу, известному GSQ, и смогла передать адрес электронной почты Памелы.

Мне повезло с тётей. Моя тётя Pamela Mary Jenkins — абсолютно русская. Такое впечатление, что все эти годы она просто ждала, что кто-то позвонит или напишет: «Добрый день! Я от Лизы Пушкаревой». Это был пароль, и его оказалось достаточно, чтобы на другом конце земного шара Памела бросилась копировать свои домашние фотографии, висевшие на стенах, делать из них коллажи, подписывать от руки каждую фотографию и сканировать на своём старом аппарате. В это время я звонила двум своим тётям в России и рассказывала о нашедшихся «наших» австралийцах. Когда разговаривала с тётей Ольгой, в трубке была такая тишина, что иногда казалось, будто связь прервалась. Думаю, она не дышала, чтобы не пропустить ни единого звука, она была потрясена. Тётя Людмила, сестра моего папы, наоборот, сначала радостно и восторженно откликалась на каждое слово, с интересом задавала уточняющие вопросы, но ближе к концу моего рассказа голос у неё задрожал, слышались всхлипывания — она плакала. Это был, пожалуй, самый трогательный момент.

Здесь надо рассказать ещё об одной удивительной истории, которая произошла во время поисков. Одновременно с изучением австралийских архивов я также обращалась в российские архивы и генеалогические сообщества с тем, чтобы найти сведения о других представителях рода Вертопраховых и Пушкарёвых. Однажды в интернете мне случайно попалась информация о том, что в Благовещенске вышла книга о драматических событиях, происходивших в городе в 1918 году. В надежде, что в книге может встретиться знакомая фамилия, я написала в издательство письмо с вопросом, можно ли её заказать. Честно говоря, ожидала, что мне ответят примерно в таком духе: «весь тираж продан, ничем помочь не можем, желаем удачи в ваших поисках». Представьте себе мое потрясение, когда я увидела, что ответ из издательства подписан одним из его руководителей, кандидатом философских наук Татьяной Телюк. На этом чудеса не закончились. Во-первых, мне сразу прислали биографические справки Вертопраховых и Пушкарёвых, составленные из сведений, известных издательству из архивов. Во-вторых, в ходе переписки выяснилось, что издательство как

раз собирает материалы для новой книги об эмигрантах. Я не могла в это поверить, но в книге предполагались биографические справки о Георгии, Владимире, Павле Пушкарёвых и об их дяде Иване Вертопрахове. Это было просто чудесным совпадением! Почти целый год мы переписывались с издательством, передавали друг другу новые сведения, и я бы хотела отдельно поблагодарить авторов книги за то, что нашей семье, учитывая произошедшие в ней события, до самого последнего момента разрешали дополнять биографические справки Георгия и Владимира новыми данными об их жизни в Австралии.

Что происходит сейчас? Мы обмениваемся фотографиями, биографиями, видео. Когда я смотрю фотографии, мне кажется, что три кузины – Ольга, Людмила и Памела – внешне чем-то похожи. Оказалось, что моя тётя Пэм написала несколько книг о своей жизни и теперь присылает мне их почтой. У неё очень лёгкий слог, книги быстро читаются, и по ним я подтягиваю свой английский. Думаю, многие члены нашей русско-австралийской семьи получили ген сочинительства и любовь к обучению от кого-то из общих предков. Средняя дочь Владимира, Джун, изучала в университете бухгалтерию и экономику, а после завершения работы аудитором получила диплом астронома, занималась живописью, посещала уроки писательского мастерства и писала рассказы о своей жизни в Африке и Южной Австралии. Дочь Джун Лара преподаёт лингвистику и английскую литературу в средней школе и начинает свою докторантуру по философии в области лингвистики, литературы и цифровых медиа. Дочь Пола (Барри) Александра Наоми также написала и опубликовала несколько историй, используя фамилию Pushkaroff в качестве литературного псевдонима. Моя тётя Ольга пишет небольшие рассказы для журналов, а мой сын Иван учится на отделении прозы в Литературном институте.

Прошедшим летом я впервые побывала на Амуре, родине своих предков Вертопраховых и Пушкарёвых, специально для Памелы фотографировала Благовещенск, Харбин и другие, памятные для нашей семьи, места. Осенью 2019 года в Благовещенске опубликована книга об эмигрантах. Я перевела для Памелы биографические статьи из неё, но свой персональный экземпляр книги на русском языке она тоже обязательно получит. Я планирую восстановить свой почти утраченный английский – ведь в следующем году в Россию приедет Лара, моя двоюродная сестра. Сама она сначала с ужасом рассматривала незнакомые русские буквы и шутила, что обещает за год выучить пару предложений на русском, но в результате записалась на ускоренные курсы русского языка.

В заключение хочу ещё раз поблагодарить GSQ. Ваш вклад в успешное окончание этой истории трудно переоценить. Без GSQ мы, члены одной большой семьи, до сих пор не знали бы о существовании друг друга. Без GSQ представление в России о судьбе Георгия и Владимира было бы неверным. Мы радовались, что эмиграция спасла их, но в то же время жалели и думали, что их жизнь в незнакомой стране, вдали от братьев и сестёр, была тяжёлой и одинокой. Оказалось, что они были счастливы и до последних дней окружены близкими людьми. Спасибо сотрудникам GSQ – вы молодцы и делаете очень важную работу! А нашим читателям я желаю никогда не терять надежду и не стесняться просить о помощи. Желаю всем удачи в ваших поисках!

Т. Н. Телюк,
кандидат философских наук,
заместитель генерального директора
АО «Амурская ярмарка»

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЗОЛОТОДОБЫЧИ В 1920-х ГОДАХ XX ВЕКА (по страницам эмигрантских газет)

Ключевые слова: золотопромышленность Амурской области, амурцы-эмигранты, Томмотские прииски, концессии в золотодобыче, Харбин, Сахалин, эмигрантские газеты «Восток», «Новости жизни».

На основе материалов периодической печати (двух эмигрантских газет, выходивших в указанный период в Харбине) в статье рассматриваются отдельные особенности развития золотодобычи в Амурской области и в целом на дальневосточной территории в переломный период истории российского государства.

В последней четверти XIX–начале XX вв. существенное влияние на развитие Приамурья оказало открытие богатых месторождений золота и последовавшее бурное развитие золотодобывающей промышленности. По данным официальной статистики, Амурская область в предельно короткие сроки стала обеспечивать пятую часть общей золотодобычи России. Золотодобывающая промышленность, на долю которой приходилось до 85% всего промышленного производства области, оказала заметное влияние на социально-экономическое развитие всей территории, формирование амурского предпринимательства. До 1917 г. она способствовала развитию населённых пунктов, транспортной инфраструктуры и связи, стимулировала торговлю, речное судоходство, судостроение, другие отрасли обрабатывающей промышленности, связанные с металло- и деревообработкой, а также и сельское хозяйство, поскольку являлась крупным потребителем товарного хлеба и фуража [4].

Революция 1917 года и Гражданская война привели к значительным потерям в золотопромышленности Амурской области, да и в целом всего Дальнего Востока. Это были потери не только производственно-технические и технологические, но и людские – немало владельцев золотопромышленных компаний, горных инженеров, квалифицированных рабочих приисков были или уничтожены в 1918–1922 гг., или репрессированы в последующие годы

советской власти, спасшиеся – в большинстве – эмигрировали в Северо-Восточный Китай, а затем рассеялись по всему миру. В книге «Амурцы-эмигранты. Первая треть XX века» (автор – С. В. Емельянов) размещены биографические материалы на более чем 80 фамилий амурских золотопромышленников – представителей разных сословий, имущественного и семейного положений, владельцев компаний и отдельных приисков, широко и менее известных в предпринимательской среде Приамурья. Среди этих фамилий – Бродовиковы, Бутины, Вертопраховы, Доенины, Ельцовы, Кувшиновы, Котельниковы, Красильниковы, Лаврушины, Левашевы, Мальцевы, Мордины, Опарины, Рубиновы, Тетюковы, Топазы, Тузовы и другие [5].

Лишившись своих предприятий, недвижимости и имущества, они вместе с семьями ушли в изгнание. Многие из них, тем не менее, надеялись в скором времени вернуться на родину, как это произошло в недалёком прошлом – в 1918 году. В общественном сознании амурцев была ещё свежа память о трагических событиях февраля-марта 1918 г., связанных с вооружённым захватом власти в Благовещенске большевистскими советами и бегством более трёх тысяч горожан в китайский Сахалин. Возвращение их в родной город состоялось спустя полгода – в сентябре-октябре 1918 г. [1].

Находясь в изгнании, особенно в первые годы вынужденной эмиграции, они продолжали интересоваться происходящими событиями в советской России, пытались анализировать действия новой власти в сфере политики и экономики, оценивать возникшие кризисные ситуации в дальневосточной золотопромышленности. Не имея возможности получать объективную информацию о состоянии дел на своих бывших приисках, они нередко использовали иные источники: вести от оставшихся в советской России родственников и знакомых, свидетельства прибывающих беженцев, а также публикации в эмигрантской периодической печати, издаваемой в Северо-Восточном Китае, прежде всего в Харбине.

Следует отметить, что периодическая печать является особой формой исторического источника, поскольку она с большой долей точности отражает происходящие события и фиксирует их на страницах газет и журналов. Благодаря достоверности, эта информация приобретает публичный характер и сохраняется в общественной памяти. Она также может быть использована в конкретно-историческом исследовании той или иной проблемы, внося дополнительные штрихи в её понимание, нередко различаясь, при этом, по своей сути. С одной стороны, это могут быть публикации на основе конкретных фактических сведений, информационно-новостные сводки, оперативные сообщения, краткие комментарии редакции. С другой – обзоры, аналитические статьи, раскрывающие, с определённой степенью достоверности и полноты, тот или иной вопрос, содержащие меткие наблюдения и выводы по поводу происходящих процессов.

Примером первых может служить материал из харбинской газеты «Восток», опубликованный 2 июня 1925 г. Речь в нём шла о событиях на приисках Томмотского района, хорошо известного многим бывшим амурским золотопромышленникам. Так, А. М. Бродовиков в 1913–1915 гг. организовал в этот район три экспедиции, приглашал принять участие в них П. В. Мордина, золотопромышленную компанию «Ельцов и Левашев». Позже на эту терри-

торию также снарядили свои экспедиции И. А. Опарин и Верхне-Амурская золотопромышленная компания. С начала 1920-х гг. освоением этой золотоносной территории занималась Дальневосточная Республика (ДВР), после 1922 г. – Якутская Автономная Республика. История Томмотских приисков рассматриваемого периода описана в региональной краеведческой литературе достаточно полно [6].

Указанная газетная публикация – пример малоизвестного документального свидетельства о жизни приискателей на Томмотских приисках. Статья имела интригующий заголовок с подчёркнуто идеологическим подтекстом: «Кровавая трагедия в тайге. Золотоискатели в Томмоте вырезали коммунистов и установили Томмотскую Таёжную Республику». Достаточно объёмная редакторская подводка усиливала драматичность описываемых событий: «В воскресенье в Харбине были получены сведения о кровавой расправе с коммунистами на «сибирском Клондайке» – Томмот. Среди них пошло сражение, и в один прекрасный день таёжники вырезали поголовно всех коммунистов. Теперь там организована самостоятельная республика, напоминающая знаменитую Желтугу. Советские власти пока не рискуют отправить туда карательные отряды» [2]. В содержательной части публикации раскрываются обстоятельства, приведшие к этим трагическим событиям:

«В последнее время в район Томмота наехало много представителей советских учреждений, включительно до госплана. Советские власти объявили, что добываемое золото они будут принимать по 2 р. 50 к. за золотник. В то же время кооперативные лавки установили страшно высокие цены на продукты (пуд муки стоил 40 зол. золота) и предметы первой необходимости. При такой расценке труда и товаров таёжники, безусловно, не могут не только что-либо заработать, но и прокормить себя» [2]. Действительно, для советской власти снабжение томмотских приисков продовольствием и другими припасами в течение 1924–начала 1925 гг. было одной из самых острых проблем. И не удивительно, что эта информация, в конце концов, дошла и до эмигрантских кругов в Харбине.

Старатели Томмота. 1930-е годы

Разноплановый и интересный материал по целому ряду вопросов, относящихся к дальневосточной и, в частности, к амурской золотопромышленности в рассматриваемый период, содержит большая аналитическая статья, вышедшая в той же газете «Восток» в марте 1925 г.: «Золото Амура и Маньчжурии. Прииски, дававшие сотни пудов золота, бездействуют». Предельно краткий подзаголовок сразу же обозначил центральную проблему статьи: «Попытки иностранцев прийти на помощь своим капиталом не увенчались успехом» [3].

Известно, что разрушение золотопромышленной отрасли российских восточных территорий попытались приостановить сначала правительство Дальневосточной Республики, а позже – правительство РСФСР. В числе ближайших задач советская власть стремилась обеспечить общественный и экономический порядок в приисковых районах, восстановить производство, перекрыть каналы контрабандной утечки золота за границу, а в недалёкой перспективе – возобновить торгово-экономические отношения с иностранными державами, привлечь иностранный капитал с возможностью организации концессий.

В статье представлена позиция, как пишет газета, одного из представителей эмигрантского золотопромышленного мира, эксперта в этой отрасли, основанная на данных «из авторитетных источников о состоянии золотопромышленности на русском Дальнем Востоке и в Маньчжурии». По его мнению, «...богатый Амурско-Зейский золотопромышленный район в настоящее время не имеет планомерной и правильно поставленной разработки золотоносных площадей. Крупные, хорошо оборудованные прииска частных владельцев и компаний, разрушены и опустели. К восстановлению их мер не принимается» [3]. Примеров работающих в новых условиях приисков очень мало, среди них, в частности, указываются Алданские прииски, на которых «ещё ведётся кое-какая работа, дающая около 20 пудов золота в год, тогда как до революции эти прииска давали до 150 пудов золота» [3].

Причины такого тяжёлого положения в дальневосточной золотодобыче, согласно аналитику, очевидны: «...существующее правительство не допускает прежних владельцев к разработке своих приисков, но само не может восстановить даже прежние, когда-то хорошо оборудованные частные прииска из-за отсутствия капитала. Поэтому правительство охотно вступает в переговоры с иностранными предпринимателями» [3]. Так, в Забайкалье были сданы в эксплуатацию иностранцам бывшие Кабинетские прииска («что будет из этого дела – покажет будущее»), в Охотском крае производила разведку золота Бельгийская компания («затратила солидный капитал и прекратила работу из-за тяжёлых условий, созданных местной властью»).

«Действенность» предпринимаемых советской властью шагов по реанимированию отрасли рассматривается в статье ещё на одном примере, имеющем непосредственное отношение к судьбам приисков Приамурья. «Дальне-Восточная эксплуатационная компания (американская) арендовала в 1923 году золотые прииска Мордина в Амурской области. В своё время сдача иностранцам этих приисков, конфискованных властью у владельца, наделала много шума среди золотопромышленных кругов. Золотопромышленники с интересом следили за деятельностью арендаторов иностранцев, т. к. сданные в аренду прииска Мордина – одни из богатейших приисков в Амурской области. Обширные золотоносные

площади их были разведаны ещё до революции. В золоторазведочных журналах было отмечено, что самой интенсивной работы трём золотопромышленным драгам хватит на 20 лет» [3].

Естественно, что такой богатый ресурсный потенциал приисков требовал соответствующей производственно-технологической модернизации, эффективных управленческих практик и кадровой политики. Однако, американская компания «проработала больше года, затратила 80000 золотых рублей и прекратила работу, отказавшись от аренды». По убеждению золотопромышленника, причина отказа была та же, что и у Бельгийской компании – «невозможность правильной постановки дела и разрушение всякой попытки создать нормальную работу из-за создаваемых властью условий с рабочими, которые связывали арендаторов по рукам и ногам так, что предприятие всё время зависело от appetитов рабочих» [3].

Статья также содержит обширный материал, посвящённый специфике золотопромышленности на территории Маньчжурии в рассматриваемый период, особенностям организации китайцами добычи золота. Авторитетный собеседник корреспондента газеты «Восток» приводит в качестве примера, и для ознакомления читателей со сложившейся ситуацией, Сахалинский золотопромышленный район, где «владельцами приисков состоят исключительно китайцы. Случайно, в 1923 году, к юго-западу от Сахалина (ныне – Хэйхэ) и недалеко от него были открыты богатые золотые россыпи. Организовалось много золотопромышленных компаний, и работа началась. Насколько это было богатым содержанием золота, показывает то, что одна из компаний, при китайских условиях работы и китайскими затратами, выработала в год 600 пудов золота. Не прошло и полуторых лет, как прииска истощились благодаря варварской постановке дела, шитого на живую нитку. Производить же дальнейшие разведки на новых площадях, благодаря отсутствию практических знаний и боязни затрат капитала, китайцы не способны. Были попытки, но, как и всегда, окончились неудачей» [3].

Достаточно подробно анализируются особенности отношений китайцев с иностранцами в деле разработки богатых золотоносных площадей восточного района КВЖД. В статье, в частности, идёт речь о попытках группы предприимчивых иностранцев «вступить в переговоры с китайцами о производстве разведок и сдаче им в аренду золотоносных участков. Им было в этом отказано. Не удовлетворившись этим, иностранцы пытались пойти на компромисс, предлагая дорогостоящие разведки золота производить за свой счёт, вложить в прииска свой капитал, дать своих специалистов и создать наиболее рациональную разработку золотоносных площадей и за это получить 50% прибыли» [3]. В конце концов, китайцы на это согласились, но при этом выдвинули своё условие – «если им будет предоставлено право распоряжаться приисками, а также и капиталом». Именно последнее условие, поставленное китайцами, и послужило причиной отказа иностранцев от участия в разведке и разработке золотоносных площадей. По их мнению, «это было равносильно – лишиться затрачиваемого капитала, прибыли, а также и участия в прииске» [3].

Автор газетного материала смотрит на эту ситуацию под другим углом зрения, анализирует «черты характера деловой стороны» китайцев и высказывает мнение, что именно «инертность, непоследовательность, слабые теоретические и практические знания в деле, упущение крупного ради мелочей и проч., – всегда служили у китайцев главными причинами промышленных неудач» [3].

Общий же вывод этой статьи весьма лаконичен и идеологически направлен: «Богатые золотопромышленные возможности, как в Маньчжурии, так и в русских дальневосточных областях, ждут иных политико-экономических условий и веяний» [3].

Тема концессионной политики в Амурской области нашла отражение ещё в одном материале, напечатанном в другой эмигрантской газете «Новости жизни» в декабре 1926 г. – «Золото на Амуре. Американские концессии». Здесь же встречаются малоизвестные факты из истории Благовещенска 1920-х годов.

Начало статьи чёткое, динамичное, практически в телеграфном стиле: «На днях прибыли в Благовещенск представители американских концессионеров – Беккера, Карльтон, Эйсвальд и Гаммершмидт, подписавших в ноябре в Москве концессионный договор на исключительное право разведки на рассыпное золото в Буреинском районе, Амурского горного округа» [8].

Далее автор публикации раскрывает довольно подробно содержание и условия, на которых был заключён этот концессионный договор: «концессионеры приобретают право на разведку на площади шести золотых приисков по реке Селемдже. Срок договора – 31 марта 1928 года. Всё золото, которое будет добыто концессионерами при разведке, поступает в советскую казну. Если-же по окончании срока разведки концессионеры заключат новый договор об аренде приисков для их разработки, то добытое при разведке ими золото, за исключением долевого отчисления, поступит в пользу концессионеров. Вся работа по разведке будет комиссионерами механизирована.... В случае, если по окончании срока разведки комиссионеры не заключат арендного договора на 20 лет, всё оборудование, постройки и т. п. поступает безвозмездно в пользу Советского правительства» [8]. По условиям этого концессионного договора предполагалось, что все разведывательные работы будут производиться под руководством американских и английских инженеров.

Газета также сообщала, что иностранные комиссионеры назвали своё предприятие солидно – «Азиатский Горный Трест». Его главная контора была открыта в Благовещенске.

Как свидетельствует история, судьба этого треста оказалась недолговечной: «концессионный договор с «Азиатским Рудным Трестом» (в версии газеты «Новости» – Азиатским Горным Трестом), заключенный 12 ноября 1926 г. на разведку и добычу золота, уже 30 августа 1927 г. постановлением СНК СССР был признан расторгнутым, поскольку работы на концессии начаты не были» [7].

К концу 1920-х–началу 1930-х гг. концессионная деятельность в золотопромышленности дальневосточного края, как и по всей стране, была прекращена. Как отмечалось в одном из постановлений СНК СССР (1927 г.), главной причиной стала «малая успешность концессионной практики».

В завершении следует отметить, что публикации в эмигрантских печатных изданиях рассматриваемого периода – это потенциальный краеведческий ресурс, уникальный источник о дальневосточной, в том числе и амурской, золотопромышленности со всеми её перипетиями и поворотами. К настоящему времени эти газеты стали библиографической редкостью, что усиливает их значимость в раскрытии данной темы.

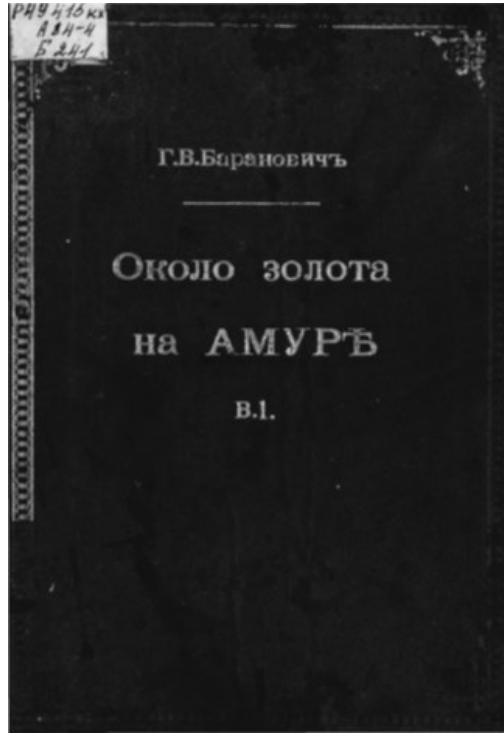
Разрозненные, на первый взгляд, события, факты, имена, опубликованные в эмигрантской периодической печати, дополняют общую картину разрушения золотопромышленности на территории советского Дальнего Востока. Часть этой картины составляют небольшие материалы о происходивших здесь различных событиях, другая часть объясняет, в определённой степени, некоторые причины и обстоятельства этого разрушительного процесса. В целом же, они позволяют осветить малоизвестные аспекты темы истории дальневосточной советской золотопромышленности в 20-е годы XX века, проиллюстрировать научные исследования фактологическим материалом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Благовещенск. Март 1918 года. - Благовещенск: Амур. ярмарка, 2018. – С. 69–86.
2. Восток. – Харбин, Китай. – 1925. – №61.
3. Восток. – Харбин, Китай. – 1925. – №5.
4. Деловой мир Приамурья (середина XIX–начало XX вв.) : [в 2 т.]. Т.1. – Благовещенск: Амур. ярмарка, 2013.– С. 101–183.
5. Емельянов, С. В. Амурцы-эмигранты / С. В. Емельянов. – Благовещенск: Амур. ярмарка, 2019.
6. Кириллов, В. Е., Афанасьев, П. Ю. На золотых промыслах Дальней России / В. Е. Кириллов, П. Ю. Афанасьев. – Благовещенск: РИО, 2003. – С.126–134.
7. Кочегарова, Е. Д. Концессионная политика в золотодобывающей промышленности СССР (1920-е гг.) // Дискуссия. 03.2013, №3(33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsessionnaya-politika-v-zolotodobyvayuschey-promyshlennosti-sssr-1920-e-gg/viewer>
8. Новости жизни. – Харбин, Китай. – 1926. – №280.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Баранович, Г. В. Около золота на Амуре : очерки и рассказы / Г. В. Баранович. – Томск: Паровая типо-литогр. П. И. Макушина : [б. и.], 1904. – Вып. 1. – [1] л., 206 с., [1] л.

Автор книги Генрих Баранович с 1893 по 1903 проживал в Приамурье: вначале в Зейском складе (впоследствии город Зея), а затем в Благовещенске. В Зейском складе – одном из центров золотодобычи, он познакомился с рабочими, служащими и владельцами разбросанных по тайге золотых приисков, с вольными старателями, с ветеранами освоения золоторудных месторождений бассейна реки Зеи.

В Благовещенске он стал сотрудником «Амурской газеты», печатался там под псевдонимом «Федот да не тот». В 1901–1902 годах газета опубликовала серию его очерков и рассказов под общим названием «Около золота». В этих произведениях автор рассказывает о «золотой лихорадке», охватившей Амурскую область ещё в 1870-е, изображает быт и нравы тех, кто устремился за птицей-удачей в «русскую Калифорнию».

С 1903 года Баранович жил в Томске. Там в 1904–1905 гг. под заголовком «Около золота на Амуре» отдельным изданием в двух частях вышли его очерки и рассказы, ранее публиковавшиеся в амурской периодике. Произведения эти, практически не известные современному читателю, представляют много нового и интересного о жизни Приамурья рубежа XIX–XX веков.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

*Поспелов, С. А. Золото: Повесть в частях: из жизни золотоискателей
Восточной Сибири и Маньчжурии / С. А. Поспелов; иллюстрации Л. П. Альбрехта. -
[Репринтное по изданию: Санкт-Петербург, 1905]. – Благовещенск,
Царское Слово, 2020. - 317 с.: ил.*

Автор – Сильвестр Александрович Поспелов – поэт, прозаик, детский писатель конца XIX–начала XX вв. Повесть вышла в издательстве Альфреда Федоровича Девриена в Санкт-Петербурге в 1905 году. Девриен, помимо литературы по сельскому хозяйству, естествознанию и географии, охотно издавал книги для детей и юношества.

Автор рассказывает об устройстве золотых приисков, работе и жизни артелей золотоискателей, законах и устройстве «Амурской Калифорнии», известной в настоящее время как «Желтугинская республика». Это самопровозглашённое квазигосударственное образование существовало в конце XIX века на берегах реки Желта (позже переименована в Желтугу), на землях Маньчжурии. Через всю повесть прослеживается судьба основных героев (это – орон Ванька, управляющий золотопромышленной республики Тимофей Лукич, его приёмный сын Сергей с собакой по кличке Жук, его друг Колька, попутчик Матвеич), полная жизненных испытаний и вызовов. Как говорилось в аннотации 1905 года, «книга рассчитана на юных читателей». По сути, это захватывающая приключенческая повесть.

Издание иллюстрировано большим количеством рисунков русского живописца, графика, художника-реставратора Леонида Павловича Альбрехта.

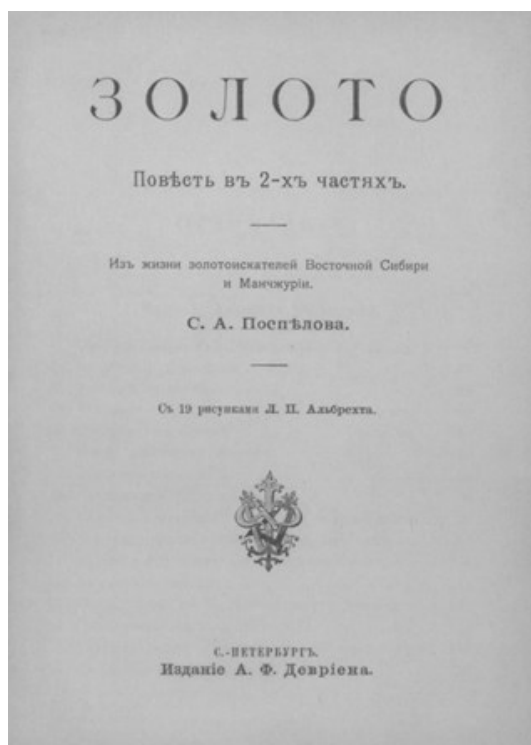

От редакции: Амурская областная научная библиотека имени Н. Н. Муравьёва-Амурского поддержала идею проекта оцифровки и последующего создания репринта этой книги. Инициаторы и организаторы проекта: АНО «Игнашинская слобода», Ассоциация золотодобытчиков Амурской области.

Оригинал предоставлен А. Д. Симчуком, председателем Совета Автономной некоммерческой организации «Игнашинская слобода» из частной коллекции. Эта книга очень редкая. В оригинале она представлена только в фондах Российской государственной и Российской национальной библиотек. Несколько экземпляров ещё можно найти в букинистических магазинах.

Воспроизведение копии первоизданного экземпляра книги С. А. Поспелова «Золото» актуально в наше время для подрастающего поколения, особенно для будущих представителей золотодобывающей промышленности.

Для читателей это достойный и раритетный в исполнении экземпляр - подарок от руководителей амурских золотодобывающих предприятий: Ф. В. Сидорова, П. М. Устиловского, А. А. Кулиашвили, Ю. Н. Сердюкова, И. В. Колонюка, С. Л. Лопарёва, Р. В. Ломакина, А. Эстемирова.

Титульный лист книги

В. П. Кобзарь,
член Союза журналистов России,
член Союза российских писателей,
краевед

**ПРОВОДНИК СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗНАНИЙ.
В фондах Амурской областной научной библиотеки хранится
подшивка журнала «Амурский земледелец»**

Ключевые слова: «Амурский земледелец», Амурское сельскохозяйственное общество, сельские хозяева, сельскохозяйственные знания, В. А. Смолич, дореволюционная печать.

В статье рассказывается о журнале «Амурский земледелец», издававшемся в Благовещенске в начале XX века. Основателями и редакторами журнала были представители благовещенской интеллигенции, а авторами, в большинстве своём, сельские хозяева. «Амурский земледелец» освещал самые разные вопросы земледелия в Приамурье, пропагандировал передовые приёмы ведения сельского хозяйства, был организатором кооперативного движения в крае. Материальную поддержку издание получало от министерства сельского хозяйства России.

Амурское сельскохозяйственное общество было организовано в 1905 году. В 1912 году председателем общества был избран В. А. Смолич. Ветеринарный врач, надворный советник (гражданский чин VII класса в Табели о рангах в России соответствовал воинскому чину подполковника в армии; официальное обращение «Ваше высокоблагородие»), в течение нескольких лет В. А. Смолич заведовал бактериологической станцией областного ветеринарного управления [2]. По долгу службы он активно участвовал в борьбе с эпизоотиями, которые постоянно вспыхивали на территории области: лично выезжал в очаги заболеваний и на месте руководил санитарными мероприятиями.

Кроме того В. А. Смолич состоял членом областного общества врачей, областного статистического комитета, Амурского отдела «Общества изучения Сибири и улучшения её быта», областного комитета по обеспечению нужд беженцев, почётным мировым судьёй Благовещенского окружного суда, был одним из самых активных организаторов областных охотничьих и сельскохозяйственных выставок. Благодаря активной и продуктивной деятельности, прекрасным организаторским способностям, профессиональному опыту

В. А. Смолич вошёл в число самых авторитетных общественных деятелей области и был избран председателем Амурского сельскохозяйственного общества. По предложению В. А. Смолича общество стало издавать журнал «Амурский земледелец» [3, с. 172].

В разное время соредакторами журнала были В. Я. Груднов, чиновник канцелярии областного агронома, учредитель и член совета Амурского общества пчеловодства, член Амурского сельскохозяйственного общества, коллежский советник, войсковой агроном Амурского казачьего войска, преподаватель Благовещенского реального училища В. Т. Ковалев, областной правительственный агроном В. С. Воротников, ветеринарный врач Н. А. Дехтерев, журналист Г. И. Клитчогулу, Л. Ф. Радченко, о котором ничего не известно. Счетовод Амурского переселенческого района А. М. Софонов совмещал должности секретаря Амурского сельскохозяйственного общества и редакции журнала «Амурский земледелец». Одно время секретарём редакции была член Амурского сельскохозяйственного общества, агроном М. Г. Маслова [2].

Первый номер журнала вышел в 1912 году. В программе издания, в частности, говорилось, что Амурский край ещё мало изучен, а условия для сельского хозяйства здесь своеобразные, к ним почти не подходят те приёмы, которыми пользуются агрономы в России и в Западной Европе. Задача журнала «Амурский земледелец» состоит в освещении и разработке вопросов по полеводству и животноводству, распространении практических и технических приёмов местной «сельскохозяйственной культуры» [4, с. 368]. Издатели определили и социальное назначение журнала: быть проводником сельскохозяйственных знаний. В них нуждались казаки, крестьяне, мещане, конечно, переселенцы, и вообще все, кто имел отношение к сельскому хозяйству.

«Амурский земледелец» выходил два раза в месяц на 50 страницах книжного формата. Каждый номер содержал массу не просто полезной, а жизненно важной информации. Из «Амурского земледельца» читатели узнавали о том, как успокоить корову, как выкармливать телят, как сделать простое удобрение для огорода, где и как испросить кредит, как создать кооператив или потребительское общество, как построить мельницу, как и откуда (хоть из Одессы, хоть из Америки) выписать сеялку или молотилку, каковы виды на урожай, будут ли введены пошлины на маньчжурское зерно...

Основными авторами журнала были специалисты в области сельского хозяйства. Например, ветеринарный врач А. Любимов в статье «Об улучшении коневодства» пишет: «От амурского казака, как защитника и хранителя границы и в то же время землепашца, требуются хорошая строевая и хорошая рабочая лошади», а затем доходчиво разъясняет, что необходимо делать для увеличения поголовья и улучшения породы лошадей. Агроном Г. П. Ступишин подробно пишет о том, как организовать при сельских школах опытно-показательные садовые участки и огороды. Идея состоит в том, что, занимаясь на пришкольных участках, ученики изучают садоводство и огородничество, а в награду получают семена и черенки. При этом автор даёт не только конкретные советы, но и расчёты расходов на приобретение семян, саженцев, инвентаря [1].

Из журнала можно было узнать последние новости из жизни сельских хозяев области, а она была весьма разнообразной. Вот, к примеру, «Благовещенский мещанин Б. С. Кузнецов в самом непродолжительном времени оборудует маслодельный завод в с. Песчано-Озёрском. Доставкой молока завод обеспечен свыше чем от 1000 коров». «В хуторе Верхне-Благовещенском Игнатьевской волости образовалось сельскохозяйственное товарищество «Хлебороб». В товарищество вошли 12 человек местных казаков, которые предполагают заняться огородничеством и опытным полеводством, будут устраивать парники и теплицы» [4, с. 368]. Журнал сообщает о том, как реализуется программа сооружения складов зерна (элеваторов) в Амурской области, о том, что с окончанием строительства Амурской железной дороги закончилось время «лёгких денег» и казакам, которые зарабатывали на обслуживании стройки, пора всерьёз заняться земледелием...

Редакция «Амурского земледельца» постоянно обращалась к читателям с приглашением сообщать в любой форме свои наблюдения «по кооперации, крестьянской и общественной жизни, сельскому хозяйству». «Вопросы объединения сельских хозяев в товарищества, вопросы животноводства, культуры тех или иных сельскохозяйственных растений ждут своего освещения и разборки в интересах амурского хозяина», – сообщалось в редакционных статьях [1].

Постепенно вокруг журнала сформировался большой авторский актив. В числе авторов «Амурского земледельца» за 1913 г., например, губернский секретарь, уездный агроном с. Екатеринославка А. М. Мутин, уездный агроном с. Мазаново Ю. А. Приколь, владелец заимки близ деревни Толстовка А. В. Ланкин, секретарь Амурского сельскохозяйственного общества А. М. Сафонов, крестьянин деревни Грязнушка Яков Коростылев, крестьянин села Песчано-Озерского Д. Бешкарев, крестьянин Завитинской волости Л. А. Сиренко, урядник Е. С. Кошкаров из станицы Албазин, крестьяне деревни Орловка Краснояровской волости и многие другие [4, с. 369].

Из посланий авторов в «Амурском земледельце» формируется несколько разделов: «Корреспонденции», «Письма в редакцию», «Вопросы и ответы», «Сельскохозяйственная хроника». Они размещаются в каждом номере и полны важных, интересных, а иногда забавных сообщений. «При сём посылаю сноп сои или масличного боба. Сорвал 22 сентября, т. к. косить было невозможно – стебель толстый. Труд увенчался, соя созрела! С. В. Томара. Станица Пояркова». «Пишу я вам так: отняли у нас кабак. Негде выпить на пятак. ...Не мешало бы для нашей деревни благое дело сотворить – в нашей школе библиотеку открыть» (без адреса и без подписи) [4, с. 369].

В редакцию так же поступали самые разнообразные вопросы, на которые редакция давала ответы тут же, на страницах журнала. «Не откажите сообщить, где купить электрические машины для борьбы с вредителями насекомых? Н. Журавлев. Ст. Екатерино-Никольская, пос. Пузино». Ответ редакции: «Обращайтесь в г. Николаевск Херсонской области». И это не шутка. По такому адресу – город, область, завод – можно было спокойно отправлять хоть письмо, хоть перевод. «Честь имею просить редакцию не отказать выслать мне точный адрес через уважаемый ваш журнал, откуда можно приобрести семена для по-

сева в текущем году льна 1915 г. Казак ст. Николаевской А. А. Ермолов». «Сим имею честь просить редакцию журнала, как орган, близкий к населению, разъяснить, где нам заготавливать дрова? И. К. Журавлев. Хутор Биджан». «Общество деревни Томской желает купить овец, но не знаем, какая будет цена за каждую голову, и что будет стоить провоз их до станции Бочкарёвка, а также, можно ли будет воспользоваться льготным тарифом и сколько можно будет погрузить овец в каждый вагон. Крестьянин И. Романов». Ответ редакции был исчерпывающим: для Амурской области подходят овцы монгольской породы, в Благовещенске их продают по цене 6–8 рублей за голову, тариф на льготный провоз получите в Амурском сельскохозяйственном обществе, в один вагон можно погрузить до 80 овец (в два яруса)» [4, с. 369].

«Служа интересам местного сельского хозяйства, – написано в редакционной статье первого номера за 1915 г., – журнал, при всех неблагоприятных условиях, которые приходится преодолевать ему, не только существует, но и с каждым годом развивается, привлекая к себе все больший интерес среди крестьянского населения. Это не раз выражалось в корреспонденциях, письмах и вопросах в редакцию, с которыми чаще и чаще обращаются господа сельские хозяева».

А в мае того же года под рубрикой «Письма в редакцию» было напечатано послание, подписанное «Читатель». «Среди жителей амурской деревни наблюдается напряженный интерес к тому, что делается на белом свете. Местные ежедневные газеты очень мало проникают к нам, как по своей непомерной дороговизне, так ещё и потому отчасти, что по своему содержанию и положению не совсем подходят для крестьян. Но есть у нас одно издание, которое получают в каждой деревне. Это «Амурский земледелец».

К 1916 г. журнал уже был мал для огромного количества поступающей информации. Редакция решает расширить издание, но не за счёт увеличения формата или количества страниц, что потребует дополнительных расходов, а за счёт изменения шрифта: он стал немногим мельче, зато текста в прежний объём журнала помещалось больше.

Вплоть до конца 1917 года – несмотря на нехватку средств (в год на издание выделялось 2000 рублей, и инфляция их постепенно «съедала»), растущую дороговизну (в 1917 г. стоимость бумаги поднялась в три раза, журнал стал печататься на самой низкосортной бумаге), он выходил регулярно два раза в месяц.

В 1917 году журнал «Амурский земледелец» прекратил своё существование. Причина стандартная для революционного времени – отсутствие средств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амурский земледелец. – Благовещенск. – 1912–1917.
2. Благовещенцы. 1856–1920-е гг. Именной и биографический справочник-указатель. (электронная версия) / Составители: В. Н. Абеленцев, А. А. Гаршин. – Благовещенск-на-Амуре, 2014.
3. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.): [в 2 т.]. Т. 2. – Благовещенск: Амур. ярмарка, 2013.
4. История Благовещенска, 1856–1917: [в 2 т.]. Т. 1. – Благовещенск, Амур. ярмарка, 2009.

И. В. Васина,
учёный секретарь
Амурского областного краеведческого музея
им. Г. С. Новикова-Даурского

**«ПЕРВЫЙ КАТАЛОГ
КОЛЛЕКЦИЙ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО МУЗЕЯ»
как первоисточник по истории Амурского областного краеведческого
музея им. Г. С. Новикова-Даурского**

Ключевые слова: каталог, музей, музейные коллекции, устав, пожертвования, опись, отдел, Городская Управа.

В статье впервые анализируется содержание Первого каталога коллекций Благовещенского музея (с краткими данными об истории возникновения музея). Автор документа - Вячеслав Пантелеевич (Пантелеймонович) Врадий, зоолог, этнограф, востоковед и ботаник. В публикации рассматривается структура каталога, сделан акцент на историю музея и коллекции, впервые систематизированные молодым учёным, который сформировал правила приёма предметов в музей, выявил проблемы музея и определил дальнейший путь его развития.

В 2021 году Амурскому областному краеведческому музею им. Г. С. Новикова-Даурского – одному из старейших музеев на Дальнем Востоке России – исполнится 130 лет. В преддверии юбилейной даты особый интерес вызывают любые источники, связанные с историей создания музея. Один из наиболее ценных документов – Первый каталог коллекций Благовещенского музея (с краткими данными об истории возникновения музея). На обложке указан автор-составитель – В. П. Врадий, причём с уточнением, что каталог составлен по поручению г. Председателя Комитета музея. Ещё одна деталь – каталог напечатан в г. Благовещенске, в 1900 году, в типографии товарищества Д. О. Мокина и Ко, расположенной по адресу: ул. Зейская, 148.

Вячеслав Пантелеевич (Пантелеймонович) Врадий – зоолог, этнограф, востоковед и ботаник. Известно о нём немного: родился в 1871 году в Петербурге в дворянской семье. В 22 года увлёкся литературным творчеством, стал заниматься научной деятельностью. В 1898–1899 гг. совершил путешествие по Амуру. Оказал помощь при организации музея в Благовещенске. Позже, в Петербурге на Невском проспекте, основал Музей Сибири и Дальнего

Востока. Редактировал журнал «Сибирская мысль». К 1908 году опубликовал уже более 300 статей, 40 книг и брошюр, в числе которых: «Главные китайские и корейские промыслы на Дальнем Востоке», «Географический, этнографический и экономический очерк Амурской области», «О растениях и древесных породах Дальнего Востока» и др.

Согласно Оглавлению, каталог имеет чёткую и продуманную молодым учёным структуру: К истории возникновения Благовещенского музея.

Правила и программы приёма предметов, жертвуемых в Благовещенский музей.

Опись и каталог научных коллекций Благовещенского музея.

Общий итог всех коллекций музея, соответственно отделам.

Список лиц, сделавших пожертвования в Благовещенский музей (в алфавитном порядке).

Благодаря инициативе Врядия, мы имеем достаточно подробное описание первых лет существования музея. Так, мы узнаем, что музей был образован 16 августа 1891 года: «При городском голове Венедикте Петровиче Ефимове было определено «Пожертвованными золотопромышленными компаниями моделями машин и инструментами для горного производства положить в городе Благовещенске начало музею, поместив его в здании думы и поручив наблюдение Городской Управе».

За первый год существования музея в число его коллекций поступили фотографии приисков, мебель для музея – от Верхне-Амурской и Джолонско-Иликанско-Зейской компании, кости ископаемых, два вооружённых японских манекена, окаменелости с берега Охотского моря, серебряная монета гривна и другие предметы.

В 1892 году музей пополнился фигурой тигра – скульптурой китайской работы из камня (от М. Поповой) (предмет экспонируется в современной экспозиции «Искусство стран Востока»); шкурой чёрного зайца – от О. Болвина; фигурой пагоды и японской моделью дженерикши – от г. Рудакова.

На протяжении 4 лет: с 1892 по 1896 – музей не пополнялся и, как пишет Врядий, «оставался без всякого внимания».

Следующий этап существования музея связан с именем исполнявшего должность городского головы Петра Петровича Попова. «19 апреля 1896 г. в заседании Благовещенской городской думы, по поводу музея, было постановлено:

1. Избрать комитет для заведования музеем и библиотекой, т. к. Городской Управе некогда заведовать ими.

2. Выработать устав».

Так как музей не имел опыта составления устава, было принято решение взять за образец уставы Хабаровского музея (для этой цели было послано письмо Василию Петровичу Маргаритову – директору Хабаровского музея, исследователю археологии и этнографии Приамурского края) и Нерчинского музея (дана телеграмма).

Кроме того, «от имени П. П. Попова посылались письма и повестки разным лицам, могущим оказать активное содействие к поднятию благовещенского музея; так например, были посланы письма: начальнику изысканий Амурской железной дороги, затем горному инженеру господину Оранскому и другим».

В 1897 году история музея связана уже с именем Александра Васильевича Кириллова (в 1900 он занимал должность городского головы). Именно этому человеку Благовещенский музей обязан и своим становлением, и годами активной деятельности. «К весне 1897 года состоялось заседание избранного Думою комитета музея для выбора председателя». В этом заседании 16 марта единогласно всеми членами комитета председателем был избран Александр Васильевич Кириллов (теперешний городской голова). Затем комитет постановил выработать в скорейшем времени устав».

Составленный уже к 25 марта 1897 года проект устава музея и библиотеки был представлен на утверждение министру государственного имущества, и на заседании городской думы 25 апреля комитету по заведованию музеем и библиотекой была назначена ежегодная субсидия 500 руб., а всё немногочисленное имущество музея передано в ведение комитета. В этом году в музей поступают образцы каменного угля и образцы огнеупорной глины и стекла (местного завода Иорданского).

В 1898 году устав так и не был принят, но в июне этого года была прислана копия бумаги от Приамурского генерал-губернатора, в которой заключалось предложение сделать следующие два дополнения к параграфу 6 устава музея. Так, председатель архивной комиссии, граф Бобринский, предложил, чтобы «относительно приобретения музеем археологических находок соблюдались соответствующие...указания», а министр земледелия Ермолов пожелал, чтобы в музее был устроен сельскохозяйственный отдел, и в библиотеке музея – отдел книг, касающихся сельского хозяйства. После того как дополнения были внесены, 5 декабря устав был утверждён в Санкт-Петербурге министром внутренних дел.

300 экземпляров окончательного варианта устава Благовещенского городского музея были напечатаны 18 мая 1899 года в типографии товарищества Мокина, «причем сумма за печатание пожертвована владельцем типографии в пользу музея».

Ещё один интересный факт – Устав Благовещенского городского музея был запрошен в г. Николаевск в качестве образца. В 1899 году в музей поступила естественнонаучная коллекция: минералы от С. К. Оранского, коллекция птиц от Мариловцева (вероятно, имелись в виду чучела птиц), пауки и ящерицы в спирту от А. В. Кириллова.

Несмотря на ряд мероприятий по поддержке музея, Врядий отмечает, что «музей начал глохнуть, благодаря отсутствию в нём системы и полной хаотичности выставленных объектов».

Это побудило Вячеслава Пантелеевича выйти с инициативой составить описание и каталог всех имеющихся коллекций «за известный гонорар». Первое, что сделал Врядий, навёл порядок в музее и музейные предметы, которые до этого были расположены хаотично и бессистемно в одном зале (в то время как второй зал пустовал), разделил по комплексам.

Второе – были напечатаны бланки и «этикетки», далее «было приступлено к описи и номенклатуре всех музейных коллекций». Срок «по приведению в последовательную систему предметов» Врядий сам себе определил около месяца.

Раздел «Правила и программы приёма предметов, жертвуемых в Благовещенский музей» представляет собой своего рода краткую концепцию развития музея, которая уже в то время предполагала краеведческое направление.

Анализируя имеющиеся коллекции и выражая своё видение, каким должен быть музей, по его мнению, Врядий нацеливает заинтересованных лиц на то, какими коллекциями нужно пополнить музей: это чучела зверей, предметы по этнографии Амурской области и Маньчжурии, связанные с отражением жизни местного населения: гольдов, орохонов, маньчжуров. Обязательно отражение разнообразной религиозной жизни Амурской области. В музее должны быть представлены образцы идолов, фотографии молелен, особый отдел Владислав Пантелеевич предлагает посвятить местным раскольникам и сектантам, староверам, бегунам. Хорошо бы иметь фотографии, рассуждает Врядий, «изображающие разные моменты религиозных обрядов, предметы домашнего обихода».

Для Врядия как учёного интерес представляет всё то, что, так или иначе, характеризует Амурскую область. Не случайно в разделе «Опись и каталог научных коллекций Благовещенского музея» числятся «карта Амурской области с показанием частных золотых приисков, составленная при канцелярии Окружного инженера 1895 г. и Герб Амурской области (в трёх экземплярах: два жестяных и один картонный)».

Значение для Врядия имеют и сдатчики. Обращаясь к фондообразователям, Вячеслав Пантелеевич просит указывать имя жертвователя, его адрес и из какой местности жертвуемый предмет.

Всего же в каталоге 9 отделов, классификация даёт представление о разнообразии коллекций, которые ученый впервые систематизировал.

Отдел I. Фауна (животные). А) Млекопитающие Б) Птицы

1. Хищные:

А) Дневные

Б) Ночные

2. Воробьиные

А) Одноголосные

Б) Певчие

3. Куриные настоящие

4. Голенастые

5. Водяные.

В примечании учёный указывает, что при определении всех птиц он руководствовался авторами: К. Кеслором, Гердом, Д. Поздневым и Н. Пржевальским («Уссурийский край»), «других в Благовещенске достать не удалось». Кроме того, Врядий сообщает, что птицы (за исключением трёх) из окрестностей станицы Радде, пожертвованы г. Мариловцевым.

С) Пресмыкающиеся и земноводные, куда относятся 3 змеи и 1 ящерица.

Д) Рыбы (нет).

Е) Беспозвоночные, где жуков до 200 штук, 5 гусениц бабочек, 15 древесных клопов, 1 паук и 1 волосатик. Все экземпляры находятся в спирту, в музей доставлены А. В. Кирилловым в 1899 году.

Отдел II. Флора (растения).

Отдел немногочисленный: в поперечном разрезе представлены яблоня и осина.

Отдел III. Минералогические образцы (образцы каменного угля, золотосодержащие породы, образцы минералов из Амурской области и Японии, образцы медной руды из Печилищенского медно-плавильного завода).

Всего 107 образцов.

Отдел IV. Геологические и палеонтологические коллекции (из Амурской области и соседних территорий).

Сюда Вradiй включил зубы мамонта, 5 из которых поступили в музей от И. В. Миронова в 1891 году и были найдены при разведке золотосодержащих россыпей, части окаменелых деревьев, голова моржа. Опись же геологических палеонтологических коллекций, за неимением специальной литературы была сделана Вradiем в общих чертах.

Отдел V. Этнография Амурской области, Маньчжурии и сопредельных мест.

Это один из наиболее интересных разделов, где три части: «Гиляки», «Якуты» и одна часть «Маньчжурия».

Больше всего предметов маньчжурского происхождения – 27. Наиболее интересные: музыкальный инструмент со смычком из белого конского волоса, часы в форме длинного квадрата, кинжал из слоновой кости, но больше всего фигур из яшмы и майолики: это сюжетное изображение животных, китайских богов и богинь. Сюжеты юмористические, отмечает составитель каталога, лица героев – сосредоточенные. В разделе «Гиляки» три предмета: 2 лодки (одна уменьшенная копия) и модель гиляцкого дома. Из якутских предметов – шкатулка из кости и дерева женской работы.

Отдел VI. Археология и нумизматика.

Кроме медного котла, «отрытого» на горе Шапка казаками в начале 1890-х гг., и каменного ядра, вывезенного, вероятно, из северной Маньчжурии, Вradiй отнёс к коллекции 4 фотографии, три из которых относятся к теме памятника, установленного в 1868 году на месте первого поста на Амуре.

В нумизматическую коллекцию вошло 27 русских старинных медных монет и серебряная монета гривна второй четверти 19 века, 3 русские монеты 1872 г., 13 иностранных серебряных монет и 30 штук японских монет с квадратным отверстием посередине.

Отдел VII. Местная производительность и образцы местного производства.

Это 27 предметов производства завода П. Ф. Иорданского в селе Отрадном при р. Зее: кирпич огнеупорный, стекло ламповое, медальон-барельеф с изображением Пушкина, сделанный в кирпичном заводе В. И. Ружицкого в г. Благовещенске и даже 2 изображения деревянной часовни и иконы в стеклянной бутылки, выполненные заключёнными в местной тюрьме.

Отдельным блоком выделена золотопромышленность, куда вошли 47 фотографий, сделанных на приисках золотопромышленных компаний, а также документы, модели золотопромывательных машин и т.д.

Отдел VIII. Сельское хозяйство Амурской области и прилежащих мест.

В раздел вошли образцы семян (некоторые, как отмечает Вradiй, проросли): пшеницы, ярицы, ячменя, ржи, гречихи, проса, конопли, овса, гороха и т.д. Указаны места, откуда привезены культуры, например, округ Софийский, посёлок Красная речка; волость Чиронская, селение Кирочинское; волость Ханкайская, селение Троицкое и т.д. Всего 60 образцов. В конце раздела Вradiй уточняет, что все образцы семян доставлены «с Хабаровского съезда 1893 года. И собраны были агрономом при бароне Корфе Н. А. Крюковым».

Отдел IX. Коллекция из разных мест.

Сюда Вradiй включил предметы, не относящиеся ни к одному из перечисленных разделов, например, страусиное яйцо, образцы японской женской деревянной обуви, люстру в память о посещении Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича г. Благовещенска и т.д. Все предметы были разделены составителем каталога на 4 группы: зоологические коллекции, ботанические коллекции, предметы из Японии, разные предметы.

В Примечании учёный отметил предметы, не имеющие краеведческого значения: фотографии волосатого человека, женский бюст из гипса, волшебный фонарь для туманных картин.

Общий итог всех коллекций музея, соответственно отделам.

«Всех предметов в благовещенском музее (видов или отдельных названий) – 519, в числе – 745 экземпляров (по 10-е декабря 1899 года)». Наиболее многочисленная коллекция – 288 экземпляров – из Отдела I «Фауна Амурской области», самая малочисленная – 22 экземпляра геологической и палеонтологической коллекции (Отдел VI).

Последний раздел – **Список лиц, сделавших пожертвования в Благовещенский музей (в алфавитном порядке)**. В списке значится 29 человек. Это известные люди города и области: Ефимов В. П., Кириллов А. В., Оранский С. К., Коротков (последний – Черняевский станичный атаман, инициалы отсутствуют); предприниматели: Биршерт П. А., Иорданский П. Ф., Левашев В. А. и др.

Таким образом, создание Благовещенского музея и формирование коллекций (несмотря на трудности) было, как нам кажется, пронизано духом идеи народного просвещения. Не избежали влияния этой идеи лучшие люди города, равнодушные граждане, среди которых – уроженец Петербурга, дворянин, начинающий учёный Вячеслав Пантелеевич Вradiй.

Его труд «Первый каталог коллекций Благовещенского музея (с краткими данными об истории возникновения музея)» 1900 года – это благородное стремление не просто систематизировать коллекции, которые формировались на первом этапе стихийно, но и выявить проблемы музея, определить пути их решения, а также открыть жителям и гостям Амурской области многообразный мир Приамурья и сопредельных территорий, задать конкретное (в данном случае краеведческое) направление молодому музею, как одному из образовательных центров далекой российской провинции.

Часть предметов, занесённых В. П. Вradiем в каталог, и сегодня, спустя 130 лет, демонстрируется в современной экспозиции музея.

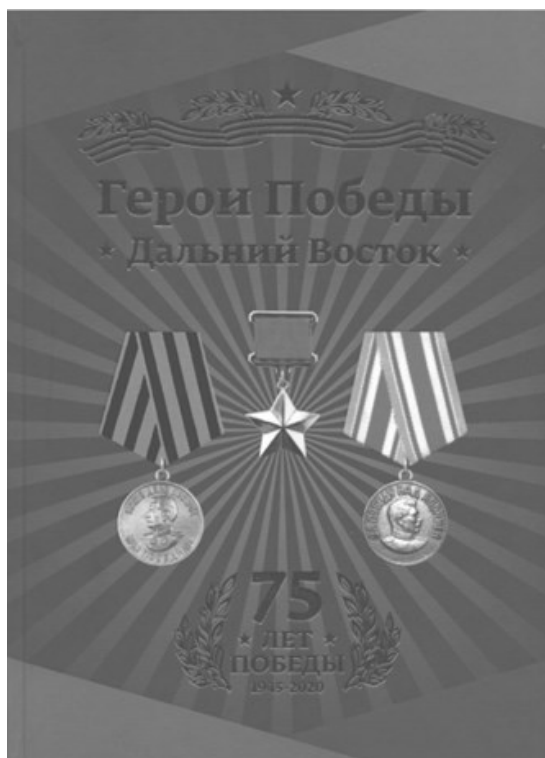
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Описание. Первый каталог коллекций Благовещенского музея (с краткими данными об истории возникновения музея). По поручению г. Председателя Комитета музея составил В. П. Вradiй. – Благовещенск, типография товарищества Д. О. Мокина и Ко, 1900.

2. История г. Благовещенска, 1856–1917 : [в 2-х т.]. Т. 1 / [отв. ред. А. В. Телюк ; редкол.: В. Н. Абеленцев и др.]. – Благовещенск-на-Амуре : Амур. ярмарка, 2009.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

*Герои Победы. Дальний Восток / авт.-сост.: А. Л. Анисимов, Н. М. Платонова,
В. Ж. Дорохов, С. Ю. Яхимович, Н. А. Кулаков. – Хабаровск:
Изд-во «Фортост науки», 2020. – 224 с. : ил.*

В рамках Года памяти и славы издательством «Фортост науки» при поддержке ПАО Сбербанк подготовлен выпуск издания «Герои Победы. Дальний Восток», посвящённого 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и войне с милитаристской Японией.

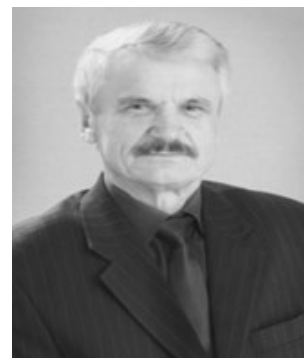
Авторами представлено краткое описание Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., раскрыта значимость вклада СССР в дело победы над нацизмом. Освещены социально-экономическое положение, финансовая система и роль советского Дальнего Востока в годы войны.

Кроме того, впервые предпринята попытка собрать и систематизировать биографическую информацию о дальневосточниках – участниках Великой Отечественной войны и войны с милитаристской Японией, удостоенных высокого звания Героя Советского Союза, что позволит сохранить память о бессмертных подвигах героев-дальневосточников.*

75-лет окончания Второй мировой войны

В. Р. Чепелев,

учёный секретарь Амурского филиала
военно-научного общества при Культурном центре
Министерства обороны РФ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА МАКСИМ ГЕОРГИЕВИЧ ВОРОНКОВ

---

*От редакции: Персоналия Максима Георгиевича Воронкова представлена в книге «Герои Победы. Дальний Восток» (с. 68-69).

Звание Героя Советского Союза капитану 1 ранга Максиму Воронкову было присвоено за умелое руководство бригадой речных кораблей Краснознаменной Амурской военной флотилией, образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японскими милитаристами и проявленные при этом мужество и героизм.

В Благовещенске его фамилией названа улица, но в людской памяти имя этого человека занимает незаслуженно мало места. Изданная к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и войне с милитаристской Японией книга «Герои Победы. Дальний Восток» (Хабаровск, 2020) также не содержит сведений о том, что одна из улиц столицы Приамурья носит имя Воронкова.

Многие горожане действительно не знают, в честь кого она была названа. Редакция газеты «Моя мадонна» в небольшой заметке, опубликованной в № 42 от 22 октября 2008, не смогла правильно ответить на вопрос одной из читательниц газеты.

В основном всё, что написано о Воронкове в краеведческих источниках – это краткие биографические справки, как, например, статья А. Мальцева в 1 томе издательского проекта «Амуры-герои» (Благовещенск, 2005).

И только в 2015 году газета «Амурская правда» (№150 от 20 августа) в статье «Как командир флотилии Максим Воронков спас Благовещенск от разрушения» опубликовала развёрнутые сведения, предоставленные Владимиром Чепелевым.

«Война с Японией была очень скоротечной, поэтому Героев Советского Союза в ней единицы. Редко кому удалось настолько достойно проявить себя за считанные недели активных боевых действий. Я думаю, руководство страны по достоинству оценило военный талант Максима Георгиевича» – считает историк-краевед Владимир Чепелев.

Редакция посчитала необходимым в год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне и войне с милитаристской Японией в очередном выпуске альманаха «Диалог времён» поместить статью, посвящённую Герою Советского Союза Максиму Георгиевичу Воронкову. Ранее статья публиковалась в «Сборнике материалов военно-морского сектора» (Амурский филиал военно-морской секции Военно-научного общества при культурном центре министерства обороны РФ, Благовещенск, 2016).

Максим Георгиевич Воронков – профессиональный военный, флотский офицер, Герой Советского Союза и кавалер многих боевых наград. В период Второй мировой войны Воронков командовал 4-й (Зее-Бурейской) бригадой речных кораблей Краснознамённой Амурской флотилии, которая в августе 1945 года осуществила переправу войск 2-й Краснознамённой армии через Амур и тем способствовала её дальнейшему успешному наступлению вглубь Маньчжурии. Более 20 лет его жизнь была связана с Дальним Востоком.

Родился Максим Воронков 1 февраля 1901 года в селе Верхние Лучки, ныне Арсеньевского района Тульской области в семье крестьянина. С 8 до 12 лет работал по найму (батрачил) у зажиточных крестьян села Верхние Лучки, до 16 лет работал чернорабочим в угольных шахтах Донбасса. Образование имел только начальное.

В ноябре 1917 года Воронков вступил в ряды Красной Гвардии, участвовал в боях против войск казачьего атамана Каледина. В январе 1918 вместе с моряками-черноморцами, принимавшими участие в разгроме калединского мятежа, выехал в Севастополь, где добровольно вступил в минную бригаду Черноморского флота.

В июне 1918 года Воронков был зачислен бойцом в 1-й Морской Кронштадтский полк, формируемый из моряков-балтийцев для отправки на Восточный фронт, где шли бои против белогвардейских войск адмирала Колчака. В феврале 1919 в составе вновь сформированного 1-го отряда моряков Балтийского флота Воронков попал на Южный фронт, где участвовал в боях против войск генерала Деникина. В этом же году вступил в РКП (б).

В сентябре 1919 года Воронков откомандирован в Кронштадт, в учебный минный отряд, учиться на минёра. В ноябре 1920, по окончании минной школы, направлен в г. Николаев в распоряжение командования Черноморского флота, где получил назначение на канонерскую лодку «Эльпидифор – 414» на должность старшего минного электрика, но уже в феврале следующего года был назначен военкомом этого корабля.

В сентябре 1921 года Политуправлением Черноморского флота Воронков направлен на курсы политработников (впоследствии – Политическое училище им. С. Г. Рошаля). В мае 1924, после окончания курсов, Воронков направляется в распоряжение Начальника Политического отдела Морских Сил Дальнего Востока, где назначается инструктором партийной работы. В 1925, в связи с расформированием и сокращением воинских частей, Воронков назначается на различные политические должности (парторг, комиссар канонерской лодки «Красный Октябрь» Морских Сил Дальнего Востока, комиссар канонерской лодки «Беднота» Дальневосточной военной флотилии), затем командирован учиться в ВВМУ им. М. В. Фрунзе. В мае 1929 окончил параллельные классы при этом училище и после месяца стажировки на Черноморском флоте был назначен помощником командира и артиллеристом на канонерскую лодку «Красное Знамя» Дальневосточной военной флотилии (с 1931 – Краснознамённая Амурская флотилия). В составе флотилии участвовал в боях с белокитайцами в районе Лахасусу и Фугдина в октябре и ноябре 1929 года.

В ноябре 1931 Воронков назначен командиром и комиссаром канонерской лодки «Красное Знамя», а в апреле 1932 – командиром и комиссаром монитора «Киров».

В 1932–1938 гг. вместе с семьёй проживал в селе Малая Сазанка Свободненского района, где в затоне располагался Бурейский отряд речных кораблей Краснознамённой Амурской флотилии, командиром и комиссаром которого М. Г. Воронков был назначен в апреле 1936.

В 1939 году Воронков служил помощником начальника штаба КАФ. По клеветническому доносу был репрессирован, но в 1940 восстановлен в правах и назначен заместителем командующего КАФ. Окончив в апреле 1941 курсы усовершенствования Высшего начальствующего состава Военно-Морской академии им. Ворошилова Воронков Максим Георгиевич назначен командиром Зее-Бурейской бригады речных кораблей КАФ.

К началу советско-японской войны 4-я (Зее-Бурейская) бригада речных кораблей, которой командовал капитан 1 ранга М. Г. Воронков, имела в своём составе дивизион канонерских лодок, два дивизиона бронекатеров, дивизион речных тральщиков, отряд катеров-тральщиков, два отряда глиссеров. Всего бригада включала 1 монитор, 5 канонерских лодок, 16 бронекатеров, 4 тральщика, 6 катеров-тральщиков, 9 глиссеров, и ряд вспомогательных плавсредств. Кроме того, в оперативном подчинении командира бригады находился Сретенский отдельный дивизион речных кораблей в составе двух отрядов бронекатеров и отряда глиссеров, а также 126 катеров пограничной охраны, вооружённых пулемётами.

Преодоление водного рубежа у Благовещенска составляло первый этап Сахалинской наступательной операции, завершить которую должен был штурм Сахалинского и Суньуского укрепленных районов противника и захват плацдармов на правом берегу Амура. Это была сложная и трудная задача. Оба укрепленных района, сомкнутые у берега, представляли собой мощную систему инженерных сооружений, протяжённостью до 185 километров по фронту и до 10–40 километров в глубину, и насчитывали свыше 300 дотов и дзотов с орудиями больших калибров и пулемётами. Для овладения укрепрайонами требовалось много сил и средств, тогда как у Благовещенска находилось ограниченное количество советских войск.

Однако опасение встретить у Сахалина сильное противодействие противника не оправдалось. Японцы, потерпев поражение на других участках советско-японского фронта, начали отводить войска по всему Верхнему и Среднему Амуру. Наша разведка установила, что уже к исходу первого дня военных действий японские войска стали отходить как из Сахалинского, так и из Суньусского укрепленных районов. Всё это позволило приступить к выполнению Сахалинской наступательной операции, не дожидаясь, когда в Благовещенск будут стянуты основные силы 2-й Краснознамённой армии.

*Корабль-памятник – бронекатер проекта 1125.
Установлен на месте переправы Зее-Бурейской бригады речных кораблей
в августе 1945 г.*

Перед кораблями 4-й (Зее-Бурейской) бригады была поставлена боевая задача: в ночь на 10 августа совершить набег на Сахалинский рейд, раскрыть его огневую систему и уничтожить стоявшие там вооружённые суда. В набег выделялись 8 бронекатеров, которых должна были поддерживать артиллерия 101-го укрепленного района и канонерские лодки из района устья реки Зея. В 4 часа 30 минут 10 августа на Сахалинский рейд на полном ходе вошли бронекатера под командованием старшего лейтенанта В. А. Дворянкина и лейтенанта А. Г. Извекова и дали залп из реактивных установок по набережной. Вслед за ними стрельбу по заранее намеченным целям начали канонерские лодки, занимавшие огневые позиции в устье Зеи, и полевая артиллерия. В ответ японцы сосредоточили огонь по ближайшим целям – бронекатерам. Однако стрельба по движущимся объектам оказалась неэффективной. Не замедляя ход, бронекатера прошли вдоль набережной, стреляя прямой наводкой, затем легли на обратный курс и в 5 часов 30 минут вернулись в Зею, уничтожив несколько огневых точек и склад с горючим, потопив 2 катера и 4 шаланды. При этом ни один вражеский снаряд не упал на территорию Благовещенска.

Лишь один из бронекатеров (№ 74) получил незначительное повреждение, которое вскоре было исправлено. Когда от зажигательной пули загорелся бензобак, к нему бросился заметивший пламя пулемётчик Сергей Андрианов. Моряк накрыл языки пламени своим телом и ликвидировал опасность.

Вскоре после обстрела японских укреплений разведка донесла, что противник принял его за начало форсирования Амура и ускорил отход войск Сахалинского гарнизона вглубь территории. В сложившейся благоприятной обстановке командующий 2-й Краснознамённой армии генерал-лейтенант М. Ф. Терёхин отдал приказ при поддержке боевых кораблей КАФ и полевой артиллерии приступить к форсированию Амура и высадке войск на причалы Сахалина. Однако войска находились в обороне на широком фронте, по всему побережью Амура. К 11 часам дня 10 августа удалось сосредоточить лишь два взвода пограничников 56-го пограничного отряда и сводный отряд 101-го укреплённого района. В помощь им была сформирована десантная группа моряков-амурцев. Около 12 часов десант высадился в Сахалин, где почти не встретил сопротивления со стороны противника. В городе оказалось лишь несколько японских солдат-смертников. К исходу дня Сахалин был полностью взят под контроль десанта. Пароход «Шао-Син», 16 различных катеров и несколько складов с военным имуществом стали его трофеями.

Жители Сахалина тепло встретили советских воинов. Всё, кто не был занят тушением пожаров (отступая, японцы подожгли склады с горючим и боеприпасами, магазины и многие жилые здания), направились к пристани, где стояли наши корабли. Многие несли в руках красные флаги. Стихийно возник митинг, который открыл начальник политотдела 4-й (Зее-Бурейской) бригады речных кораблей капитан 2 ранга С. В. Комаров. Первым перед сахалинцами выступил капитан 1 ранга М. Г. Воронков. Он сказал, что советские войска вошли в город не как завоеватели, а как друзья, чтобы помочь его жителям освободиться от японского господства. Выступление было выслушано с большим вниманием.

При огневой поддержке кораблей 4-й (Зее-Бурейской) бригады Краснознамённой Амурской флотилии также были освобождены китайские города Айгунь, Цикэ, Мохэ и несколько других населённых пунктов, находящихся на правом берегу Амура.

Моряков Амурской флотилии в китайских городах встречали как освободителей

Несколько кораблей из состава бригады (монитор «Активный», канонерская лодка «Красная Звезда» и дивизион бронекатеров) были отправлены на соединение с 1-й бригадой

речных кораблей КАФ, и вместе с ней принимали участие в боевых действиях на реке Сунгари. С 10 августа по 1 сентября 4-я (Зее-Бурейская) бригада кораблей, вместе с приданными ей катерами и плавсредствами (парходами и баржами Верхне-Амурского пароходства) переправила через Амур свыше 86 тысяч человек, много танков и орудий, свыше 20 тысяч тонн боезапаса, горючего, разных грузов и военной техники. Конкретно: из Благовещенска в Сахалин было переправлено 22845 человек, 1574 лошади, 847 повозок, 1459 автомашин, 161 танк, 116 бронемашин и тягачей, 429 орудий и миномётов, свыше 4000 тонн грузов; из села Константиновки в Хадаян (селение между городами Айгунь и Цикэ) – 64891 человек, 4933 лошади, 2213 повозок, 488 танков, 460 орудий и миномётов, 3800 автомашин и тягачей и 14330 тонн грузов.

Командующий 2-й Краснознамённой армией генерал-лейтенант М. Ф. Терёхин дал высокую оценку действиям личного состава Зее-Бурейской бригады речных кораблей: **«Корабли и весь личный состав Зее-Бурейской бригады речных кораблей Краснознамённой Амурской флотилии в период боевых действий против японских империалистов (август 1945 года) провели ряд ответственных активных операций по захвату городов Сахалина, Айгунь, Мохэ и других населённых пунктов. Действия личного состава бригады по выполнению боевых задач оцениваю на «отлично». Особенно отмечаю боевую деятельность по обеспечению форсирования 2-й армией реки Амур».**

Следует особо отметить, что в ходе боёв в зоне действия 2-й Краснознамённой армии 4-я (Зее-Бурейская) бригада речных кораблей не имела безвозвратных потерь среди личного состава.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 года капитану 1 ранга М. Г. Воронкову **«за умелое руководство бригадой, образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японскими милитаристами и проявленные при этом мужество и героизм»** было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда» за № 7127.

4-я бригада (Зее-Бурейская), которой командовал М. Г. Воронков, получила почётное наименование «Амурской» (приказ Верховного Главнокомандующего от 15 сентября 1945 года) и была награждена высшим флотоводческим орденом Ушакова 1-й степени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1945 года), а канонерская лодка «Красная Звезда» и 1-й дивизион бронекатеров, входивших в её состав, стали гвардейскими (приказ Народного комиссара ВМФ от 30 августа 1945 года).

В послевоенные годы М. Г. Воронков продолжал службу в Военно-Морском Флоте. В марте 1947 он был назначен командиром 2-й Краснознамённой Амурской бригады речных кораблей КАФ, а августе 1948 – начальником Объединённой школы Краснознамённой Днепровской флотилии (г. Киев). В мае 1950 года его назначили начальником штаба Экспедиции Особого Назначения № 51, а июне 1951 – начальником Научно-Исследовательского полигона ВМС.

В мае 1955 года Воронков был уволен в запас по болезни, прослужив в Вооружённых Силах СССР 38 лет. Уже, будучи в запасе, с 1960 года он работал в Институте гидромеханики АН УССР в должности старшего инженера.

Кроме служебных, М. Г. Воронков выполнял и различные общественные обязанности. Выбирался секретарём парторганизации воинских частей в 1920, 1921, 1924, 1926 и 1927 гг.; членом парткомиссии Амурской военной флотилии в 1924, 1925, 1926, 1930, 1931 и 1932 гг.; депутатом Хабаровского горсовета в 1930, 1948 гг.; членом Пленума и Бюро Свободненского РК ВКП (б) Амурской области в 1944 году. В 1949 Воронков был избран членом Комитета ДОСФЛОТА УССР; в 1950 – депутатом Киевского Горсовета; в 1951 – членом ГК КПСС г. Вентспилса; два раза избирался на съезд КП Латвии. В 1969 избирался членом партбюро Института гидромеханики АН УССР. Был также членом Всесоюзного общества «Знание» и НТО судостроительной промышленности.

За свою многолетнюю и безупречную службу М. Г. Воронков неоднократно награждался: РВС СССР в 1929 году был награждён почётным оружием, а в 1938 – золотыми часами; двумя орденами Ленина (1945); тремя орденами Красного Знамени (1944, 1948, 1965); двумя орденами Красной Звезды (1935, 1946); медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945) и «За Победу над Японией» (1946), несколькими юбилейными медалями. В 1965 году ЦК КПСС и Правительством СССР был награждён золотыми часами.

М. Г. Воронков был женат, жена Воронкова Людмила Васильевна (девичья фамилия – Синявина), 1902 года рождения, по социальному положению – служащая (учительница), умерла в 1962. Имел детей: дочь Клару – 1930 года рождения, сыновей Валерия – 1937 г. рождения и Юрия – 1960 г. рождения. В 1970-х гг. Клара Максимовна работала старшим инженером на АМСГ Аэропорта Киев – Жуляны, сын Валерий – был офицером ВМФ, служил на Черноморском флоте в должности командира корабля. Юрий, видимо, в это время учился в средней школе.

Умер Воронков 9 мая 1976 года, похоронен в Киеве. Богатую, насыщенную событиями, тревогами и радостями жизнь, прожил Максим Георгиевич, посвятив её делу защиты священных рубежей Родины! Значительная часть его жизненного пути прошла на Дальнем Востоке, причём в Амурской области, о чём мы не вправе забывать

В 1983 году по ходатайству военнослужащих 74-й бригады речных кораблей ТОФ (в/ч 42838, место дислокации – Бурхановский затон) в Благовещенске его именем была названа одна из новых улиц (улица с западной стороны 405 квартала), на одном из зданий которой моряками-тихоокеанцами установлена мемориальная доска.

23 декабря 1987 года по просьбе педагогического коллектива и воспитанников школы-интерната № 4 города Свободного решением бюро Свободненского городского комитета КПСС и исполкома городского Совета народных депутатов имя М. Г. Воронкова было занесено в книгу «Вечной славы».

10 сентября 2010 года на территории отряда пограничных сторожевых кораблей в Астрахановке был торжественно открыт мемориальный комплекс, включающий в себя стелу, танковую башню с бронекатера и Аллею Героев, посвящённую памяти амурчан – Героев Советского Союза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амурцы-герои. Т. 1. – Благовещенск, 2005. – С. 59.
2. Багров, В. Н. Боевая слава амурцев. Очерк истории Краснознамённой Амурской флотилии / В. Н. Багров, Н. Ф. Сунгоркин. – Хабаровск, 1982. – С. 102–108.
3. Багров, В. Н. Краснознамённая военная флотилия. Изд. 2-е / В. Н. Багров, Н. Ф. Сунгоркин. – Москва, 1976.
4. Бессмертен подвиг их высокий. Изд. 2-е, доп. и перераб. – Тула, 1983. – С. 128–129.
5. Герои Советского Союза Военно-Морского флота 1937–1945. – Москва, 1977. – С. 113.
6. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. I. – Москва, 1987. – С. 290–291.
7. Доценко, В. Д. Морской биографический словарь / В. Д. Доценко. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 106.
8. Золотые Звёзды тихоокеанцев. – Владивосток, 1972. – С. 89–93.
9. Королёв, В. Т. Герои Великого океана. Изд. 2-е / В. Т. Королёв. – Владивосток, 1972. – С. 290–298.
10. Тихоокеанский флот / С. Е. Захаров, М. Н. Захаров, В. Н. Багров, М. П. Котухов. – Москва, 1966. – С. 206–209.

75-лет окончания Второй мировой войны

С. М. Сахончик,

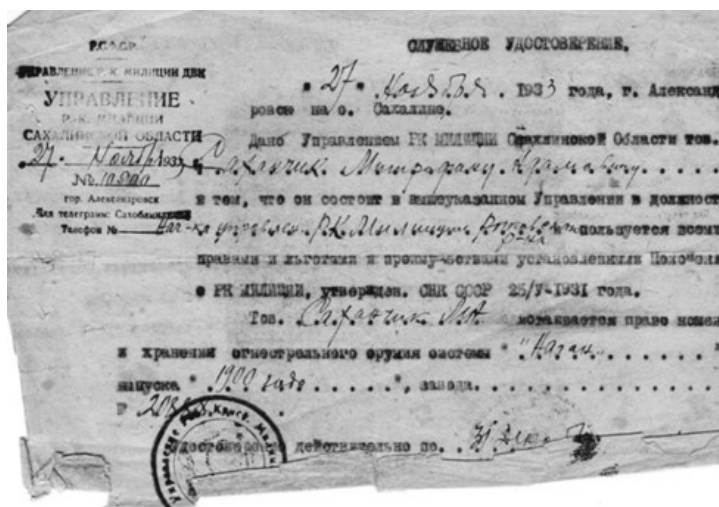
председатель Амурской областной общественной писательской организации Союза писателей России, председатель Амурского филиала Военно-научного общества при Культурном центре Министерства обороны РФ

В СПИСКАХ ФРОНТОВИКОВ НЕ ЗНАЧИЛСЯ...

Занимаясь военно-историческим краеведением, я неожиданно обнаружил, что в списках жителей Амурской области – участников Великой Отечественной войны отсутствует фамилия моего отца. Зная, что отец до войны служил в милиции, я обратился в совет ветеранов областного УВД, в их музей и списках милиционеров-фронтовиков отец тоже не значился, хотя мне и дали ознакомиться с его личным делом из архива.

Отец, Митрофан Адамович Сахончик, родился в 1903 года в деревне Жерствянка Зембинского уезда (ныне Борисовская обл. Беларуси). Рано осиротел и воспитывался в батраках у дальних родственников. В 1920 году участвовал в боях с белополяками в составе партизанского отряда. Был ранен в бою у села Плещеницы.

После окончания срочной службы в конной артиллерии РККА (1926–1928г.) он выехал на Дальний Восток. В армии стал членом ВКП(б).

Отец начинал службу в 1928 году в ОГПУ на Сахалине, оперуполномоченным, старшим оперуполномоченным, начальником отдела уголовного розыска, начальником Рыковского райотдела Рабоче-крестьянской милиции.

Закончил в 1931 году Благовещенскую школу милиции. Затем был переведён в Хабаровский край (Кур-Урмийский РОМ с 1934 по 1937 г.)

В 1937 году закончил Свердловскую школу среднего комсостава НКВД, после чего был направлен в г. Николаевск-на-Амуре на должность заместителя начальника Нижне-Амурского областного управления милиции.

С 1940 по 1941 был начальником Кумарского РОМ Амурской области.

*Лейтенант Рабоче-крестьянской милиции М.А. Сахончик
с женой, 1937г.*

В личном деле была отметка о его призыве в РККА от 2 августа 1942 года с должности помощника начальника Пограничного РОМ НКВД СССР г. Благовещенска. Семья тогда проживала в Благовещенске на ул. Трудовой, после ухода отца на фронт его жена Фатина Михайловна и двое детей переехали к её родным в город Вятские Поляны Кировской области, где всю войну мама работала на оружейном заводе.

Отец был зачислен в формирующуюся в Сибири на ст. Юрга 91-ю Особую стрелковую бригаду им. тов. И. В. Сталина политруком особой разведроты. Бригада, сформированная из моряков Амурской флотилии и сотрудников НКВД, была направлена на Калининский фронт. В составе этой бригады отец участвовал в разведывательных поисках и боях. Бригада участвовала в Ржевско-Вяземской операции «Марс», наступала, попадая в окружения, и после понесенных тяжёлых потерь (до 75% личного состава) была расформирована.

После расформирования бригады в феврале 1943 году отец был направлен в Ленинградское военно-политическое училище, готовившее старший политсостав для фронта. Ускоренный курс он проходил в г. Шадринске, куда училище было эвакуировано.

После окончания училища и краткосрочных курсов при Московском военно-политическом училище в 1944 году он был направлен инструктором политотдела в 118-ю стрелковую дивизию 1-го Украинского фронта, где участвовал в Яско-Кишинёвской наступательной операции под городом Тирасполь. Затем 118-я стрелковая дивизия совершила марш на Западную Украину, где поступила в распоряжение командования 3-го Украинского фронта. Во время марша воины дивизии принимали участие в боестолкновениях с бандеровцами из УПА на территории Львовской области, зачистках лесных массивов. В июле 1944 года 118-я стрелковая дивизия приняла участие в Львовско-Сандомирской наступательной операции.

*Отец (с автоматом) и парторг полка к-н В. Поташев.
Возле развалин д. Козьмино.*

Дивизия участвовала в тяжёлых боях на Висле и на территории Польши. Отец был направлен в 575-й стрелковый полк дивизии на должность замполита 2-го стрелкового батальона. Однако 14 августа 1944 года, сопровождая маршевое пополнение в расположение батальона, вступил в бой с группой немцев и был тяжело ранен в левую ногу.

Дальше были медсанбаты, санитарные эшелоны, госпитали, угроза ампутации ноги. Однако всё обошлось. До конца войны отец долечивался в санаториях Кисловодска, откуда и был демобилизован в 1945 году.

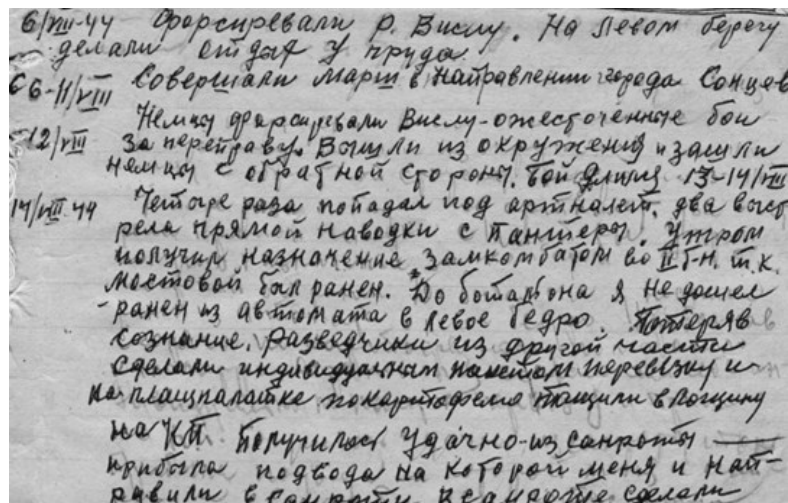
Дальнейшую службу проходил во Внутренних войсках, сначала инструктором по антифашистской работе в лагере военнопленных и перемещённых лиц в г. Кирово-Чепецке, затем в частях по охране складов НЗ в Пермской области. Уволен в запас в 1953 году.

До выхода на пенсию в 1963 году работал инспектором в отделе кадров Уржумского леспромхоза Кировской области.

До последнего времени был секретарём парторганизации ветеранов ВОВ г. Вятские Поляны. Награждён почётным знаком ЦК КПСС «50 лет КПСС», медалью «100 лет В. И. Ленину», многочисленными грамотами.

Офицеры политотдела штаба 118-й сд и 575-го сп на совещании в м. Луковец Львовской обл. Июль 1944г. Перед наступлением. Отец в 3 ряду

Страница из последней тетради фронтового дневника отца

Боевые награды: ордена Боевого Красного знамени, Красной звезды, Отечественной войны, медали «20 лет РККА», «За победу над Германией», «За боевые заслуги» и юбилейные.

Умер отец в 2001 году.

Мой отец был немногословным, скромным и суровым человеком. Много читал. Он редко и мало рассказывал о войне, как, впрочем, и все фронтовики, воевавшие в пехоте. Да и как можно было рассказывать суровую правду о кровавых, тяжёлых боях, отступлениях и окружениях нам, пацанам с наивным книжно-киношным представлением о войне.

Чудом мне удалось сохранить одну из тетрадей его фронтового дневника. До послед-

них дней отец переписывался со своими боевыми товарищами, выступал перед молодёжью. Он был из офицеров-окопников, того нестигаемого поколения людей, вынесшего на своих плечах всю тяжесть войны.

М.А. Сахончик, 1946 год

Отец в 1977 году

Отец не выслужил больших звёзд и чинов, не сделал себе карьеры – он честно воевал на передовой и главное – остался жив. Иначе не было бы и меня! Я с гордостью ношу его портрет в рядах Бессмертного полка.

И мой сыновний долг – восстановить справедливость и внести имя отца в список амурских фронтовиков.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

*Книги Великой Отечественной войны : издания 1941–1945 гг. из фондов
Амурской областной научной библиотеки имени Н.Н. Муравьева-Амурского :
иллюстрированный каталог. Выпуск 2 / Амур. обл. науч. б-ка
им. Н.Н. Муравьева-Амурского ; сост. М. К. Чеснокова.
– Благовещенск, 2020. – 153с. : ил.*

В год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне отделом краеведения и редких книг осуществлена работа по дополнению коллекции книг, изданных в 1941–1945 гг. из фонда Амурской областной научной библиотеки. Первый выпуск иллюстрированного каталога включал 97 изданий, второй содержит описание 164 книг.

В коллекцию входят издания разнообразной тематики: военно-патриотические, научные издания, произведений художественной литературы. Книги военных лет неприметны: малый размер, серо-жёлтая дешёвая бумага, неброское оформление, мягкая обложка. Но эти скромные издания способны многое сказать о войне. Семьдесят лет назад их читали солдаты в окопах, передавая из рук в руки, поднимая дух бойцов и тружеников тыла. Книгам так же, как и людям, пришлось испытать и горечь поражений, и радость побед, и счастье завоеванной свободы. Сохранившиеся книги военной поры призваны напоминать о том, какой ценой досталась Победа.

Книги в каталоге сгруппированы по годам. Внутри разделов расположены преимущественно по алфавиту. Сведения о каждом издании включают библиографическое описание, аннотацию, изображение обложки или титульного листа; портреты, иллюстрации, фрагменты текста, содержание предоставляется по возможности.

Коллекция книг, изданных в годы Великой Отечественной войны, находится в отделе краеведения и редких книг Амурской областной научной библиотеки и доступна всем читателям, неравнодушным к истории нашей страны.

О. С. Праскова, заместитель директора
Амурской областной научной библиотеки
имени Н. Н. Муравьёва-Амурского

«Я НЕ ОДИН, ПОКА Я С ВАМИ...»

«Звонит высокая тоска,
Необъяснимая словами,
Я не один, пока я с вами,

Деревья, птицы, облака...», – проникновенные слова незаслуженно забытого поэта. Большая часть жизни Леонида Завальнюка была связана с Благовещенском, где им были написаны лучшие произведения. В Благовещенске прошло творческое становление Завальнюка, даже после переезда в Москву в 60-х годах прошлого века поэт каждый год возвращался сюда, здесь написаны его лучшие произведения.

Идея организовать ежегодную премию в честь известного поэта, писателя, художника возникла в 2015 году, когда в Благовещенске проходили мероприятия проекта «Леонид Завальнюк. Возвращение в Благовещенск». Учредил литературную премию имени Леонида Завальнюка генеральный директор медиахолдинга «Амур.Инфо» Игорь Геннадьевич Горевой. Цели премии – поддержка авторов, продолжающих лучшие традиции отечественной литературы, увековечение памяти о Л. Завальнюке, популяризация и изучение его творчества.

Первое вручение премии состоялось в 2016 году.

В 2016–2019 годах лауреатами становились известные амурские писатели Владислав Лецик, Александр Маликов, Николай Левченко, Валентина Кобзарь. В первые два года премия присуждалась в номинации «Творческая молодость», её победителями стали Анна Сиянова (посмертно) и Ярослав Туров. В номинации «Лучшее произведение в поэзии» в 2018 г. победила Ирина Вакуленко.

С 2017 г. вручаются награды в номинации «За вклад в популяризацию и изучение творчества Леонида Завальнюка и(или) литературы Приамурья», лауреатами становились доктор филологических наук, профессор Александр Урманов (БГПУ) за возвращение совре-

менному читателю творческого наследия поэта начала XX века Фёдора Чудакова и доктор филологических наук Александр Белый (Москва) за серию литературоведческих статей о творчестве Леонида Завальнюка.

В 2019 году лауреатами четвертой премии в номинации «Лучшее литературное произведение» стали журналист Валентина Кобзарь за книги «Волшебный Благовещенск. Сказки и картинки» и «Благовещенск. До востребования... Счастливое путешествие Антона Чехова на Дальний Восток в 1890 году»; в номинации «За вклад в развитие культуры Приамурья» писатель Игорь Игнатенко за повесть в новеллах «Детство Егорки».

Своих победителей выбирают и сами амурчане: народное голосование за номинантов проходит ежегодно на сайте Амурской областной научной библиотеки. В 2019 году впервые мнения профессионального и народного жюри разошлись. Так, в номинации за культурный вклад победил спектакль «Счастливые люди» режиссера Павла Рукавицына. Пьеса «Вдали от столицы» была написана Леонидом Завальнюком в 1971 году по мотивам повести «Дневник Родьки – трудного человека». Перед постановщиком стояла очень непростая задача – показать жизнь провинциального городка вначале 1960-х так, чтобы это было понятно и интересно современному зрителю. Победитель в номинации «Лучшее литературное произведение» – роман Евгении Кретовой «Навигатор из Нерюнгри». «У меня молодёжная проза, рассчитанная как раз на ту самую аудиторию, про которую сегодня говорят «они не читают» – а они читают. Они за меня и проголосовали», – улыбается Евгения, оставившая Москву ради Благовещенска и юриспруденцию ради литературы.

На церемонии вручения премии каждый учитель русского языка и литературы Благовещенска получил в подарок сборник стихов Леонида Завальнюка «Всё с вами, но не ваш», изданный в 2019 г. Это не единственная книга произведений Завальнюка, родившаяся по инициативе Игоря Геннадьевича Горевского и Александра Андреевича Белого – стихи, поэмы, картины собраны в сборниках «Три поэмы» (2018), «Токи души» (2017), «Пророка жду» (2017), «Предвестие» (2014), «Слово и цвет. Сто стихов – сто картин» (2014).

За пять лет работы проекта «Возвращение Завальнюка» издана серия книг, опубликованы литературоведческие статьи в сборниках «Лосевские чтения», «Молодёжь XXI века: шаг в будущее», журнале «Вопросы литературы». В Амурском областном краеведческом музее и Амурской областной научной библиотеке состоялись художественные, книжно-иллюстративные выставки, литературные гостиные, творческие встречи, посвящённые Леониду Завальнюку.

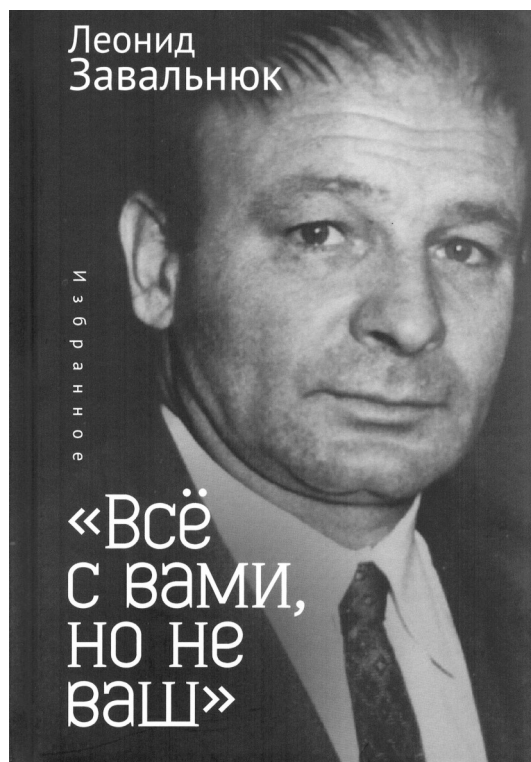
С 2019 года для чтения произведений создан аккаунт поэта в Инстаграм.

История литературной премии имени Леонида Завальнюка бережно собрана и размещена на сайте Амурской областной научной библиотеки libamur.ru: фрагменты произведений номинантов премии, обоснования на выдвижение, комментарии читателей и итоги читательского голосования.

Наследие поэта и художника вдохновляет школьников и студентов, педагогов, художников, писателей и журналистов, продолжается работа над сохранением и популяризацией творчества Леонида Завальнюка.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Завальнюк Л. А. "Все с вами, но не ваш" : избранное / Леонид Андреевич Завальнюк ; предисловие А. Белого ; редакционная коллегия: А. В. Урманов [и др.] ; Амурский государственный университет, Благовещенский государственный педагогический университет, Амурская областная научная библиотека им. Н. Н. Муравьева-Амурского, Информационное агентство "Амур.инфо" (Благовещенск). - Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. - 674 с. : портр.

Книга избранных поэтических произведений Леонида Андреевича Завальнюка (1931-2010) разбита на три раздела. Первый - стихотворения, вышедшие в свет при жизни поэта, то есть полностью отвечающие авторской воле. Второй - опубликованные вдовой поэта Натальей Марковной Завальнюк. Третью группу образуют стихотворения, до сей поры не публиковавшиеся. Тексты стихотворений первой группы приводятся по первой книжной публикации, остальные - по распечаткам, оставшимся в архиве поэта. Чтобы почувствовать границы мира поэзии Леонида Завальнюка, нужно помнить лихой и возвышенный стиль Державина, уникальную дерзкую философию и поэзию Григория Сковороды. «Всё с вами» - говорит современник, переживший вместе с нами все потрясения непростого века. «Но не ваш» - говорит личность, живущая вне времени, вместе со свободой и смертью. Понять его не просто, но понимание обогащает сторицей.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ АМУРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Библиографические указатели:

Благовещенск в редких изданиях: иллюстрированный библиографический указатель
Села Приамурья. Вып. 1. Благовещенский, Ивановский, Серышевский районы
Села Приамурья. Вып. 2. Архаринский, Михайловский, Тамбовский районы
Села Приамурья. Вып. 3. Завитинский, Константиновский, Свободненский районы
Села Приамурья. Вып. 4. Октябрьский район
Села Приамурья. Вып. 5. Белогорский район
Села Приамурья. Вып. 6. Бурейский район
Села Приамурья. Вып. 7. Зейский район
Слава недремлющей страже России, слава Амура сынам!: [амурское казачество]
Памяти достойн: к 205-летию Н.Н. Муравьева-Амурского
Река Амур в дореволюционных изданиях Амурской областной научной библиотеки: иллюстрированный каталог

Электронные коллекции документов:

Взаимодействие Амурской области со странами АТР: исторический аспект
Институт губернаторства в Приамурье
Память Приамурья
Приамурье Пограничное
20 лет работы Избирательной комиссии Амурской области на страницах амурской прессы

Информационно-методические материалы цикла «Русские судьбы – амурские писатели»:

Авиатор. Писатель. Патриот: о жизни и творчестве В.Ф. Крылова
Верность слову и делу: о творчестве Олега Маслова
Воин, рабочий, писатель: к 90-летию со дня рождения А.Г. Терентьева
Гордое имя – Б.А. Машук
Знакомый незнакомец (Завальнюк Л.А.)
Ли Янлен. С любовью к России...
Певец родного Приамурья: П.С. Комаров
Простые строчки: памяти Виктора Яганова
Рожденный свободным: памяти Б.И. Черных
Четыре грани таланта: памяти Н.И. Фотьева
Я не прощаюсь: памяти Светланы Борзуновой
Стихия дождя и ветра: о жизни и творчестве Тамары Шульги
Бамовский романтик: о жизни и творчестве Владимира Гузия
Предвестник перемен: о жизни и творчестве Александра Побожего
По зову сердца: о жизни и творчестве Игоря Ерёмкина

Методические материалы, информационные материалы и сборники:

Амурское казачество: вчера и сегодня: сборники докладов научно-практических конференций
Земли родной талант и вдохновенье: сборники творческих работ I областного литературного конкурса
Земли родной талант и вдохновенье: сборники творческих работ II областного литературного конкурса
Машуковские чтения: материалы научно-практических конференций
Муравьевские чтения: материалы научно-практических конференций
Премии в области литературы и искусства Амурской области – 20 лет
Тема войны в произведениях амурских писателей: информационно-библиографический обзор
Фестиваль «Амурская осень»: информационно-библиографический обзор
Чехов на Амуре: информационно-методический сборник
Прошлое и настоящее амурского речного пароходства: сборник докладов научно-практической конференции